

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В. Ф. РАЕВСКОГО

ВОСПОМИНАНИЯ В. Ф. РАЕВСКОГО

Публикация и вступительная статья М. К. Азадовского

I

Вот уже более трех четвертей века как в декабристской историографии мелькают упоминания о «Записках» Владимира Федосеевича Раевского¹. Печатались отрывки из «Записок», приводились отдельные цитаты из них, но сами «Записки» в целом оставались неизвестными и как будто где-то скрытыми. О них неоднократно вспоминали в дни юбилея 1925 г., а Н. О. Лернер напечатал даже специальную заметку под заглавием «Где бумаги В. Ф. Раевского?»², явно рассчитывая на отклик лиц, осведомленных о судьбе затерянных «Записок». Однако напоминания и призывы оставались без отклика, и можно было думать, что этот ценнейший памятник истории раннего декабризма безвозвратно погиб.

Впервые после 1825 г. имя Владимира Раевского стало широко известно русскому обществу из заметки в герценовской «Полярной звезде» (1861)³. Заметка эта представляла собою перепечатку официального сообщения о приговоре Раевскому и его брату Григорию и сопровождалась анонимными примечаниями, принадлежащими самому В. Раевскому, под заглавием: «Замечания, написанные в 1849 году». Эти «Замечания» и были, по существу, первопечатной автобиографической запиской Раевского. Через десять с небольшим лет они были воспроизведены уже в легальной печати на страницах «Русской старины» под заглавием «Заметки Влад. Фед. Раевского, написанные им в Сибири. 1844»; в общем оглавлении тома этот отрывок имеет более распространенное заглавие: «Заметки Вл. Фед. Раевского о заключении его в крепость, следствии и суде над ним и его братом в 1822—1827 гг., по подозрениям в участии их в политическом заговоре (написаны в Сибири, 1844 г.)». Опубликованы они были ревностным собирателем декабристских материалов и хранителем декабристских традиций, Е. И. Якушкиным⁴.

«Заметки» 1844 г. не были мемуарами в подлинном смысле этого слова, — они имели скорее вид справки, в которой автор кратко излагает свое дело, останавливаясь, главным образом, на трагической судьбе своего младшего брата. Некоторые факты, приведенные в «Заметках», сознательно излагались неточно, на что обратил внимание уже первый биограф В. Ф. Раевского — П. Е. Щеголев. Он же правильно определил смысл этих неточностей. Данные «Заметки» были написаны, говорит он, «по поводу официальной бумаги» и имели целью «указать несоразмерность понесенного Раевским наказания с материалом улики»⁵.

Е. И. Якушкин не сопровождал своей публикации никакими пояснительными замечаниями ни об источнике напечатанных им «Заметок», ни об их авторе, биография которого была в то время еще совершенно неясной и даже просто неизвестной⁶. Но уже в следующем году в столичных литературных кругах появились сведения о существовании другого, более полного текста «Записок» Раевского. Они оказались в г. Енисейске, в руках деятеля «Земли и воли» Л. Ф. Пантелеева, отбывавшего в 60—70-х годах ссылку в Восточной Сибири. Об этом сообщил редактору «Вестника Европы», М. М. Стасюлевичу, сам Пантелеев. Поводом для письма Пантелеева явилась печатавшаяся в 1873—1874 гг. серия статей П. В. Анненкова «Пушкин в Александровскую

эпоху», — в одном из очерков Анненков говорил (на основании «Воспоминаний» И. П. Липранди) и о Раевском. Л. Ф. Пантелеев извлек из бывшей у него рукописи Раевского отрывок, в котором упоминался Пушкин, и переслал его Стасюлевичу как материал для биографии поэта. Этот отрывок был опубликован в шестой книжке «Вестника Европы» за 1874 г.⁷ и затем многократно целиком перепечатывался в различных статьях и исследованиях, посвященных Пушкину или Раевскому. В упомянутом письме Пантелеев сообщил и ряд дополнительных сведений (извлеченных им из тех же «Записок») о взаимоотношениях Пушкина и Раевского, а также об аресте последнего; эти сообщения были частично использованы Стасюлевичем в краткой заметке, которой он сопроводил публикацию сообщенного Пантелеевым отрывка. Заканчивая письмо, Пантелеев писал: «Если вы найдете не лишним передать мое сообщение г. Анненкову, то, на всякий случай, покорнейше прошу его не давать огласки ни моему имени, ни даже тому, что сообщенное известие заимствовано из записок Раевского (последнее по совершенно случайным и временным обстоятельствам). Я однако имею надежду, что записки Раевского не долго будут оставаться под спудом, по крайней мере, то, что в них есть интересного»⁸. О «Заметках», напечатанных в «Русской старине», и об их отношении к находящейся у него рукописи Пантелеев ничего не говорит, — возможно даже, что он и не знал о них.

Однако, несмотря на заверение Пантелеева, «Записки» в печати так и не появились, и попрежнему продолжал оставаться неизвестным и неясным облик их автора, о котором проникали в печать и распространялись изустно самые противоречивые сведения⁹. В начале 1880-х годов редактор «Русской старины» М. И. Семевский получил от наследников Раевского ряд материалов об их отце (письма, стихотворения), но все эти материалы, пролежав в портфеле редакции около десяти лет, увидели свет лишь в 1890 г.¹⁰

Только в 1903 г., после появления в «Вестнике Европы» известной статьи П. Е. Щеголева¹¹, имя Раевского прочно вошло в историю русского революционного движения. В этой статье Щеголев ничего не говорит о каких-либо рукописных материалах Раевского, — очевидно, тогда еще они не были ему известны; в новой же редакции своей статьи (1913) он уже щедро пользуется этими материалами, неоднократно приводя цитаты из них и высказывая сожаление, что они остаются неизвестными.

Ценные пополнения в этот скудный фонд отрывков и цитат из мемуаров Раевского были сделаны в 1912—1913 гг., когда в «Современнике» и в «Сборнике статей в честь Д. Ф. Кобеко» появились две главы из «Записок» Раевского, относящиеся к двум различным эпохам¹². Одна публикация представляла собою заметки Раевского о его путешествии из Сибири в Европейскую Россию, совершенном им уже после амнистии (1858), другая содержала воспоминания Раевского о пребывании (1827) в крепости Замостье и о свидании с в. к. Константином Павловичем. В примечаниях к последней публикации комментатор также ссылался на неопубликованную рукопись воспоминаний и даже приводил из нее некоторые отрывки. Из глухих упоминаний публикатора можно было сделать вывод, что в его руках находится и подлинный основной текст «Воспоминаний» Раевского. В эти же годы появилось в печати и хранившееся в архиве Стасюлевича упомянутое выше письмо Л. Ф. Пантелеева¹³; его появление неизбежно должно было вновь подогреть интерес к становившейся уже легендарной рукописи «Записок» первого декабриста. И действительно, вскоре по выходе тома «Архива Стасюлевича» с письмом Пантелеева Лернер обратился к нему с запросом о судьбе рукописи. Пантелеев ответил: «Да, была в моем обладании часть бумаг, уцелевших после смерти В. Ф. Раевского; но еще лет 20 тому назад дал я эти бумаги одной особе в Петербурге для прочтения и даже для обработки. Особа ничего не сделала, т. е. ничего не извлекла; зато так удачно переслала их мне, что бумаги никогда не дошли до меня. Брошены ли они были посланцем, или попали в чьи-нибудь руки, — это покрыто мраком неизвестности»¹⁴.

Сам Пантелеев невысоко ценил эти «Записки» и несколько скептически относился к их автору. «Бумаги не высокого значения, — писал он в том же письме. — Уже на старости лет Раевский принялся за свои воспоминания, несколько раз начинал и не кончил. Он, главным образом, распространялся о своем деле, придавая ему огромную

важность, равно как и самому себе. Но в то же время не видно, чтобы он был участником в тайных обществах декабристов»¹⁵. Видимо, эта недооценка «Записок» и смутное представление об их авторе и его значении в истории декабристского движения и явились причиной равнодушного отношения Пантелеева к утрате рукописи, — по крайней мере из его письма не видно, чтоб им предпринимались какие-либо энергичные и решительные шаги для ее отыскания. Не находил он нужным остановиться на данном эпизоде и в собственных «Воспоминаниях»¹⁶.

Совершенно очевидно, что той «особой», о которой с раздражением писал Пантелеев, но мог быть П. Е. Щеголев, так как к последнему нельзя было бы отнести упрек в неиспользовании рукописи. К тому же, если бы Щеголев действительно имел в своих руках данную рукопись и обладал правом на ее воспроизведение, он не преминул бы этим воспользоваться. Можно сделать вывод, что в распоряжении Щеголева были лишь отдельные выписки из другой аналогичной рукописи — подлинный же текст «Записок» Раевского в то время, когда он работал над новой редакцией его биографии, находился в чьих-то других руках.

Новое понимание декабристского движения и задач его изучения, выработанное советскими исследователями, и, в частности, усилившийся интерес к представителям наиболее демократического и революционного течения в декабристской среде не могли не отразиться самым благотворным образом и на изучении роли Раевского. В результате пересмотра прежних точек зрения и специальных архивных разысканий и явился ряд работ, в новом свете изображающих личность Раевского и его деятельность. Даже первый и основной биограф Раевского, П. Е. Щеголев, в сущности, еще неясно представлял себе личность Раевского и его действительное значение в истории декабризма; он видел в нем лишь типичнейшего представителя вольнодумства александровской эпохи, не выделявшегося сколько-нибудь заметно из среды других деятелей того времени. И только в этом плане усматривал он «некоторое право» Раевского «на память потомства». Весьма невысоко ценил первый биограф Раевского и его поэтическое творчество; его стихи имели, по мнению Щеголева, лишь историко-литературное значение, — главным же образом в связи с Пушкиным, на творческом развитии которого как-то отразилась кишиневская встреча с пылким революционером; сами же по себе стихи Раевского, — утверждал он, — лишены какой-бы то ни было самодовлеющей эстетической ценности и интересны, главным образом, как материал для биографа¹⁷.

Иное понимание образа и дела Раевского воссоздавали советские исследования, цикл которых был открыт в 1925 г. статьями и публикациями Ю. Г. Оксмана (письма Раевского к товарищам по Тайному обществу, стихотворное послание к Г. С. Батенькову и его же записка «О солдате» — один из интереснейших памятников декабристской публицистики)¹⁸. Через десять лет тем же исследователем был опубликован незаконченный очерк «Вечер в Кишиневе», где в полубеллетристической форме Раевский воссоздавал один из литературных споров, происходивших между ним и его кишиневскими друзьями во главе с Пушкиным. В этом споре Раевский формулировал свои эстетические позиции¹⁹.

Еще более плодотворным для изучения Раевского оказалось последнее десятилетие. Исследованиями и публикациями Л. Сперанской, В. Г. Базанова и П. С. Бейсова²⁰ фонд сочинений Раевского обогатился ценнейшими и разнообразными материалами: стихотворения, письма, наброски художественных отрывков в прозе, официальные заявления и протесты, политические и публицистические трактаты, автобиографические наброски и записки, — среди последних появилась и «собственноручная автобиографическая записка» Раевского, написанная им в 1858 г., во время пребывания в Петербурге²¹, специально для И. П. Липранди. В свете этих новых материалов и исследований Раевский предстает перед нами уже не как рядовой деятель своего времени, а как выдающийся представитель начальной поры революционного движения, как замечательный пропагандист и организатор, как незаурядный поэт, как писатель-политик с ярко выраженными элементами демократической и революционной мысли и, наконец, как талантливый и блестящий публицист.

В этот поток новых материалов о Раевском включаются, наконец, и его «Воспоминания, первая страница которых восемьдесят лет тому назад была опубликована

Пантелеевым. Совершенно неожиданно они были обнаружены несколько лет тому назад в одном из ленинградских книжно-антикварных магазинов²².

Эти «Записки» представляют собою две тетради: одна — in 8°, другая — in 16°. Обе писаны рукой Раевского и имеют вид черновых записей с большим количеством поправок и помарок. Содержание первой (в дальнейшем будем называть ее условно тетрадь А, а другую — тетрадь В): 1) глава, содержащая рассказ об аресте, помеченная на первой странице датой: 6 февраля 1841 г.; 2) рассказ о пребывании в крепости Замостье и о свидании с в. к. Константином Павловичем; 3) рассказ об объявлении приговора и 4) глава «Воспоминаний» под заглавием «Путь в Сибирь». Все эти главы не составляют тесно связанного повествования, но каждая из них представляет собою небольшое самостоятельное целое; кроме того, в той же тетради находятся краткие воспоминания о войне 1812 г., вернее — размышления о ней, — и составленный Раевским перечень важнейших дат его жизни («Мой формуляр»). Открывается тетрадь записью отрывка из проповедей Массильона и нескольких афоризмов.

Из проповеди Массильона Раевский выписал следующее место: «C'est ainsi que les jugements injustes deviennent des sources de malédiction dans les familles. Dieu redemande à la quatrième génération le sang que L'injustice d'un seul de leurs ancêtres assis sur les tribunaux et trop dévoué aux passions d'autrui, fit témérairement repandu: on voit ces maisons, frappés d'une main invisible, étonner le monde par leur décadence; et jusqu'à la fin les neveux portent sur leur front l'iniquité de leur pères*».

За этим отрывком следуют «афоризмы»:

I. Не делай и не желай того другому, чего себе не желаешь.

II. Чужая тайна есть чужая собственность. Подлый человек только решается огласить вверенную ему, даже неважную тайну.

III. Читай евангелие со вниманием, если хочешь сделаться добрым человеком.

IV. Молчание очень часто равняется уму.

V. Самая глупая книга может быть в отличном переплете и обратно».

Эти афоризмы составляют одно целое с выписанной цитатой из Массильона и в некоторой степени определяют правила поведения Раевского на следствии.

На последней странице тетради А записано: «Никита Михайлович Муравьев родился 1795 года в июле месяце. Умер в с. Урик в 18 верстах от г. Иркутска 1843 года 27 апреля».

В эту же тетрадку была вложена копия главы, содержащей рассказ о пребывании в крепости Замостье, с поправками в ней рукой самого Раевского. Очевидно, эту главу он предполагал тогда же поместить в печати, для чего и была приготовлена данная копия, — по этой копии глава и опубликована в 1913 г. В. М. Пушиным. В копии она имеет заглавие «Воспоминание. Крепость Замостье и разговор с цесаревичем Константином Павловичем в 1826 году сентября месяца»²³.

Тетрадь В объединяет в одном переплете печатное издание «Донесений Следственной комиссии» (без каких бы то ни было заметок на полях или в тексте; имеются лишь в некоторых случаях подчеркивания) и рукописную главу, в которой содержится рассказ о пребывании Раевского в Петропавловской крепости и о допросе его Следственной комиссией. Одна страница из этой рукописи вырвана и утрачена. В той же тетради — в начале ее — отдельный листок с записью событий, имевших место в Иркутске в 1827—1830 гг.; листок озаглавлен — «Замечательные события при Лавинском»²⁴. Приводим эту небольшую запись полностью:

«Замечательные события при Лавинском»²⁵.

Донесенье его на председателя Горлова и ссылка государственных преступников в Нерчинские рудники²⁶.

* Так, несправедливые приговоры становятся источником жестоких семейных бедствий. С четвертого поколения взыскивает господь кровь, дерзко пролитую из-за несправедливости кого-то из предков, заседавшего в суде и чрезмерно угождавшего страстям других; и мы видим, как эти семьи, пораженные невидимой рукой, изумляют мир своим упадком; и до конца дней своих несут потомки на своем челе печать несправедности их отцов (франц.).

Архиерей Иереней после многих странных его деяний, неприличных поступков, доносов и вмешательства в гражданские дела признан был за помешанного в уме. Узнавши это, он старался речью возмутить народ, но к счастью не успел, и жандармский подполковник Брянчанинов увез его из Иркутска²⁷.

Приезд Анштепа [и] Дове из Швеции для разыскания уклонения магнитной стрелки и Германа — из Пруссии²⁸.

Однако совершенно очевидно, что ныне обнаруженная рукопись не является единственным текстом мемуаров Раевского; наряду с ней существовала (и, может быть, существует где-либо и сейчас) другая редакция этих «Воспоминаний». Такой вывод подсказывает сопоставление с ее текстом тех отрывков, которые цитирует в своей статье П. Е. Щеголев: большая часть их отсутствует в настоящей рукописи и, несомненно, заимствована из какого-то другого источника. Так, например, Щеголев приводит по рукописи Раевского характеристику его отца, Федосия Михайловича Раевского: «Отец мой, — говорит В. Раевский, — был отставной майор екатерининской службы; человек живого ума, деятельный, враг насилия, он пользовался уважением всего дворянства». В нашей рукописи этих строк нет; отсутствуют в ней также и приводимые далее Щеголевым цитаты, содержащие характеристику преподавания в Московском благородном пансионе, замечания Раевского о значении войны 1812 г., о его изучении Руссо и Монтескье, о пребывании в главной квартире 2-й Армии и др. Отсутствует в настоящей рукописи и цитируемый Щеголевым рассказ о предложении, сделанном Раевскому генералом Киселевым: купить свободу ценою предательства²⁹, — очень вероятно, что этот рассказ находился на вырванной и утраченной странице (в тетради Б).

II

В общем историю создания текста «Воспоминаний» В. Ф. Раевского можно, с некоторой долей условности, представить так: «Воспоминания» были начаты Раевским в 1841 г., в девятнадцатую годовщину его ареста, что он и подчеркнул поставленной в начале текста датой. Он довел «Воспоминания» до рассказа об отправлении его в Тираспольскую крепость и на этом почему-то временно свою работу оборвал. В 1844 г. Раевский начал новые «Записки», но уже в иной форме и имея в виду какое-то особое их назначение. Это тот отрывок, который был опубликован сначала Герценом, а затем в 1873 г. Е. И. Якушкиным. В 1858 г. Раевский опять возвращается к «Запискам»; им написаны заметки о поездке в Россию, составлена автобиографическая памятка для Липранди. Тогда же он возобновляет и работу над мемуарами. Об этом свидетельствуют заключительные строки написанной в 1841 г. первой главы «Воспоминаний». Первоначально она заканчивалась следующим образом: «Вот причина и начало девятнадцатилетних моих страданий»; затем эти строки зачеркнуты и исправлены; ныне они читаются так: «Вот причина и начало шестилетнего заточения, тридцатилетней жизни в ссылке. Его сибирская жизнь началась в 1828 г., — стало быть, слова о тридцатилетней ссылке могли быть написаны не ранее 1858 г. Общественное оживление этих лет, которое он имел возможность непосредственно наблюдать во время своей поездки в Россию, свидания со старыми друзьями, встречи с бывшими товарищами по изгнанию, естественно, должны были побудить его вновь вернуться к начатому и оставленному замыслу. Возможно, что некоторым дополнительным стимулом послужило и составление автобиографической записки для Липранди.

Раевский пересматривает теперь текст 1841 г. — приводит в соответствие с современной хронологической датой последние строки и, очевидно, тогда же пишет воспоминания о встрече с Константином и об окончательном приговоре. Следующие же главы (по нашему расположению: вторая и пятая) относятся к более позднему времени: они написаны в 1863—1865 гг., вероятнее всего — именно в 1864 г. Это устанавливается следующими соображениями: во второй главе Раевский, перечисляя членов Союза Благоденствия, упоминает имя М. Н. Муравьева и при этом добавляет: «в настоящее время генерал-губернатор в Вильне». М. Н. Муравьев был назначен виленским губернатором в мае 1863 г., в апреле 1865 г. он был уже уволен, а в следующем году скончался; из этого следует, что данная глава «Воспоминаний» не могла быть написана

ранее конца 1863 г. и во всяком случае не позже весны 1865 г. К тому же времени относится и пятая глава, содержащая рассказ о путешествии в Сибирь, ибо в ней Раевский упоминает о смерти Батенькова. Батеньков умер в конце 1863 г., — стало быть, и эта глава должна быть отнесена к 1864 г.³⁰ О 1864 г., как времени составления этой главы, свидетельствует и «Мой формуляр», заканчивающийся 1863 годом.

Таким образом, дошедшие до нас «Воспоминания» оказываются по своему происхождению разновременными. Первая глава была написана в 1841 г., вторая — в 1864 г., третья и четвертая относятся к 1858 г., последняя — к 1864 г. Расположение главы в тетрадах позволяет восстановить и самый процесс образования текста «Воспоминаний»: сначала была написана (в 1841 г.) в тетради *А* первая глава; в 1858 г. Раевский вернулся к ней, выправил прежний текст и дополнил двумя новыми главами (третьей и четвертой). Затем работа над мемуарами вновь оборвалась на несколько лет, до 1864 г. В этом году им была написана, уже в другой тетради — тетради *Б*, глава о суде и пребывании в Петропавловской крепости (глава вторая). Она заняла собой почти всю небольшую тетрадь, и для дальнейшего продолжения Раевский вновь обратился к тетради *А*, внося в нее последнюю, пятую, главу, там же записав «Мой формуляр». Так как заметки о 1812 г. находятся в той же тетради, занимая место между последней главой и «Моим формуляром», то их следует также датировать 1864 годом. Вероятно, тогда же были сделаны и карандашные заглавия первой и третьей глав.

Вполне понятно, почему именно в 1864 г. Раевский вновь вернулся к работе над мемуарами. К этому влекла прежде всего сама эпоха, влек проявившийся в русском обществе этих лет огромный интерес к событиям «первой битвы за свободу»; в эти же годы одни за другими появляются в печати мемуары декабристов и других деятелей начала века, причем в некоторых из них упоминалось имя Раевского. Все это не могло не стимулировать Раевского к возобновлению и завершению давно начатой работы; возникла потребность дать свою оценку событий и самому рассказать историю своей жизни и своего участия в делах Тайного общества. Быть может, сыграли в этом некоторую роль и недавние клеветнические выступления Бакунина, отрицавшего значение Раевского в деле декабристов и искажавшего причины его ссылки.

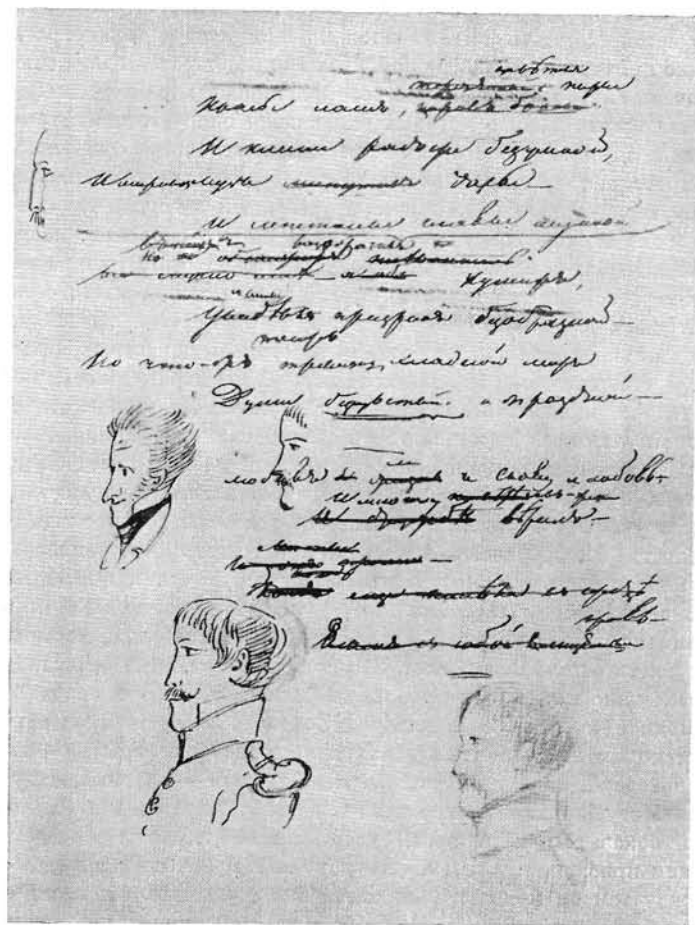
Возникает вопрос, какой же текст «Записок» цитировал П. Е. Щеголев? Точно определить этот источник в настоящее время еще нельзя, но установить его общие контуры до некоторой степени возможно. Большинство приводимых Щеголевым цитат относится к раннему периоду биографии Раевского: воспоминания об отце, о Московском благородном пансионе, о прибытии в главную квартиру Витгенштейна, затем несколько цитат заимствовано из рассказа об аресте и о поездке в Сибирь. Таким образом, соответствие между источником Щеголева и нашей рукописью можно установить лишь в рассказе об аресте и ссылке. Очевидно, была еще какая-то, более поздняя редакция. В 1868 г. Раевский пишет сестре о «трех переходах» своей жизни: юность, арест и пребывание в крепости, ссылка. «Воспоминания» охватывают лишь «второй переход» и заканчиваются начальным периодом третьего этапа его жизни. Раевский хотел создать связи и законченное изображение всех этих «переходов» и в четвертый раз (если не считать «Заметок» 1844 или 1849 гг.) обратился к составлению своих мемуаров, начав их теперь с рассказа о своей юности и стремясь придать им характер последовательного изложения главнейших событий своей жизни. Записки же 1858—1864 гг. явились для Раевского предварительными записями, которые он и подверг новой обработке, как об этом позволяют судить некоторые из приводимых Щеголевым цитат. Его письмо к сестре, в котором он делает краткий обзор трех основных этапов («трех переходов») своей жизни и наиболее подробно говорит о пребывании в Сибири, — как бы завершает цикл его мемуарных заметок, служа своеобразной концовкой незавершенных воспоминаний³¹.

III

«Воспоминания» Раевского в той редакции, в какой они дошли до нас, представляются и незаконченными и неполными. Но и в таком виде они служат ценнейшим вкладом в литературное наследие декабристов и могут быть поставлены наравне с самыми лучшими страницами декабристской мемуарной литературы, являясь важным

историческим свидетельством о той эпохе, когда, по словам В. И. Ленина, «монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподданных Аракчеевых...»³².

В нашей исторической литературе до сих пор еще недостаточно полно изучен вопрос о солдатских настроениях и идейной жизни солдатских масс в пору подготовки декабрьского восстания. В одном из своих этюдов П. Е. Щеголев ставит вопрос о сознательном участии солдатских масс в выступлении Сергея Муравьева и решает его

В. Ф. РАЕВСКИЙ

Рисунки А. С. Пушкина (два нижних) на полях черновой рукописи «Послания к В. Ф. Раевскому», 1822 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

отрицательно. «Почему же Черниговский полк последовал за своим вождем, — спрашивал он, — потому ли, что их побуждало к этому отчаянное экономическое положение, сознание ими, или потому, что в любви к своему батальонному командиру не допускали мысли, что он ведет их не к добру — когда мы поставим этот вопрос, мы должны выбрать последний ответ. Тягость службы и ненормальность тягостей вряд ли ясно сознавались в то время, хотя недовольство и было»³³. Это суждение, высказанное впервые в 1908 г., Щеголев полностью повторил и в 1925 г. Однако за последние двадцать пять лет накопилось немало материалов, которые позволяют совершенно иначе освещать поставленную проблему. Обнаруженные солдатские прокламации,

солдатские стихи и памфлеты, новые факты пропагандистской деятельности декабристов, — преимущественно членов Южного общества и Общества Соединенных Славян, — восстановленные исследователями образы энтузиастов — участников движения из среды самой солдатской массы (Аноиченко, Шутов, Малафеев и др.) — в корне нарушают выводы и точки зрения дореволюционной историографии³⁴.

Но было ли у самих декабристов отчетливое и ясное представление об этих настроениях? В декабристской мемуарной литературе этот вопрос совершенно не освещен; материал для ответа на него приходится черпать главным образом, из показаний декабристов на следствии, в которых они, конечно, не всегда бывали точны и искренни, а порой и сознательно затуманивали какие-либо стороны или, наоборот, сгущали краски. И должно признать, что многие крупнейшие представители движения и даже сами вожди его очень смутно представляли себе подлинный характер солдатских настроений, — идейная жизнь масс, в которых они видели опору готовящегося революционного восстания, оказывалась для них скрытой и неведомой. Они уловили дух недовольства и протеста в армии, но не умели разобраться в его причинах и понять его сущность. Бестужев-Рюмин категорически утверждал на суде, что «негодование солдат существовало прежде возмущения»³⁵, когда же его спросили, на чем основывает он свое утверждение, Бестужев-Рюмин отвечал: «Сие было мнение всего Общества <...> Почерпнутое же оно из слышимых нами ропотов солдат на тягость и продолжительность службы»³⁶.

В трудах о декабристах не раз уже цитировалось показание Матвея Муравьева-Апостола, представляющее собой наиболее подробную характеристику солдатских настроений, как они рисовались декабристам. Муравьев-Апостол видел основную причину готовности армии к восстанию — в разрушении дисциплины, основанной «на душевном уважении к начальникам»³⁷. Причины этого разрушения заключались, по его убеждению, в обкрадывании солдат их начальниками, в грубости и жестокости, в длительности ученья и парадов, в обилии штрафованных солдат и т. п. Таким образом, и в свидетельстве М. Муравьева-Апостола, и в решительном заявлении Бестужева-Рюмина на первое место выдвигаются невыносимые материальные и правовые условия солдатской жизни, мотивы же социального угнетения и социальной несправедливости оказались ими не раскрытыми; возможно, что они сознательно избегали говорить о них в своих показаниях на следствии. Это понимание идейных оснований «солдатских ропотов обусловило и характер пропаганды декабристов среди солдат, — и только некоторые «славяне» (то есть члены Общества Соединенных Славян) затрагивали в своих пропагандистских и агитационных выступлениях не одни профессиональные и экономические интересы, но и темы рабства и отношения к правительству. Из декабристов-«неславян» эту же линию энергично и настойчиво проводил Раевский. Поручик Михалевский показывал на допросе, будто Раевский говорил солдатам о возможности нарушения присяги, так как и «государь нам присягал с народом хорошо обращаться», между тем он мучит народ; стало быть, «он изменил свою присягу, следовательно, и мы бы могли изменить»³⁸. Михалевский очень сгущает краски, но едва ли его показание в целом выдуманно и ложно. Сам Раевский в «Воспоминаниях» именует Михалевского не лжесвидетелем, как, например, Сушова и других юнкеров, а предателем. Политическая пропаганда была положена и в основу педагогической деятельности Раевского в ланкастерской школе. Поэтому чрезвычайно важна та характеристика «духа армии», которую дает Раевский в «Воспоминаниях». Говоря о намерении Тайного общества произвести «военную революцию», Раевский пишет: «На 2-ую Армию можно было смело рассчитывать <...> Солдаты в 16-й дивизии готовы были на отчаянное дело. Несколько полковых командиров 1-й Армии, революционное движение гвардейских полков в Петербурге, 14 декабря, пример Черниговского пехотного полка, в котором батальонный командир Апостол-Муравьев собрал полк и пошел ко 2-й Армии, доказывали, как легко было тогда двинуть полки под одно революционное знамя». Раевский говорит не о готовности солдат идти за своими восставшими командирами, но об их *революционной готовности*. Раевский ближе других стоял к солдатским массам³⁹, и его свидетельство о революционных тенденциях 2-й Армии представляет исключительный исторический интерес и ценность.

«Воспоминания» Раевского заполняют существенный пробел в декабристской мемуарной литературе, освещая период в жизни Тайного общества, когда члены его подготавливали солдат к активному и сознательному участию в предстоящем восстании. Именно в этой атмосфере возникли такие памятники декабристской публицистики и агитационной литературы, как политическая записка Раевского «О солдате» и «Православный катехизис» Сергея Муравьева-Апостола и Бесгульева-Рюмина. Вместе с тем эти «Воспоминания» более отчетливо раскрывают наличие наиболее последовательной революционной линии в самой декабристской верхушке, к которой должно с полным правом причислить и Раевского.

IV

Жизнь Раевского настолько тесно сплетена с историей важнейших очагов декабристского движения на юге (Кишинев и Тульчин), что новые подробности его биографии сплошь и рядом приобретают более широкое значение, помогая уяснить и осмыслить многие факты в судьбах Тайного общества, в частности, обнаруженные ныне «Воспоминания» дают возможность внести очень существенные дополнения в историю так называемого «разгрома кишиневской организации» в 1822 г. и пересмотреть некоторые сложившиеся и, казалось, прочно установленные точки зрения на этот вопрос⁴⁰. Одним из центральных моментов в этой «истории» является факт уничтожения обнаруженного в бумагах Раевского списка членов Тайного общества. Впервые об этом стало известно из «Записок» Якушкина: «...когда попал под суд капитан Раевский, заведывавший школою взаимного обучения в дивизии Михайлы Орлова, — рассказывает он, — и генерал Сабанеев отправил при донесении найденный у Раевского список всем тульчинским членам, они ожидали очень дурных для себя последствий по этому делу. Киселев призвал к себе Бурцова, который был у него старшим адъютантом, подал ему бумагу и приказал тотчас же по ней исполнить. Пришедши домой, Бурцов очень был удивлен, нашедши между листами данной бумаги список тульчинских членов, писанный Раевским и присланный Сабанеевым отдельно; Бурцов сжег список, и тем кончилось дело»⁴¹. П. Е. Щеголев называл этот рассказ «удивительной историей» и, видимо, считал его мало достоверным, однако сообщение Якушкина вполне подтвердилось материалами следственных дел о декабристах. Об этом случае Следственной комиссии стало известно по доносу Майбороды, которому имел неосторожность рассказать о нем Пестель. По версии Майбороды, Киселев, рассматривая в присутствии Бурцова бумаги, присланные Сабанеевым, уронил нечаянно на пол написанный на четвертушке бумаги список старших членов Тайного общества. Бурцов незаметно поднял этот список, спрятал в руках мундира, «а после сный сжег». Спрошенные по этому поводу Бурцов и Пестель подтвердили донос Майбороды, причем Пестель добавил, что он слышал об этом от Юшневского, Аврамова и доктора Вольфа⁴². О том же спрашивали Лорера, который также подтвердил этот рассказ⁴³. Между «Записками» Якушкина и доносом Майбороды существует некоторое расхождение. По версии последнего, все дело свелось к счастливой для членов Тайного общества случайности: небрежность Киселева и ловкость Бурцова помешали своевременно раскрыть тульчинских заговорщиков. Якушкин же излагает этот эпизод как акт сознательного вмешательства Киселева, который, по убеждению мемуариста, «знал о существовании Тайного общества и смотрел на это сквозь пальцы»⁴⁴. Что же касается Пестеля, Лорера и других опрошенных по этому поводу лиц, то они, по словам Якушкина, ограничились подтверждением доноса Майбороды, не сообщая никаких новых подробностей и явно избегая их из опасения новых вопросов. Раевский в своих «Воспоминаниях» также рассказывает об этом эпизоде с Бурцовым, и его свидетельство является в данном случае, конечно, вполне авторитетным.

По рассказу Раевского, Сабанеев «один на один» спросил его о значении этого списка. Раевский отвечал, что он «записывал всегда передовых людей по образованию и уму», которых встречал или о которых слышал. «Только-то?» — спросил Сабанеев и на этом прекратил свой допрос. Затем этот список он послал Киселеву, запросив его: «следует ли сделать вопрос майору Раевскому об этих лицах?» Киселев получил

эту бумагу при Бурцове и дал ему прочесть ее, затем, — рассказывает Раевский, — «положил бумагу в стол и вышел вон Бурдов воспользовался этим случаем, вынул бумагу и список и бросил в печь»⁴⁵. Таким образом, «Воспоминания» Раевского вполне подтверждают версию Якушкина о сознательном попустительстве Киселева⁴⁶. Но значение этого сообщения Раевского гораздо шире и глубже, ибо проливает свет на ряд сложнейших явлений запутанного дела Раевского и всего следствия о кишиневских декабристах⁴⁷; оно помогает осмыслить и поведение главного действующего лица в процессе Раевского — генерала Сабанеева. Раевский и в «Воспоминаниях», и во всех официальных обращениях, и в автобиографии, написанной для Липранди, резко обвинял Сабанеева, считая его пристрастное и злобное отношение причиной всех своих несчастий. С другой стороны, поведение Сабанеева во время следствия над Раевским и суда над ним вызвало ряд серьезных нареканий со стороны высших судебных органов. Председатель Военно-судной комиссии при Литовском отдельном корпусе генерал Дурасов указал на ряд «беспричинных упущений, неправильностей и даже противозаконностей». Дурасов обратил внимание на «сокрытие» от суда «мелких обстоятельств», потерю ряда важных бумаг, оставление без внимания многих «прикосновенных лиц» и т. д. Вообще ему казалось, что в производстве самого следствия было обращено гораздо большее внимание на «малозначащие обстоятельства». Полевой аудиториат также находил, что дело исследовано Сабанеевым «не во всех частях». Сабанеев проявил медлительность в аресте Раевского и в захвате бумаг Охотникова, дав тем самым возможность уничтожить важнейшие документы; он не дал хода показаниям штабс-капитана Тулубьева, сообщавшего о восхищении Раевского «итальянскими происшествиями», не препроводил в Комиссию всех отобранных у Раевского бумаг, некоторые же из них вообще удержал у себя, помешав тем самым Военно-судной комиссии изучить их; сам он также, по мнению Полевого аудиториата и генерала Дурасова, не сумел в них разобраться должным образом, не проверил тщательно сведений, сообщенных майором Юминым, и, — самое главное, — не выяснил и не выяснял вопроса о существовании «какого-либо Общества» и о принадлежности к нему Раевского и других «прикосновенных лиц». Военно-судной комиссией было установлено — и это полностью вошло затем во «всеподданнейший доклад» Дибича — девять пунктов «отступлений» (то есть упущений) Сабанеева; в одном из пунктов было прямо указано, что Сабанеев «не спросил Раевского, не принадлежал ли он к какому-либо Обществу». Последний пункт («К») был сформулирован следующим образом: «Многие упущения военного суда, означенные подробно в выписке <комиссии> военного суда, при войсках Литовского корпуса учрежденной, падают также на ответственность генерала Сабанеева, потому что суд сей производился, даже самая выписка из дела составлялась по личным его, генерала Сабанеева, надзором. Он, при начале суда, дал собственную инструкцию суду, что должно делать, кого о чем и как спрашивать, оставив все оригинальные бумаги у себя, препроводил только выписку из оных, предоставив самому себе по черновым бумагам, у Раевского отобранным, делать надлежащие разыскания: каковым действием и ограничил власть суда в назначенных им самим пределах»⁴⁸. Таким образом, по заключению Дибича, Сабанеев явно не справился с данным ему ответственным поручением. Этот официальный вывод довольно прочно вошел в последующую историческую литературу и сохранился в ней вплоть до сегодняшнего дня. «Нити от Тайного общества находились в руках Киселева и Сабанеева, но распутать сложный клубок заговора им так и не удалось». Сабанеев «не сумел раскрыть существование в 16-й дивизии Тайного общества и ничего не сделал для выяснения политических взглядов Орлова», — подводит итог следствию и суду В. Г. Базанов⁴⁹. Базанов видит в этой «неудаче» Киселева и Сабанеева исключительно заслугу Раевского. Бесспорно, поведение Раевского во время следствия и суда, где он проявил замечательную стойкость, выдержанность, смелость, находчивость, сыграло огромную роль, но необходимо учесть и другие обстоятельства. Ошибки, допущенные Сабанеевым, настолько очевидны и, можно сказать, настолько элементарны, что их трудно объяснить лишь недосмотром или оплошностью со стороны Сабанеева или, наконец, его бездарностью, как можно заключить из построений некоторых исследователей. Такие явные промахи как-то плохо вяжутся с известным нам обликом Сабанеева и его репутацией. Сабанеев был до-

статочно прозорлив и хитер, и трудно допустить, чтобы он мог оказаться столь наивным, беспомощным и совершенно сбитым с толку отпором Раевского. Поведение Сабанеева невольно подсказывает другой вывод и заставляет искать другие мотивы его поступков. Напрашивается вывод о сознательном расчете и определенной линии поведения Сабанеева: он не захотел распутать дело до конца. Он упорно вел следствие по одному, и очень узкому, пути, концентрируя все обвинение вокруг одного Раевского, тщательно индивидуализируя его дело, ограничивая его пределами исключительно дисциплинарных проступков, не переводя в плоскость общеполитическую и старательно избегая расширить круг привлеченных лиц. Между тем в его распоряжении были определенные указания Главной квартиры 2-й Армии и Главного штаба. Ссылаясь на высочайшее повеление, начальник Главного штаба князь П. М. Волконский рекомендовал «обратить особенное внимание не только на противузаконные действия самого подсудимого, майора Раевского, но и на всех прикосновенных лиц, более или менее причастных поступкам подсудимого»⁵⁰. Сабанеев этого явно не выполнил.

В 1821 г. Киселев задумал учредить во 2-й Армии тайную полицию. По его поручению был составлен проект положения и инструкция для агентов. Проект не был утвержден, но агенты все же существовали и деятельно работали. В инструкции агентам особенно рекомендовалось выяснить, не существует ли офицерских «клуба, логи и проч.»⁵¹. Сабанеев был прекрасно осведомлен об этой инструкции, ибо принимал деятельнейшее участие в создании во 2-й Армии тайной полиции, но сам он почти совершенно оставил в стороне вопрос о разного рода офицерских организациях и не делал никаких сколько-нибудь настоячивых попыток к раскрытию их.

Наиболее характерным и показательным является эпизод со списком: рассказ о нем Раевского дает ясный ключ к уяснению поведения Сабанеева. Что произошло? Сабанеев обнаруживает список, призывает к себе Раевского и допрашивает его, вопреки обыкновению и требованиям закона, без каких бы то ни было свидетелей: «один-на-один», по выражению Раевского. Он выслушивает явно вздорный и, по существу, издевательский ответ и делает вид, что вполне удовлетворяется им. Затем, отказываясь от какой-либо собственной инициативы в данном деле, пересылает список Киселеву с наивнейшим в его устах вопросом: «следует ли сделать запрос майору Раевскому об этих лицах?». Мало того, допрашивая Раевского «один-на-один», не привлекая своих помощников к разбору обнаруженных новых обстоятельств, Сабанеев тем самым фактически скрыл от них содержание важнейшего документа. Под стать Сабанееву в данном случае и поведение Киселева: он не только не удивляется столь, по меньшей мере, странной нерешительности и нераспорядительности Сабанеева, но и сам делает ряд «несообразных» шагов. Не важно даже, сознательно он дал возможность Бурцову уничтожить этот избобличающий документ или здесь имела место «счастливая случайность», — важно, что он в дальнейшем не проявил никакого интереса к этому документу. Он не ответил Сабанееву и не привлек к ответственности Бурцова за совершенное им служебное преступление. Очевидно, и Сабанеев и Киселев хорошо знали, что они делали. К этому следует добавить, что Бурцов, имя которого также находилось в этом списке, был лицом особо близким Киселеву и в свое время оказал ему крупную дружескую услугу, явившись единственным секундантом в дуэли Киселева с Мордвиновым⁵².

Правда, впоследствии, когда история со списком раскрылась, обоим им — и Сабанееву и Киселеву — грозили крупные неприятности, однако и тот и другой полагали, что действуют весьма осторожно и без риска. Сабанеев перекладывал всю ответственность на Киселева, а Киселев вполне рассчитывал на такт и осторожность заинтересованных лиц, в первую очередь Бурцова. Бурцов же сообщил об этом событии тем, чьи имена находились в сожженном списке, в том числе и Пестелю, но последний и совершил непростительную ошибку, посвятив в эту тайну Майборода.

Напав на дело Раевского почти исключительно в русло дисциплинарных проступков, Сабанеев преследовал определенную цель. В его планы не входило раскрытие и избобличение Тайного общества. Утрата списка возбудила искреннее недоумение и тревогу со стороны Военного суда в Замостье. Раевскому был поставлен прямой вопрос: «Не знаете ли вы причины, почему генерал Сабанеев не спрашивал вас о

выше упомянутых бумагах письменно, а только словесно, и не был ли при том кто-нибудь?». Раевский ответил на это: «Я видел, что корпусный начальник держал все эти листки в своих руках, но почему он не сделал мне запрос, точно определить не могу»⁵³.

Сабанееву было невыгодно и даже опасно обнаружить гнездо заговорщиков во вверенном ему корпусе, ибо это значило бы признать собственную близорукость и беспечность, наглядно показать отсутствие бдительности, в чем его уже упрекал царь: «Сабанеев дожил до седых волос, а не видит, что делается у него в корпусе». Раскрытием и обнаружением у себя в корпусе Тайного общества он бы полностью подтвердил обидное подозрение царя и его успех стал бы неминуемым его же поражением. Этим и объясняются «странные» поведение Сабанеева во время суда и его многочисленные «упущения». Его промахи были сознательными и нарочитыми, — но он очень искусно и упорно вел свою линию. Нет сомнений, что он ясно разобрался в положении дел, — да и невозможно было бы в этом не разобраться, учитывая, что в его распоряжении были сообщения агентов тайной полиции, покаянные показания Юмина и, наконец, в его руках был список, в значении которого трудно было сомневаться и который, во всяком случае, надлежало тщательно изучить. Сабанеев и сделал свои выгоды. При полном содействии и участии Киселева Тайное общество в 16-й дивизии было разгромлено втихомолку. Арестован был лишь один Раевский, — но и то не за принадлежность к Тайному обществу, а по другим причинам, — все же остальные были убраны другим путем. Сабанеев добился отстранения от командования Орлова, а потом и вовсе удаления его из армии, удалил из армии генерала Пущина и полковника Непенина, заставил выйти в отставку ближайших друзей Раевского — Охотникова и Липранди. Таким образом, весь круг Орлова — Раевского был удален из армии и из Кипинева.

Помимо этих узко личных мотивов надлежит учесть еще и другие соображения, которые также диктовали Сабанееву осторожность в отношении к Тайному обществу. В начале 1822 г. ситуация была еще настолько неясной, что едва ли кто-нибудь мог бы отважиться на решительный шаг открытого изобличения и разгрома организации, в рядах которой, по общему мнению и слухам, находились влиятельнейшие лица, в том числе якобы крупнейшие деятели армии: Ермолов, Н. Н. Раевский, Киселев и другие. Представление об огромном значении и силе Тайного общества разделял и сам царь. Известен рассказ Якушкина о словах Александра I, сказанных им начальнику Главного штаба П. М. Волконскому: «Эти люди могут кого хотят возвысить или уронить в общем мнении; к тому же они имеют огромные средства». — «Он был уверен, — добавляет Якушкин, — что устрашающее его Тайное общество было чрезвычайно сильно»⁵⁴. Ермолов говорил М. А. Фонвизину об Александре: «Он вас так боится, как бы я желал, чтобы он меня боялся». Этот разговор происходил в 1821 г.⁵⁵

Либеральная легенда, очень долго и упорно державшаяся в русской исторической науке и не вполне изжитая до сих пор, утверждала, что Александр I сознательно отказался принимать какие-либо репрессивные меры против Тайного общества ввиду собственных былых увлечений либеральными идеями. Получив в 1821 г. от Бенкендорфа донос Грибовского, он будто бы сказал Васильчикову: «Не мне быть жестоким» или «Не мне их карать»⁵⁶. Если такие слова и были действительно сказаны, то все же трудно поверить в их искренность: не они выражали подлинные мысли и опасения Александра I. И, конечно, иные соображения руководили им, когда он провозглашал свою политику милосердия. Якушкин, отражая общедокабристское мнение об Александре, называл его «жестоким» и «бесмысленным деспотом»⁵⁷. Суровая расправа с семеновцами и восставшими военными поселянами отчетливо показала, что Александр I не останавливался перед самыми беспощадными карами в тех случаях, когда дело касалось какого-либо проявления ненавистного ему духа протеста.

Недавно была выдвинута новая концепция для объяснения «загадочного» поведения Александра I. По мнению проф. С. Б. Окуня, донос Грибовского и не мог вызвать каких-либо решительных карательных мер, ибо тот изображал Тайное общество уже фактически распавшимся. Факт же существования в прошлом Союза Благоденствия не вызывал опасений, важно было лишь принять меры для предупреждения возникновения тайных организаций в будущем. По этому пути якобы и пошел Александр I, издав постановление об организации тайной военной полиции, о закрытии масонских

лож, об обязательной подписке чиновников о непринадлежности к Тайному обществу и пр.⁵⁸ Но «Записка» Грибовского вовсе не имела такого успокаивающего характера, какой приписывает ей С. Б. Окунь. В ней приводились тревожные сведения о «беспокойном духе в войсках, особенно в гвардии», сообщалось о влиянии «людей, участвующих в Обществе», на столичного военного генерал-губернатора, сообщалось о революционной готовности 16-й дивизии и т. п. Самый факт ликвидации Союза Благоденствия представлялся автору «Записки» лишь искусным ходом для создания нового, более конспиративного и потому более опасного Общества⁵⁹. Все это отнюдь не могло внушать успокоения, но, наоборот, указывало на необходимость решительных мер, на чем и настаивал Бенкендорф.

Бездействие и нерешительность Александра I объясняются другими причинами: они заключаются прежде всего в его преувеличенных представлениях о силе и значении Тайного общества и в том страхе, который оно ему внушало. Он был убежден, что преследование Общества и арест главнейших его участников не дали бы никаких результатов. Хорошо осведомленный С. П. Шипов приводит характерную фразу Александра, сказанную им кому-то из своих приближенных (Бенкендорфу?) в ответ на предложение немедленно приступить к репрессивным мерам против Тайного общества: «Il ne faut pas donner de coups d'épée dans l'eau» («не следует пронзать шпагой воду»), то есть не следует производить бесплодных усилий.⁶⁰ В прекращение же деятельности Общества Александр явно не верил; наоборот, он был убежден, что во власти последнего находится вся армия. Незадолго перед смертью он писал Николаю: «Есть слухи, что пагубный дух *вольномыслия* или либерализма разлит или, по крайней мере, сильно уже разливается и между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии: *Ермолов, Раевский, Киселев, Михаил Орлов, Дмитрий Столыпин* и многие другие, из генералов, полковников, полковых командиров, сверх сего, большая часть разных штаб- и обер-офицеров»⁶¹. В этом письме — ключ к разгадке поведения Александра. Встревоженный революционным движением в Испании и Италии и в еще большей степени напуганный принимавшими массовый характер восстаниями крестьян и фабричных в России, волнениями в армии, восстаниями военных поселян, Александр боялся забросить искру в пороховой погреб. Преувеличивая силы и размеры заговора, он опасался, чтобы в Западной Европе не стало известно о наличии революционных организаций в России. Это, казалось ему, очень невыгодно отозвалось бы на его престиже. Первый вопрос Александра к Чаадаеву, привезшему ему известие о возмущении Семеновского полка, был: не могли ли наблюдать происшествие иностранные послы.

На открытых и крутых мерах борьбы с тайными обществами настаивал Бенкендорф, но эта настойчивость привела его в конце концов к опале, которой он подвергся в последние годы царствования Александра I. Точка зрения царя на этот вопрос и его настроения были хорошо известны кругу его ближайших сотрудников, а от них они становились известными шире. Осведомлен был о них, конечно, и Сабанеев. К тому же он, несомненно, и сам разделял общее мнение о принадлежности к Тайному обществу многих высших чинов армии, в том числе Киселева. Все это заставляло Сабанеева действовать осторожно, и этим, прежде всего, объясняется изъятие из дела Раевского списка членов Тайного общества и пересылка его Киселеву. Этим же объясняется и его тактика по отношению к Орлову, Непенину, Охотникову. Пушкину, Липранди, Таушеву: Сабанеев стремился к «тихому» и «бескровному» искоренению заговора в 16-й дивизии.

V

Раевский разгадал игру Сабанеева и очень искусно раскрыл перед судом в Замостье ее сущность. Раевский дал понять, что его из каких-то соображений боялись расспрашивать о Тайном обществе, что Сабанееву по каким-то причинам невыгодно было открыть существование Общества и обнаружить его участников. Интересо-

вались, по словам Раевского, его знакомствами в Вологде, Костроме, Рязани, Вознесенске, но старательно обходили молчанием вопрос о его ближайших связях. «Очевидно было опасение, — прямо говорил он, — не укажу ли я вместо Вологды и Вознесенска на Тульчин»⁶². «Не мое дело проникать в тайный ход всего дела», — заявил он, но при этом подчеркнул, что во все время процесса ему не было задано ни одного вопроса или «хотя бы темного намека ни о Непенине, ни об Орлове, ни об Охотникове» (хотя письма Раевского к последнему фигурировали в деле, как обвинительный материал против Раевского), ни о «Зеленой книге», ни о списке, ни о подозрительных связях, которые могли иметь место. — «Я — не Фуше и не Талейран, — говорил он, — но если бы было мне повелено открыть тайну там, где находились два сообщника, из коих один доказывает, три человека явно подозреваемые, список, на котором находятся имена подозреваемых, ссылка хотя и на умершего, но не менее того, члена Общества, — то я бы отдал голову свою в заклад, что без насильственных мер, без принуждений дело было бы раскрыто со всею ясностью». Свои рассуждения он заканчивал ложно-пафосным, риторическим заключением: «Вот как раскрываются дела в пользу государя и государства!»⁶³ Это был очень тонкий ход Раевского: он одновременно и защищался сам и наносил сильный удар Сабанееву, кроме того, Раевский прямо указывал, что своевременное раскрытие Общества в 1822 г. могло бы предупредить восстание 1825 года⁶⁴.

Эта новая тактика Раевского была вызвана изменившейся ситуацией. В 1827 г. Раевский уже не опасался повредить кому-либо своими показаниями. Все те, которых он мог бы назвать, уже были раскрыты. Дальнейшее заpiresательство в принадлежности к Тайному обществу было уже бессмысленно, потому что участие в нем Раевского было совершенно прочно установлено Следственной комиссией в Петербурге. Пестель, Юшневский, Орлов, Комаров, Лорер и другие называли Раевского в числе членов Тайного общества; названо было его имя и в доносе Майборода. Раевский же признавал свое участие лишь в Союзе Благоденствия и категорически отрицал связь с Южным обществом. На этом он особенно настаивал перед военным судом в Замостье. Такой метод защиты был ему подсказан и освобождением от наказания почти всех бывших членов Союза Благоденствия, не вошедших после закрытия последнего в новую организацию. Свое же молчание о Союзе Благоденствия во время предыдущего следствия Раевский объяснял тем, что его об этом не спрашивали или не хотели спрашивать. Он уверял, что если бы его спросили о списке, то он «с полной откровенностью объяснил бы значение онного». Расчет Раевского оказался правлен. Ни одна из трех последних судивших его инстанций (Следственная комиссия в Петербурге, Военно-судная комиссия в Замостье, Особая комиссия в Петербурге же под председательством Левашева) не признала Раевского виновным в принадлежности Южному обществу, и он был осужден лишь за свой «преступный» образ мыслей и за разлагающую деятельность в армии.

Намеки и обвинения Раевского были настолько резки, что от него в дальнейшем потребовали уже прямых доказательств осведомленности Сабанеева о заговоре. Раевский увидел, что он зашел слишком далеко и не настаивал на буквальном смысле своих слов. Он заявил, что «нигде ни словесно ни письменно не говорил, чтобы генерал Сабанеев знал о заговоре; сообразив же теперь весь ход произведенного над ним дела, утверждается только в предположениях своих или догадках, что тайная связь Общества, коему принадлежал он, Раевский, с прочими, была известна генералу Сабанееву, однако же никаких точных доказательств на сие, нижесредств, не имеет». Между тем суд вполне разобрался в смысле и значении этих оговорок, и в к. Константин счел нужным подать особый рапорт Николаю⁶⁵. Этот рапорт представляет собою сплошной обвинительный акт против Сабанеева как лица, имевшего возможность еще в 1822 г. предупредить восстание 1825 г. и по каким-то соображениям не сделавшего этого.

Председатель военного суда, генерал Дурасов, в своем рапорте графу Куруте, а фактически Константину, писал еще более отчетливо и резко: «Одним словом, дело майора Раевского такого рода, что все, повидимому, старались открыть маловажные его преступления, а главнейшие были упущены из виду». В частности, он особо подчеркивал, что генерал Сабанеев всеми силами старался открыть «пустые разговоры Раевского», а «о существовании Союза Благоденствия не только не сделал никакого совер-

ленно разыскания, хотя уже знал обо всем этом, но даже в рапорте своем не упомянул об нем ни слова»⁶⁶. Здесь же было отмечено полное невнимание Сабанеева к показаниям, изобличающим Раевского в небрежении к религиозным обязанностям и даже в кощунственном отношении к ним⁶⁷.

В. Ф. РАЕВСКИЙ

Фотография, 1863 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Мы остановились подробно на этой стороне процесса Раевского, так как она служит важным и необходимым дополнением ко многим страницам «Воспоминаний» Раевского и помогает отчетливее выяснить его взаимоотношения с Сабанеевым. Раевский говорит о Сабанееве с величайшим негодованием. Он понял, что Сабанеев принес его в жертву, что дело о его дисциплинарных проступках невероятно раздуто Сабанеевым. Он видел, что ближайшие его товарищи и сочлены по Тайному обществу были освобождены от суда и наказания, и исключительность своего положения объяснял всецело коварной политикой Сабанеева и его оскорбленным самолюбием. «Очень

знаю,— писал он в автобиографической записке 1858 г.,— что генералу Сабанееву нужен был я один. Он был человек желчный и мстительный»⁶⁸.

Основные пункты рапорта Константина, составленные на основе резюме Дурасова, вошли и в окончательное постановление последней судившей Раевского Комиссии (под председательством Левашева) и в доклад Дибича. Сопоставляя эти замечания с заявлениями на суде Раевского, легко можно убедиться, что все основные указания на упущения Сабанеева подсказаны самим Раевским и даже порой в его формулировках. Обвинения были настолько серьезны и опасны для Сабанеева, что Дибич, не имея возможности обойти их молчанием, счел необходимым в том же заключении подробно остановиться на заслугах Сабанеева в деле Раевского и категорически отрицал возможность раскрытия и предупреждения заговора в 1822 г.⁶⁹

Страницы «Воспоминаний», посвященные Киселеву, оказались утраченными, сохранилось только несколько заключительных строк. Однако нетрудно установить, как Раевский объяснял поведение Киселева. В «Послании к друзьям» Раевского имеются такие строки:

Предатель рабским языком
Дерзнул вопрос мне сделать смелый,
Но я умолк перед судом!

В. Г. Базанов относит эти строки к оказавшемуся предателем майору Юмину⁷⁰. Но, во-первых, едва ли Раевский нашел бы нужным упоминать в своем патетическом послании о такой мелкой и ничтожной фигуре, как Юмин; во-вторых, Юмин не мог поставить Раевскому никаких вопросов, потому что был не судьей, а лишь свидетелем; в-третьих, Раевский по поводу показаний Юмина не молчал, а дал подробную характеристику его доноса («три страницы» «неясностей и хаоса», говорил он об этих показаниях), и, наконец, в-четвертых, непонятно, какой же именно вопрос «дерзнул сделать» Юмин. Мы считаем, что приведенные строки относятся не к Юмину, а к Киселеву. Именно Киселев осмелился сделать Раевскому дерзкое и оскорбительное предложение купить свободу ценою предательства и, в частности, показаниями против Орлова. Именно об Орлове ничего не говорил («молчал перед судом») Раевский. Предателем же он называет Киселева, как бывшего близкого друга Орлова. Это предположение вполне подтверждается страницами не опубликованных еще в целом воспоминаний подполковника Ф. П. Радченко: «Я не знаю, виноват ли генерал Орлов или нет,—ответил Раевский Киселеву,— но кажется, до сих пор вы казались быть его другом»⁷¹.

Добавим, что сообщение о постыдном предложении Киселева включено Раевским не в повествование о суде и следствии, но в рассказ об Орлове; это обстоятельство дает возможность полностью проследить и установить ход мысли Раевского.

В рассказе Раевского о судах над ним и приговорах есть неточность. Он пишет, что Сабанеев заменил смертный приговор первого суда шестью годами ссылки в одну из отдаленных губерний. Здесь — несомненная ошибка: такой конфирмации Сабанеева не было,—по крайней мере, в огромном следственном деле о Раевском нет никаких следов ее. Сабанеев предложил заключить Раевского, «как вредного для общества человека», в Соловецкий монастырь, «или другое какое место, где бы вредное распространение его образа мыслей не могло быть поводом к нарушению спокойствия». «Если же,— добавлял Сабанеев,— приводимые против Раевского свидетельства» будут недостаточны для его обвинения, то удалить его «от службы» и «иметь его под строгим полицейским надзором»⁷². В таком виде этот приговор был утвержден и главнокомандующим 2-й Армией.

Как же могла возникнуть такая ошибка у Раевского? Быть может, таково было первоначальное намерение Сабанеева и о нем стало известно Раевскому, все время имевшему тесную связь «с волей», может быть, кто-либо из его информаторов сообщил неверные сведения,— Раевский же был убежден, что именно таково было первоначальное решение Сабанеева, впоследствии им почему-то измененное. Раевский мог так думать и потому, что ему было известно о намерении Сабанеева ходатайствовать в 1825 г. лично перед царем о его (Раевского) прощении. Об этом сам Сабанеев писал Раевскому, когда тот находился в Тираспольской крепости⁷³. Впрочем, позже он и это письмо,

видимо, считал неискренним, по крайней мере, отношение Раевского к Сабанееву после этого письма не изменилось; не упоминает он об этом письме и в «Воспоминаниях». Очень вероятно, что письмо Сабанеева было неискренним и вызвано опасениями, что его тактика в отношении Тайного общества будет разгадана и раскрыта Раевским, как это в действительности и произошло. Может быть, Сабанеев уже был осведомлен об этом.

Аналогичную ошибку делает Раевский и относительно в. к. Константина во всех автобиографических заметках и записках: и в «Заметках» 1844 г., и в автобиографической записке 1858 г., и в настоящих «Воспоминаниях» он пишет об оправдании его Константином. И в данном случае материалами следственного дела это сообщение не подтверждается. Да и трудно допустить — особенно памятью напряженную обстановку в семье Романовых в первые годы после восшествия на престол Николая, — чтобы в. к. Михаил Павлович да и сам Николай решились так резко игнорировать мнение брата. Между тем в «Заметках» 1844 (или 1849) года Раевский пишет категорически: «Мнение Михаила Павловича утверждено, цесаревича Константина Павловича — уничтожено»⁷⁴. Приговор Военно-судной комиссии в Замостье, работавшей под непосредственным наблюдением Константина, был иной: Комиссия нашла, что дело Раевского невероятно запутано, что для его разбора и решения нужно было бы вызвать и допросить около 1000 свидетелей, что лица, которых нужно было допросить, находятся в разных городах и потому недоступны для суда, что утрачен целый ряд документов, что остались непоправимо невыясненными важнейшие обстоятельства дела и пр., вследствие этого Военно-судная комиссия не сочла возможным вынести «окончательный приговор» и считала необходимым «создать <для этой цели> специальную особую Комиссию». Вот это решение и было утверждено Константином и принято Николаем; по его приказанию была учреждена для окончательного рассмотрения дела Раевского Комиссия под председательством Левашева, которая и вынесла приговор, — приговор не оправдательный, но все же возвращающий свободу: вменить Раевскому «в наказание нахождение его под судом и арестом с лишком пять лет» и отставить от службы, «с тем, чтобы впредь ни к каким делам не определять» и «не позволять ему выезжать из того места, которое изберет себе жительство»⁷⁵. С этим приговором не согласился в. к. Михаил Павлович, заменивший его лишением дворянства, чинов, орденов и пожизненной ссылкой в Сибирь, что и было утверждено Николаем. Михаил Павлович не забыл, видимо, дерзкой выходки Раевского в Следственном комитете⁷⁶.

Ошибка Раевского непонятна. Не было ли и в данном случае какого-либо обещания со стороны Константина, сдержать которое он не сумел или не захотел? У Раевского же были все основания рассчитывать на благоприятное решение его дела Константином. Константин с самого начала отнесся к нему благосклонно и ласково, как будто действительно чувствовал какую-то симпатию к своему узнику: он значительно облегчил условия его содержания в крепости. Это поведение Константина обусловило ошибку Раевского, и оно же в значительной степени определило характер посвященной Константину главы «Воспоминаний». В противоречии с большинством декабристских авторов, Раевский говорит о благородных качествах Константина и о его популярности. Правда, он тут же добавляет, что не уверен, была ли бы счастлива под его управлением Россия, но и при этой оговорке панегирик Константину в устах Раевского производит странное впечатление. Едва ли, однако, эти страницы можно объяснить только личным чувством признательности со стороны Раевского, — в своей характеристике он отразил настроения некоторой части дворянской общественности, видевшей в Константине антагониста его царствующему брату. В 20-е годы очень много говорили о недовольстве Константина реакционной политикой Александра, о его отрицательном отношении к военным поселениям, о его симпатиях к низшим классам населения и даже о его сочувствии идее освобождения крестьян от крепостного рабства⁷⁷. Во власти этих настроений находились в те годы юные Герцен и Огарев. По собственному признанию Герцена, он отдал год жизни «поклонению этому чудаку». «Он был тогда народнее <то есть популярнее> Николая, — пишет Герцен, — отчего, не понимаю, но массы, для которых он никакого добра не сделал, и солдаты, для которых он делал один вред, любили его»⁷⁸.

О том же свидетельствует и Огарев. В недавно найденном и опубликованном автобиографическом отрывке «Моя исповедь» он пишет, дополняя рассказ Герцена: «Нам казалось, что Константин был действительно обманут, что он несравненно лучше Николая, что он человек свободы, и тебе <то есть Герцену> пришла мысль, что нам надо присягнуть ему и пожертвовать всем для его восстановления. Мы взяли листок бумаги, написали присягу и подписались. Перо, которым мы подписались, хранилось у кого-то из нас, как святыня»⁷⁹. Любопытно совпадение дат: Герцен и Огарев вспоминают здесь 1826 год; рассказ Раевского воспроизводит его построение 1827 года.

Эти настроения вместе с личным чувством признательности и благодарности и обусловили особый тон соответствующей главы «Воспоминаний». Но вместе с тем у Раевского была, несомненно, и другая цель; эти панегирические страницы, по существу, полемичны. Изображение Константина контрастирует с обликом солдафона Михаила.

VI

С историей кишиневской организации тесно связан и крайне запутанный и усложненный новейшими исследованиями вопрос о братьях Липранди и об их отношении к Тайному обществу. О принадлежности к Тайному обществу старшего брата, Ивана Петровича Липранди, авторитетно свидетельствовал декабрист С. Г. Волконский, недоумевавший, как этот блестящий передовой человек сделался впоследствии «тайным и усердным сыщиком и даже в конце концов пострадал за свое чрезмерное шпионское усердие»⁸⁰. О принадлежности Липранди к Союзу Благоденствия показывал на следствии Комаров⁸¹, однако сам Липранди категорически отрицал свое участие в Обществе и сумел убедить в этом судей, добившись полного оправдания. В своих «Воспоминаниях» Липранди отрицал не только свое участие в Тайном обществе, но даже какую бы то ни было свою осведомленность о его существовании. Однако свидетельство Волконского казалось столь бесспорным и авторитетным, что почти все исследователи, касавшиеся вопроса о принадлежности Липранди к Союзу Благоденствия, решали его утвердительно.

Но сравнительно недавно — не столько в результате привлечения каких-либо новых архивных материалов, сколько путем различного рода изобретательных интерпретаций и домыслов — были выдвинуты иные точки зрения. Биография Липранди оказалась под пером новейших исследователей весьма усложненной. Если П. Е. Щеголев еще только допускал возможность шпионской деятельности Липранди во время его пребывания на юге, то Л. П. Гроссман уже безоговорочно именовал его «политическим авантюристом» и «мрачным провокатором». Еще далее пошел С. Я. Штрайх, который совершенно произвольно и вне какой-либо точной исторической документации воссоздавал провокаторскую деятельность Липранди накануне 1825 года. С. Я. Штрайх утверждал, что дружба Липранди с Пушкиным и Раевским преследовала исключительно осведомительские цели; именно он был истинным виновником ареста Раевского, — и потому-то, чтоб скрыть свое участие, уехал накануне ареста из Кишинева в трехнедельный отпуск. Эта длительная поездка и отпуск вызваны были, по концепции С. Я. Штрайха, тем, что «заговорщики были уже вспугнуты и искали в своих рядах предателей». Эти фантастические домыслы встретили поддержку со стороны С. Я. Гессена, подкрепившего их новыми — и столь же произвольными — соображениями⁸².

Новый пересмотр «дела Липранди» был сделан П. А. Садиковым⁸³. Ему удалось весьма убедительно доказать, что нет никаких оснований обвинять Липранди в провокаторской деятельности во время его пребывания на юге, в период дружбы с Пушкиным и Раевским: «...в начале двадцатых годов Липранди далеко еще не был тем, чем стал впоследствии». Но вместе с тем Садиков категорически отрицал участие Липранди в Союзе Благоденствия; ошибочное же свидетельство Волконского он объяснял тем, что мемуарист спутал двух братьев Липранди; членом Тайного общества был не И. П. Липранди, а его младший брат, Павел. В. Г. Базанов не только вновь возвращается к прежней гипотезе, но утверждает даже, что И. П. Липранди вместе с Раевским и Охотниковым принадлежали к основному активу кишиневской группы⁸⁴. Воспоминания Раевского окончательно разрешают этот спор и вполне распутывают

этот весьма важный для истории всех декабристских организаций в Бессарабии вопрос: Орлов, действительно, поручил Раевскому принять обоих братьев Липранди, но Раевский уклонился, «отозвавшись» тем, что «и без принятия в Общество на них рассчитывать можно». Таким образом, выясняется, что, видимо, ни один из братьев Липранди не состоял в Тайном обществе, но что они оказывали ему различные услуги. Очевидно, И. П. Липранди был о многом осведомлен, в частности, он помогал Раевскому найти оказию для передачи письма Непенину, через него Раевский передал «на волю» стихи и важные письма и т. п. Должно отнаться и категорическое утверждение Садикова об услуге, оказанной кишиневским декабристам младшим Липранди. По мнению Садикова, именно П. П. Липранди спас их от провала, отказавшись взять при обыске у Раевского его книги, среди которых находился Устав Общества («Зеленая книга») с хранившимися в нем расписками принятых Охотниковым членов⁸⁵. В. Г. Базанов совершенно справедливо усомнился в правильности и законности такого вывода. Нет никаких оснований думать, что П. П. Липранди знал о хранении Раевским «Зеленой книги» и уже тем более не мог знать, что в последней находились расписки⁸⁶. Вероятно, и сам Раевский обнаружил расписки после ухода Липранди и Радича, — и сразу поспешил сжечь и книгу и расписки. Непонятно, как он мог забыть об этом накануне, после предупреждения Пушкина. Здесь уместно вспомнить замечания рьяда мемуаристов о неосторожности Раевского, в чем упрекал его и генерал Орлов.

Но Раевский подчеркивает, что все остальные бумаги, которые могли повести к его обвинению, — а стало быть и к обвинению других членов Общества, — он успел уничтожить. Это сообщение устанавливает в полной мере значение услуги, которую оказал не только Раевскому, но и всем декабристам Пушкин. Спас кишиневскую организацию от провала не Павел Липранди, как уверяет П. А. Садиков, а Пушкин. Не будь его предупреждения, Раевский не уничтожил бы заблаговременно всех уличающих документов⁸⁷, и тогда кишиневскую группу не могли бы спасти ни стойкость Раевского на допросах, не нежелание Сабанеева раскрывать у себя в корпусе существование Тайного общества. Обнаружение же кишиневской организации не только привело бы немедленно к аресту ее членов, но быть может и к аресту всех тульчинских декабристов во главе с Пестелем и Юшневским. Таков в конечном счете исторический смысл и значение услуги, оказанной делу декабристов великим поэтом.

В рассказе Раевского остается неясным, почему он, столь ревностно заботясь об усилении кадров Тайного общества, предпочел иметь братьев Липранди лишь в качестве близких Обществу лиц, а не прямых участников его. Возможно, что уже тогда у Раевского были какие-то опасения, не позволявшие ему довериться до конца обоим братьям. Здесь Раевский чего-то не договаривает. Поведение Павла Липранди во время ареста Раевского, о чем последний рассказывает в своих «Воспоминаниях», вполне оправдало его осторожность.

Впрочем, Раевский вообще многого не договаривает в «Воспоминаниях», а некоторые факты своей деятельности как бы затупевывает. Он, например, очень глухо говорит о своем участии в Южном обществе. Читая «Воспоминания» Раевского, можно иногда даже усомниться (как это и сделал их первый читатель, Л. Ф. Пантелеев), действительно ли состоял в нем Раевский. И только некоторые беглые намеки автора вполне рассеивают эти сомнения, в частности, таково упоминание о передаче ему Орловым «Зеленой книги» после ликвидации Союза Благоденствия. Ясно что Орлов передал ему Устав Общества не для архивного хранения, а для дальнейшей организации работы и для вербовки новых членов. Это сообщение Раевского бросает свет и на позицию Орлова, позволяя думать, что обычная версия о полном отходе его от дел Тайного общества после московского совещания 1821 г. нуждается в значительном пересмотре. К этой же мысли ведут и многократные и настойчивые заявления Раевского о его молчании об Орлове, во время следствия. Об этом он писал и в стихах:

Скажите от меня Орлову,
Что я судьбу мою сурову
С терпением мраморным сносил,
Нигде себе не изменял..

Пестель на следствии показывал: «Ежели бы действительно мы нашлись в готовности и в необходимости начать возмутительные действия, то я полагал нужным освободить из-под ареста майора Раевского, находившегося тогда в Тирасполе, в корпусной квартире генерала Сабанеева»⁸⁸. Это показание Пестеля свидетельствует о том, как высоко ценили вожди восстания революционную деятельность и энергию Раевского. Несомненно, учитывая эти свойства его характера, а также его популярность в солдатских массах, Пестель предполагал назначить Раевского одним из военачальников.

Вторая глава «Воспоминаний», то есть та глава, где Раевский говорит о своем участии в Тайном обществе, имеет несколько конспективный характер. Быть может, он предполагал посвятить Южному обществу особую главу, но вероятнее другое предположение: в своих мемуарах он сравнительно глухо говорит о своей личной революционной деятельности. В автобиографической записке 1858 г. он совсем не упоминает о ней и даже отрекается от некоторых стихов своих. Только один раз, в позднем письме к сестре, он совершенно четко и категорически заявляет о своей связи с общедекабристским движением: «Брат твой прежде других (по неясному подозрению только) — был арестован и заключен в крепость Тираспольскую. Тайна оставалась тайною, и только 14-го декабря 1825 г. она объяснилась на Сенатской площади»⁸⁹. Такая осторожность вызвана была, по всей вероятности, опасением повредить рассказом о своем революционном прошлом служебной карьере безгранично любимых им сыновей⁹⁰.

Очень показательно в этом отношении и характерно воспоминание о полковнике Непенине. Раевский рассказывал, как при его беседе с Непениным о целях Общества, последний сказал ему: «Мой полк готов. За офицеров и солдат ручаюсь — надоело ничего не делать». Этот рассказ раскрывает подлинные убеждения и настроения Непенина в начале 1820-х годов. Однако Раевский эти строки затем вычеркнул. Вполне понятно, почему он это сделал. Непенину удалось добиться оправдания, — он утверждал на суде и сумел убедить в этом своих судей, что не имел никакого понятия о подлинных целях и замыслах Союза Благоденствия и что он искренно полагал его Обществом, преследующим лишь патриотически-филантропические и нравственно-просветительные цели. Когда Раевский писал «Воспоминания», Непенин уже умер, — и тем не менее он не хотел, — в интересах, может быть, семьи Непенина, — изобличать покойного товарища в неправде, хотя бы и вынужденной. Здесь уместно вспомнить афоризм, внесенный Раевским на страницы тетради «Воспоминаний»: «Чужая тайна есть чужая собственность. Подлый человек только решается огласить вверенную ему, даже неважную тайну»⁹¹.

В окончательном тексте Непенин охарактеризован лишь как «храбрый, боевой офицер, честный, откровенный и беспечный, как все тогдашние военные люди». Раевский упоминает о Непенине только в связи с Союзом Благоденствия, но рассказ о его тогдашних настроениях и предупредительное письмо, которое Раевский писал ему перед своим арестом, заставляют предполагать близкие связи Непенина и с Южным обществом.

О нарочитой сдержанности Раевского в его «Записках» достаточно наглядно свидетельствуют вычеркнутые фразы; так, например, при перечислении задач Тайного общества он писал первоначально: «Время не назначалось, но приготовление началось», — но затем это четкое указание на начало работы по подготовке восстания он зачеркнул. Характерен также намек в последней главе: описывая свой сибирский путь, он говорит: «Я припомнил <...> мою цель».

VII

«Воспоминания» Раевского позволяют — хотя и косвенно — разобраться во взаимоотношениях его со ссыльными декабристами. Эти взаимоотношения изображаются обычно как взаимнонедоброжелательные: и сам Раевский будто бы не любил своих товарищей по ссылке и чуждался их, и декабристы сторонились Раевского, не считали его принадлежащим к их среде, именovali «псевдодекабристом» и даже считали «предателем»⁹². В качестве источников этих слухов приводят рассказы и сообщения доктора Н. А. Белоголового, чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Муравьеве

Б. В. Струве, М. С. Волконского (сына декабриста) и главным образом письмо М. А. Бакунина к Герцену, в котором содержится подробный рассказ о взаимоотношениях декабристов и Раевского и дана уничтожающая характеристика последнего⁹³.

Благодаря Бакунину, его отрицательная характеристика Раевского проникла и на страницы «Колокола», где Раевский оказался изображенным не как политический ссыльный и бывший революционер, а как какой-то темный делец, «хитрый и проницательный приказчик по питейной части», как некий агент «питейной инквизиции», стремящийся разыгрывать роль «всесильного человека» при генерал-губернаторе и им выгнанный⁹⁴.

Здесь не место останавливаться на этой стороне дела. Отметим только коротко, что свидетельство Бакунина было явно пристрастно и опиралось не на показания самих декабристов, которых Бакунин уже и не застал в Иркутске, а отражало, главным образом, суждения о Раевском, исходившие из круга муравьевской камарилы, особенно возненавидевшей Раевского после известной иркутской дуэли Беклемишева и Неклюдова. Эта дуэль расколола иркутское общество на две партии: партия протеста, активнейшим участником которой был Раевский, возглавлялась Петрашевским; Бакунин же, из личных видов и соображений, примкнул к официозной партии и оказал ей огромную поддержку, выступив с обширной корреспонденцией о дуэли в «Колоколе»⁹⁵.

Конечно, никто из ссыльных декабристов не мог называть Раевского «предателем» и отрицать его революционную роль в прошлом. В Западной Сибири жили великолепно осведомленные о роли и значении Раевского в истории Тайного общества Батеньков, Басаргин, Фонвизин, Якушкин, и никто из них не мог ни прямо, ни косвенно явиться источником клеветнической информации Бакунина; из восточносибирских декабристов о деятельности Раевского были вполне осведомлены Волконский, Поджио, Муханов, Никита Муравьев, Лунин, Юшневский. С некоторыми из них Раевский был знаком еще до ареста, с некоторыми познакомился во время суда и следствия; Поджио, несомненно, слышал о Раевском от Пестеля. Таким образом, ссылка Бакунина на декабристов должна быть категорически отвержена.

Но некоторые трения между иркутскими декабристами и Раевским действительно существовали: об этом сохранилось прямое свидетельство И. Д. Якушкина, приезжавшего в 1854 г. в Иркутск для свидания с сыном Вячеславом, служившим чиновником особых поручений при генерал-губернаторе графе Н. Н. Муравьеве⁹⁶. Трения эти вытекали не из отрицательного отношения к личности Раевского, а из принципиальных расхождений в оценке многих вопросов современности. О сущности этих разногласий дает представление тот же Бакунин. При всем личном пристрастном отношении к Раевскому он не мог отказать ему в огромном уме, наблюдательности, знании разных слоев русского общества и особенно в превосходном знании Сибири. Это — «самая живая и умная статистика Сибири», — писал о нем Бакунин⁹⁷. Вместе с тем он отмечал и еще одну черту в характере и мировоззрении Раевского, которая, — даже по словам Бакунина, — выгодно отличала его от декабристов. Отмечая на разные лады «нравственное превосходство» декабристов, Бакунин не мог не признать умственного превосходства и *подлинного демократизма* Раевского. «Раевский, — пишет Бакунин, — по существу своему, как истый русский человек, с ног до головы демократ». Бакунин сопровождает это замечание различными оговорками, характеризуя демократизм Раевского как «демократизм цинический», идущий не «от сердца», а из соображений себялюбивых, эгоистических, но не может отказать Раевскому в строгой последовательности и принципиальности его демократической мысли. Раевский в изображении Бакунина — демократ «по совершенно русскому уму», «дельному, здоровому, не допускающему ни фикций, ни жалких примирений» (курсив наш. — М. А.). По всему образу мыслей он — демократ и социалист *quand même* *, хотя в жизни он готов действовать и по «*со*» всем другим направлениям. Того же нельзя сказать о большинстве декабристов — за весьма редкими исключениями, они были и есть либералы, так что при всем признании превосходства Пестеля они еще до сих пор *невольны* коситься на него как на пророка русской и даже славянской демократии...»⁹⁸. Эта характеристика,

* несмотря ни на что (франц.).

где Бакунин преодолел свое политиканство, которым отмечены все его действия и выступления в Сибири, позволяет разобраться в причинах и сущности принципиальных споров и разногласий между Раевским и декабристами. Следует подчеркнуть, что сведения о резких спорах и столкновениях падают на 1850-е годы, когда у многих декабристов особенно ярко проявились примиренческие настроения, враждебное отношение к демократическим и революционным явлениям литературной и общественной жизни, симпатии к славянофильству и т. д. Сибирские дискуссии в декабристской среде захватывали, несомненно, и темы их прошлого, уже ставшего историей. Сохраненное Бакуниным именование декабристов «вифлеемскими младенцами» свидетельствует об отрицательном отношении Раевского к тактике декабристов во время восстания 1825 г., когда вожди движения не смогли и не сумели организовать должным образом революционную энергию масс. Это убеждение является и основной тенденцией «Воспоминаний» Раевского.

«Воспоминания» Раевского позволяют более отчетливо уяснить и воссоздать атмосферу страстных споров в иркутской ссылке в 1850-е годы. В 1855 г., то есть в то самое время, когда по свидетельству Якушкина, произошло наиболее резкое охлаждение в отношениях Раевского и остальных декабристов, Е. И. Якушкин-сын писал из Сибири своей жене о разочаровании, пережитом им при встречах со ссыльными декабристами. Он с горечью сообщал, что некоторые из них «ударилась в мистицизм», что «прежние понятия не совсем сходятся у них с новыми» и что, наконец, есть такие, которые относятся с недостаточным уважением к «своему делу», за «которое столько лет страдают»⁹⁹. Этими «новыми настроениями» пропитаны и многие декабристские мемуары. В ином, прямо противоположном, духе написаны «Воспоминания» Раевского; читая их, вполне постигаешь, что разделяло в то время Раевского и его товарищей по делу и изгнанию; его мемуары свидетельствуют о сохранившемся революционном темпераменте автора, о его пылом революционном патриотизме, политической активности, о живом, неугасаемом и непримиримом чувстве ненависти к крепостническому строю и деспотизму. По своей свежести и живости незавершенные «Воспоминания» Раевского могут быть поставлены в один ряд с мемуарами братьев Бестужевых, Горбачевского или Якушкина, в основе которых лежит идея «защиты своего дела». Подобно им, они сохраняют непосредственную свежесть переживаний и тот строй мыслей и чувствований, который привел их авторов в ряды Тайного общества. Так же как и Горбачевский, Раевский стремился запечатлеть светлые образы главнейших деятелей движения — таковы образы Орлова и Охотникова. Все это обеспечивает бесспорную историческую, общественную ценность публикуемых «Воспоминаний» Раевского.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Первое упоминание о рукописи «Записок» Раевского относится к 1874 г. — см. прим. 7.

² «Каторга и ссылка», 1926, № 2, стр. 143—145.

³ «Рассказы о временах Николая I. III. Братья Раевские». — «Полярная звезда на 1862», кн. 7, вып. 1. Лондон, 1861, стр. 107—111. — Ранее имя В. Ф. Раевского появилось на страницах «Колокола» в корреспонденции из Иркутска («Под суд», 1 июля 1860 г.), но в неверном освещении, какое придал ему Бакунин. Возможно, что Герцен опубликовал в 1861 г. заметку о братьях Раевских, главным образом, для того, чтобы реабилитировать В. Ф. Раевского и исправить свою ошибку, заключавшуюся в помещении письма Бакунина с ложными и оскорбительными сведениями о Раевском.

⁴ «Русская старина», 1873, № 3, стр. 376—379; оглавление «Русской старины». Том седьмой. — Там же, № 6, стр. IV. — Следует обратить внимание на различную датировку «Заметок» в «Полярной звезде» и в «Русской старине»: у Герцена — 1849 год, в «Русской старине» — 1844 год. Быть может, в одном из изданий допущена опечатка?

⁵ Щеголев. Декабристы, стр. 17.

⁶ Чтобы восполнить этот пробел, вероятно остро ощущавшийся читателями, в майской книжке того же журнала появилось краткое сообщение о важнейших моментах биографии Раевского, написанное тем же Е. И. Якушкиным («Русская старина», 1873, № 5, стр. 720).

⁷ Л. Заметка по поводу статьи П. В. Анненкова о Пушкине. — «Вестник Европы», 1874, № 6, стр. 857—858. — Заглавие дано Стасюлевичем.

⁸ «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке». Под ред. М. К. Лемке, т. III. СПб., 1912, стр. 658 (в дальнейших ссылках сокращенно: Стасюлевич). П. В. Анненков при переиздании своих статей отдельной книгой целиком включил этот рассказ в свое изложение. О происхождении рукописи и о том, каким образом она оказалась у него, Л. Ф. Пантелеев ничего не сообщает. По всей вероятности, он получил ее от дочери Раевского, Веры Владимировны, бывшей замужем за Ф. В. Ефимовым, который в 1870-х годах служил в Красноярске. Позже в Красноярск переехала и вторая дочь Раевского, Софья Владимировна, в замужестве Дьяченко. Временные и случайные затруднения, препятствовавшие немедленному опубликованию, о которых упоминал в своем письме Пантелеев, заключались, видимо, в каких-либо семейных спорах вокруг литературного наследия Раевского. Очень вероятно, что некоторые из членов семьи Раевского противились публикации материалов, свидетельствовавших о революционном прошлом их отца.

⁹ После заметки о Раевском в «Полярной звезде» его имя появилось в печати, в вышедших также в 1861 г., в Лондоне, «Записках» И. Д. Якушкина, где автор дважды с большим уважением упоминал о нем как о деятельном члене Кишиневской управы Союза Благоденствия. Более подробно говорил о Раевском И. П. Липранди в своих «Заметках», написанных по поводу статей П. И. Бартечева «Пушкин в южной России» («Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди». — «Русский архив», 1866, № 9, стб. 1214—1490; о Раевском — стб. 1446—1452, 1469—1470; перепечатано: «Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников». Л., 1950). В 1871 г. имя Раевского было вскользь упомянуто в книге С. В. Максимова «Сибирь и каторга», ч. III. СПб., 1871, а в следующем году — в «Записках» Н. В. Басаргина (сб. «Девятнадцатый век», ч. I. М., 1872).

Смерть Раевского в 1872 г. прошла совершенно незамеченной, не вызвав никаких некрологов или заметок. О малой популярности Раевского в литературе и исторической науке дореволюционного периода свидетельствует и долго существовавшая путаница вокруг его имени и фамилии: то его путали с другими Раевскими, то искажали его имя. Так, например, Л. Н. Майков именовал его Василием (Л. Н. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 455), а М. К. Лемке — Викентием (см. Герцен, т. XXII, стр. 507); отчество же сплошь и рядом писалось: Федорович.

¹⁰ «Владимир Федосеевич Раевский в 1822—1846 гг.». — «Русская старина», 1890, № 5, стр. 365—380. В том же 1890 г. в «Сборнике Русского исторического общества» (т. 73) была опубликована переписка П. Д. Киселева с А. А. Закаревским, где неоднократно упоминалось имя Раевского. Позже на страницах «Русской старины» появился ряд писем Раевского к родным (1902, № 3; 1903, №№ 4 и 9).

¹¹ П. Е. Щеголев. Владимир Раевский и его время. — «Вестник Европы», 1903, № 4, стр. 509—561; отдельно издано под заглавием: «Первый декабрист Владимир Раевский. Из истории общественных движений в России в первой четверти XIX века». СПб., 1905; изд. 2—1907; в переработанном виде с многочисленными дополнениями вошло в сборник статей Щеголева «Исторические этюды» (СПб., 1913), а затем в его книгу: «Декабристы, 1926 (в дальнейшем все ссылки на эту статью делаются по изданию 1926 г.).

¹² П. Е. Щеголев. Возвращение декабриста. — «Современник», 1912, № 12, стр. 287—300 (перепечатано в книге Щеголева «Декабристы»); «Из воспоминаний майора В. Ф. Раевского о цесаревиче Константине Павловиче. (Посещение цесаревичем Константином Павловичем майора В. Ф. Раевского в сентябре 1826 г. в крепости Замошье)». Сообщил В. М. Пушкин. — «Сборник статей в честь Д. Ф. Кобеко». СПб., 1913, стр. 239—246.

¹³ См. прим. 8.

¹⁴ Н. О. Лернер напечатал это письмо целиком в своей статье в «Каторге и ссылке», 1926, № 2, стр. 143—145.

¹⁵ Там же, стр. 143—144.

¹⁶ Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. Ред., статья и коммент. С. А. Рейсера. М.—Л., 1934.

¹⁷ Щеголев. Декабристы, стр. 9.

¹⁸ Ю. Г. Оксман. Из писем и записок В. Ф. Раевского. — «Красный архив», 1925, № 6, стр. 297—314; Послание В. Ф. Раевского Г. С. Батенькову (1815). — «Атеней», кн. III, 1926, стр. 6—7 и 26—28.

¹⁹ «Вечер в Кишиневе» (Из бумаг «первого декабриста» В. Ф. Раевского). Публикация Ю. Г. Оксмана. — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 657—666.

²⁰ Л. Сперанская. Автограф В. Ф. Раевского. — «Лит. критик», 1939, № 2, стр. 211—217; Базанов. Раевский; В. Г. Базанов. Декабристы в Кишиневе. Кишинев, 1951; ряд статей и публикаций П. С. Бейсова: «О литературном наследстве В. Ф. Раевского». — «Сибирские огни», 1938, № 3-4, стр. 123—131; «Неопубликованный Раевский». — «Воляжская повесть», кн. 10, Куйбышев, 1940, стр. 271—287; «Тайное общество братьев Раевских в Курске». — «Лит. альманах», кн. II. Курск, 1940, стр. 270—276; «Поэт-декабрист В. Ф. Раевский». — «Лит. Ульяновск», I, 1947, стр. 125—131; «Новое о Раевском». — «Ульяновский сборник», стр. 210—346; «О курсе поэзии Раевского». — «Вопросы философии», 1950, № 3, стр. 352—357; «Курс

поэзии В. Раевского». — «Ученые записки Ульяновского гос. пед. ин-та», вып. IV, 1950, стр. 224—236; В. Раевский. Стихотворения. Вступ. статья, подготовка текста и примечания В. Г. Базанова («Библиотека поэта», малая серия, изд. 2). Л., 1952, стр. 5—52.

²¹ Полное заглавие этой записки — «Собственноручная автобиографическая записка»; написана Раевским в 1858 г. во время поездки в Европейскую Россию. По сообщению И. П. Липранди («Русский архив», 1866, стб. 1438), эта «Записка» была написана для него с официальной целью. Очевидно, Липранди обещал Раевскому хлопотать о его реабилитации. Этим и объясняется наличие в данной записке разного рода неточностей и умолчаний, в частности, Раевский категорически отрицает свое участие в Тайном обществе после закрытия Союза Благоденствия и даже отрывается от своих стихов, писанных им в тюрьме (см. «Ульяновский сборник», стр. 222 и 225).

²² Ныне эта рукопись хранится в собрании В. А. Крылова в Ленинграде; за предоставленную мне возможность ознакомиться с ней приношу глубокую благодарность члену Союза советских писателей М. А. Сергееву и инженеру-геологу В. А. Крылову. Последнего благодарю также за содействие и помощь в подготовке рукописи к печати.

²³ Об этом см. прим. 12. Следует подчеркнуть, что все цитаты из «Воспоминаний», которые были включены в примечания публикатора, находясь в данной рукописи. В отличие от Щеголева, именующего рукописные мемуары Раевского, которыми он частично пользовался, «Записками», В. М. Пушкин называет их «Воспоминаниями», то есть так, как озаглавлена и найденная рукопись. Это позволяет думать, что данная рукопись находилась в течение некоторого времени в распоряжении Пушкина, но, по неизвестным причинам, осталась неопубликованной. Откуда она попала в антиквариат, установить не удалось.

²⁴ В данной записки соединены события разных лет: отправка декабристов на нерчинские заводы — 1826 г., дело Горлова — 1828 г., «бунт Иринея» — 1831 г., приезд норвежских астрономов — 1829 г. Раевский, очевидно, имел в виду составить перечень важнейших событий, происходивших в Иркутске. К какому году относится данная записка и имела ли она продолжение, установить пока не удалось.

²⁵ Александр Степанович Лавинский (1776—1844) — генерал-губернатор Восточной Сибири; во время его управления краем состоялась отправка декабристов в Сибирь и распределение их по тюрьмам и местам поселений, о чем и упоминает далее Раевский («ссылка государственных преступников в Нерчинские рудники»). В Нерчинские рудники была направлена первая партия декабристов (Волконский, Трубецкой, Давыдов, Борисовы, Оболенский, Арт. Муравьев, Якубович); первоначально они находились в Николаевском и Александровском винокуренных заводах и в Усольских соляных варницах, в октябре 1826 г. все они, по представлению Лавинского, были переведены в Нерчинские рудники (Б. Николаевский). Первые декабристы в Иркутске. — «Сибирские записки», 1919, № 3, стр. 10—30; см. также: В. Изгачев. С ошибочных позиций. (О книге В. Соколова «Декабристы в Сибири»). — «Забайкалье». Лит.-худож. альманах, кн. 1. Чита, 1947, стр. 298—304).

²⁶ Николай Петрович Горлов — председатель Иркутского губернского правления, исправляя временно должность генерал-губернатора во время отсутствия из Иркутска Лавинского, очень гуманно отнесся к прибывшей в Иркутск первой партии декабристов и разместил их вблизи Иркутска вместо того, чтобы отправить в дальние рудники. По заявлению Лавинского, против Горлова было возбуждено дело «за беспорядки при распределении государственных преступников» (см. С. Н. Чернов. Декабристы на пути в Благодатск. — «Каторга и ссылка», 1925, № 5, стр. 267—275). С. Н. Чернов обратил внимание на то, что Горлов, во время его пребывания в Томске, был вместе с Батеньковым основателем, управляющим и мастером масонской ложи «Восточное светило» и почетным членом ложи «Избранного Михаила», в составе которой было немало будущих декабристов. О ложе «Восточное светило» см. А. Н. Пыпин. Русское масонство. XVIII в. и первая четверть XIX в. Пг., 1916, стр. 468—472. — Секретарем ложи был Г. С. Батеньков (там же, стр. 469).

²⁷ Об Иринее — см. далее, стр. 88.

²⁸ Раевский говорит о приезде в 1829 г. в Иркутск участников сибирской экспедиции для магнитных наблюдений — норвежского ученого астронома Ганстина (Hanstén) 1784—1873) и лейтенанта Дуэ (Due). Описание путешествия Ганстина переведено на немецкий и французский языки: «Reise-Erinnerungen aus Sibirien». Leipzig, 1854; «Souvenirs d'un voyage en Sibirie». Paris, 1857.

До Иркутска вместе с ними совершил путешествие немецкий ученый Адольф Эрман (Раевский называет его «Герман»), отправившийся затем в северо-восточную часть Сибири. В Иркутске он встретился с А. А. Бестужевым, — и эта встреча, о которой он подробно рассказал в своей книге (A. Erman. Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Ozeane in den Jahren 1828, 1829 und 1830, vol. I—V. Berlin, 1838—1848), дала повод для знаменитой поэмы Шамиссо о Ал. Бестужеве и Рылееве (см. М. П. Алексеев. Немецкая поэма о декабристах. — «Бунт декабристов», стр. 372—382; М. К. Азадовский. Поэма Шамиссо об А. Бестужеве. — «Сибирские огни»,

1926, № 3, стр. 148—157). В этой же книге (т. III, стр. 80—81) Эрман рассказывает о встрече в Иркутске с Раевским (перевод этих страниц дан в статье Ф. Кудрявцева «Первый декабрист В. Ф. Раевский в Олонках». — «Сибирь и декабристы». Иркутск, 1925, стр. 68—69). Раевский сообщил Эрману о причинах своей ссылки, определенно указав на свою причастность к делу декабристов и подчеркнув, что основным поводом послужила его пропагандистская деятельность среди солдат. В передаче Эрмана многие факты биографии Раевского оказались искаженными (особенно в той части, где речь идет о его пребывании в Сибири), но его рассказ имел большое значение как первое известие в печати о Раевском, революционере-декабристе. Эрман называет его «участником последней поэтической революции». Встреча Эрмана с Раевским, по всей вероятности, произошла в квартире А. Н. Муравьева, исполнявшего в то время должность иркутского городничего.

²⁹ Щеголев. Декабристы, стр. 10, 12, 13, 17, 31.

³⁰ Раевский упоминает и о присылке ему после смерти Батенькова портрета последнего. Из письма к сестре явствует, что этот портрет он получил в январе 1864 г. («Русская старина», 1903, № 4, стр. 186).

³¹ «Письмо декабриста майора Владимира Федосеевича Раевского к сестре его Вере Федосеевне Поповой». — «Русская старина», 1902, № 3, стр. 601—602. — В одном из неопубликованных писем 1868 г. Раевский говорит о намерении написать воспоминания о своем сорокалетнем пребывании в Сибири.

³² В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 28.

³³ Щеголев. Декабристы, стр. 247—248.

³⁴ С. Н. Чернов. Из истории солдатских настроений в начале 20-х годов. — «Бунт декабристов», стр. 56—128; М. К. Одинова. Декабристы-солдаты. — «Сборник трудов Иркутского гос. университета», в. XII, 1927, стр. 31—50; Е. Е. же. Солдаты-декабристы. — «Сибирские огни», 1928, № 6, стр. 217—221; ВД, т. VI. Примечания Ю. Г. Оксмана, стр. 205—270; Г. С. Габеев. Солдаты—участники заговора и восстания декабристов. — «Декабристы и их время», II, стр. 357—364; С. Я. Гессен. Солдатские волнения в начале XIX века. М., 1929; Е. Г. же. Солдаты и матросы в восстании декабристов. М., 1930; О. Багалий. Солдатські маси в декабристському рухові. — Сб. «Декабристи на Україні», т. I. Київ, 1926; В. Ганцова-Берникова. Отголоски декабрьского восстания 1825 г. — «Красный архив», 1926, № 3, стр. 196—204.

³⁵ ВД, т. IX, стр. 33.

³⁶ Там же, стр. 83.

³⁷ Там же, стр. 241.

³⁸ ИРЛИ. Дело комиссии военного суда при Литовском военном корпусе. Ответные пункты майора Раевского по черновым его бумагам (№ 3168, XVI в., л. 52 об.). В дальнейших ссылках: ИРЛИ.

³⁹ Ю. Г. Оксман. Указ. соч. — «Красный архив», 1925, № 6, стр. 309—310.

⁴⁰ О разгроме кишиневской организации Тайного общества см. назв. выше работы П. Е. Щеголева, Ю. Г. Оксмана, В. Г. Базанова и др. Последней сводкой биографических данных о В. Ф. Раевском является очерк С. Ф. Ковалю «Декабрист В. Ф. Раевский». Иркутск, 1951.

⁴¹ Якушкин, стр. 36—37. — В комментарии С. Я. Штрайха к этому месту (стр. 542) допущена неточность: об этом эпизоде Следственная комиссия узнала не из заявления самого Бурцова, как пишет комментатор, а из доноса Майбороды.

⁴² ВД, т. IV, стр. 77 и 121.

⁴³ Лорер, стр. 305, 312.

⁴⁴ Якушкин, стр. 36. О роли Киселева в уничтожении этого документа см. далее, в примечаниях к письму Раевского к Киселеву от 20 октября 1840 г., стр. 151. Самый текст документа, восстановленный Раевским по памяти во время следствия, см. в работе Ю. Г. Оксмана «Воззвание к сынам Севера». — «Очерки из истории движения декабристов». М., 1954, стр. 459.

⁴⁵ Дополнительные подробности к данному рассказу Раевского находятся в его показаниях на суде. Сабанеев спросил его: «А что у вас за список между бумагами?» — и когда Раевский начал уже писать ответ, «Сабанеев потребовал его к себе на квартиру», где находился «один только аудитор Бобышев», но в присутствии последнего «разговора о списке не было», и Сабанеев спрашивал его лишь относительно других бумаг. После того, как Следственная комиссия по делу о декабристах выяснила (по доносу Майбороды) характер этого списка, Раевский уже не мог далее настаивать на своем объяснении происхождения списка, какое он сделал на допросе у Сабанеева, и дал такое показание: «Я имел альбом, в который вносил замечательные обстоятельства относительно ко мне и мысли мои». Этот альбом он подарил «одному дитяти», отдельные же листы с записями вырвал и положил в свой портфель. На одном «из сих листков» были имена тех членов Общества, о которых он узнал от Комарова (ИРЛИ, указ. дело, л. 37). В списке были имена Пестеля, Фонвизина, Орлова, Юшневского, Аврамова, Комарова, Бурцова, Тургенева, Охотникова, А. Муравьева и Граббе (там же, л. 36 об.). По показанию Бурцова, в списке были еще имена Ивашева, Басаргина и Крюкова (ЦГИА, ф. № 48, д. 149, л. 12).

⁴⁶ О взаимоотношениях П. Д. Киселева с декабристами см. исследование Н. М. Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева». т. I. М.—Л., 1946, стр. 259—269.

⁴⁷ Дело Раевского разбиралось в нескольких инстанциях; в «автобиографической записке» 1858 г. Раевский говорит о двух следствиях и трех судах («Ульяновский сборник», стр. 222), на самом деле и следствий и судов было гораздо больше. Первоначально дело Раевского разбиралось в Военно-судной комиссии при 16-й дивизии, приговорившей его к смертной казни. Второй инстанцией был Полевой аудиториат 2-й Армии, третьей инстанцией — Главный аудиториат. Оттуда дело перешло в Следственную комиссию, учрежденную для разбора дел о восстаниях 1825 г., а затем в военный суд (иначе: Военно-судная комиссия при Литовском военном округе). Следующей (шестой) инстанцией была Особая комиссия под председательством Левашева, специально назначенная для окончательного рассмотрения дела Раевского. Последней инстанцией была конфирмация в. к. Михаила Павловича, утвержденная Николаем.

Многократное рассмотрение дела было вызвано «протестами» Раевского и его жалобами на пристрастное ведение суда и следствия. Вызов в Следственную комиссию и перевод из Тираспольской крепости в Петропавловскую последовал на основании показаний некоторых декабристов о принадлежности Раевского к Южному обществу. О вынесенных этими инстанциями различных приговорах см. во вступительной статье. Сложные перипетии дела Раевского изложены во «Всеподданнейшем докладе» Дибича («Декабристы», 1926, стр. 183—196).

⁴⁸ «Всеподданнейший доклад...» — «Декабристы», 1926, стр. 193—195.

⁴⁹ Б а з а н о в. Раевский, стр. 37, 41. — Более подробно останавливается автор на этом вопросе в работе: «Декабристы в Кишиневе». Кишинев, 1951 (стр. 68—79). Но его утверждение, что «фактически возникло дело не о майоре Раевском, а о Тайном обществе декабристов в Кишиневе», неверно. Еще более несостоятельно заключение П. С. Бейсова: генерал Сабанев прилагал «все силы для раскрытия» «злодейской шайки» («Ульяновский сборник», стр. 320). Это утверждение Бейсова тем более непонятно, что — как можно судить по его публикации — ему доступно было все многотомное следственное дело о Раевском, хранящееся в ЦГВИАЛ.

Попытку порвать с традиционным пониманием роли Сабанеева в процессе Раевского сделал С. Коваль (указ. соч., стр. 37): по его мнению, Сабанев скрыл часть бумаг Раевского, так как в них могли содержаться материалы, компрометирующие его самого.

Однако это объяснение не подтверждается существующими материалами. Некоторый ключ к пониманию роли Сабанеева в процессе Раевского дает его собственное письмо к А. А. Закревскому от 18 ноября 1822 г. Явно предвидя возможные и вполне естественные упреки в недостаточном раскрытии всех обстоятельств дела (особенно же по вопросу о Тайном обществе) и стремясь застраховать себя от них, он писал: «Шесть недель ровно жил я в 32-м Егерском полку для известного дела Раевского, производимого по высочайшей воле под надзором моим. Дело ясное, но свидетельства слабые, словом, многосложное дело сие требует много изустных объяснений, особливо по предмету Союза и приглашения за Днестр к Вознесенску. *Боясь и сам впасть в подозрение в послаблении производимого над Раевским дела*, но я уверен, что всякий другой и того бы не сделал, что я сделал» и т. д. («Сборник Русского исторического общества», т. 73. СПб., 1890, стр. 588—589. — Курсив наш).

⁵⁰ Цитируется по книге: В. Г. Б а з а н о в. Декабристы в Кишиневе, 1951, стр. 65. — Автор ссылается на высочайшее повеление от 31 июля 1822 г., сохранившееся в бумагах Н. Ф. Дубровина.

⁵¹ А. П. З а б л о ц к и й-Д е с я т о в с к и й. Граф П. Д. Киселев и его время, т. I. СПб., 1882, стр. 232; см. также: В. Г. Б а з а н о в. Декабристы в Кишиневе, стр. 56.

⁵² А. П. З а б л о ц к и й-Д е с я т о в с к и й. Указ. соч., т. I, стр. 178. — В письме к Николаю I Киселев позже оправдывал себя тем, что «записка», найденная у Раевского, не была озаглавлена как «список членов Тайного общества», почему и он и Сабанев не могли в этом деле разобраться, Бурцов же, конечно, сразу понял, в чем дело (там же, стр. 252).

⁵³ ИРЛИ, указ. дело, лл. 36—37 об.

⁵⁴ Я к у ш к и н, стр. 51.

⁵⁵ Там же, стр. 53.

⁵⁶ Н. К. Ш и л д е р. Император Александр I. Его жизнь и царствование, т. IV. СПб., 1905, стр. 204.

⁵⁷ Я к у ш к и н, стр. 15.

⁵⁸ С. В. О к у н ь. История СССР. 1796—1825. Курс лекций. Л., 1948, стр. 397—398. В. Г. Базанов полагает, что значение «Записки» Грибовского было ослаблено личными разъяснениями М. А. Милорадовича и Ф. Н. Глинка (Б а з а н о в, стр. 103—104). Однако никаких фактических данных для подтверждения своего заключения автор не приводит.

⁵⁹ Записка М. К. Грибовского («Записка о тайных обществах в России») опубликована в «Русском архиве», 1875, № 3, стр. 423—430; более исправно — в сб. «Декабристы», 1926, стр. 109—116.

⁶⁰ Воспоминания С. П. Шипова. — «Русский архив», 1878, № 6, стр. 183. — Очень характерно сообщение А. А. Жандра. На вопрос Д. А. Смирнова, почему правительство, зная о существовании Союза Благоденствия, «его не уничтожило, прямо и ясно», Жандр отвечал: «Вот, подите, прямо и ясно не уничтожало, а лиц, которых подозревало, как участвующих в нем, преследовало. Всех понемножку выгоняли или из службы, или из столицы» (Из неизданных материалов Д. А. Смирнова к биографии А. С. Грибоедова. — «Исторический вестник», 1909, № 4, стр. 136; ср. «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников». М., 1929, стр. 257).

⁶¹ Н. К. Шильдер. Указ. соч., стр. 330.

⁶² ИРЛИ, указ. дело, л. 39.

⁶³ Там же, л. 40 об.

⁶⁴ ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 42, т. I, ч. 1, л. 6. — На следствии в Петербурге Раевский искусно вплетал в свои показания имя Киселева: «Генерал Киселев, — говорил он, — через несколько недель после ареста моего спрашивал меня лично о существовавшем Союзе. Он обещал мне свое покровительство и милосердие государя (...). Но я знал тогда менее, чем теперь — и неужели генерал Киселев не делал никаких длительных розысканий по сему предмету тогда же, прежде или после» (ЦГИА, ф. № 48, д. 149, л. 16 об.).

⁶⁵ ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 42, т. IIIа, ч. 1, лл. 2, 6, 47, 48.

⁶⁶ Там же, т. III, лл. 8—12.

⁶⁷ Священник Лупкевич, один из главных доносчиков на Раевского, заявил на следствии, что Раевский не бывал на исповеди (ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 42, т. I, л. 62). В показаниях других свидетелей отмечалось неуважительное отношение Раевского к религии и церкви: «Раевский прихаживал в церковь в плафровке, туфлях, с трубкою и нередко заглушал обедню криком песенников, собранных у его квартиры (!)». — «Сие столь важное обстоятельство, — писал презус Военно-судной комиссии Дурасов, — генерал Сабанеев» оставил без дальнейшего исследования» (там же, т. IIIа, л. 91).

⁶⁸ «Ульяновский сборник», стр. 225.

⁶⁹ Щеголев. Декабристы, стр. 69.

⁷⁰ Базанов. Раевский, стр. 41.

⁷¹ В. Г. Базанов. Декабристы в Кишиневе. Кишинев, 1951, стр. 66.

⁷² Щеголев. Декабристы, стр. 63.

⁷³ 19 ноября 1825 г. генерал Сабанеев частным письмом сообщал Раевскому, что намерен во время своего пребывания в Таганроге «просить милости у государя» об его (то есть Раевского) освобождении и «тот день почтет себе счастливейшим днем в жизни» (ИРЛИ, указ. дело, лл. 40—41).

⁷⁴ «Русская старина», 1873, № 3, стр. 378.

⁷⁵ Щеголев. Декабристы, стр. 66.

⁷⁶ О столкновении с Михаилом Павловичем в Следственной комиссии Раевский позже рассказывал в письме к Батенькову: «После моих ответов на вопросы великий князь Михаил Павлович спросил у меня: „Где Вы учились?“ Я ответил: „В Московском университетском благородном пансионе“. — „Вот, что я говорил..., эти университеты. Эти пансионы!..“ Я вспыхнул. Мне было только 30 лет. — „Ваше вы <сочест>во, Пугачев не учился ни в пансионе, ни в университете...“» («Ульяновский сборник», стр. 308).

⁷⁷ Семевский, стр. 178.

⁷⁸ А. И. Герцен. Былое и думы, ч. I, гл. III (Герцен, т. XII, стр. 56).

⁷⁹ «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 693.

⁸⁰ Волконский, стр. 318.

⁸¹ Довнар-Запольский. Мемуары, стр. 30.

⁸² Л. П. Гроссман. Исторический фон «Выстрела». — «Новый мир», 1929, № 5, стр. 217—231; С. Я. Штрайх. Знакомец Пушкина — И. П. Липранди. — «Красная новь», 1935, № 2, стр. 213—218; С. Я. Гессен. — В кн.: Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников. Л., 1936, стр. 22, 587—588.

⁸³ П. А. Садиков. И. П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов. — «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. VI. М.—Л., 1941, стр. 266—295.

⁸⁴ Базанов. Раевский, стр. 39.

⁸⁵ П. А. Садиков. Указ. соч., стр. 280.

⁸⁶ Базанов. Раевский, стр. 45—46. — В доказательство своего предположения о принадлежности Павла Липранди к Тайному обществу и что именно к нему направился Раевский (после предупреждения его Пушкиным об аресте) с целью разузнать какие-либо подробности П. А. Садиков ссылается, главным образом, на то, что Ивана Липранди в это время уже не было в Кишиневе, так как он выехал накануне ареста Раевского. Как показывают «Воспоминания» Раевского, И. П. Липранди во время ареста Раевского еще находился в Кишиневе и именно к нему направился Раевский после разговора с Пушкиным.

⁸⁷ В «Воспоминаниях» Раевский недоумевает, каким образом попал к Сабанееву список с именами членов Тайного общества; по всей вероятности, список этот находился в числе бумаг, выкраденных у Раевского Сушевым, о чем Раевский сообщил в перехваченном письме к Непенину («Красный архив», 1925, № 6, стр. 306).

⁸⁸ ВД, т. IV, стр. 192.— По мнению Ю. Г. Оксмана, «появление в революционных войсках В. Ф. Раевского предусматривалось <Пестелем> в декабре 1825 г. как необходимая предпосылка последнего, неосуществленного плана переворота» («Красный архив», 1925, № 6, стр. 310).

⁸⁹ «Русская старина», 1902, № 3, стр. 602.

⁹⁰ Такую догадку высказывает и П. С. Бейсов, стремясь объяснить умолчания и неточности «автобиографической записки» 1858 г. («Сибирские огни», 1938, № 3-4, стр. 129), однако его утверждение, что Раевский смотрел на своих детей «как <на> продолжателей своего дела» (там же), является совершенно необоснованным и не опирается ни на какие известные нам материалы. Наоборот, все, что известно о сыновьях Раевского, в корне противоречит такому утверждению.

⁹¹ По аналогии с данным случаем можно сделать предположение, что такими же соображениями руководствовался Раевский и в своем рассказе о Липранди. Последний был еще жив, когда Раевский писал свои «Записки»; Липранди удалось скрыть свою связь с Тайным обществом, и раскрытие подлинной его роли в истории ранних революционных организаций могло бы отразиться на его служебной карьере. Но в 1864 г., то есть во время составления Раевским его «Записок», отношение Раевского к Липранди должно было очень измениться, и едва ли он стал бы думать о дальнейшем его преследовании: в это время Липранди уже был окончательно разоблачен как руководитель секретной полицейской агентуры Министерства внутренних дел и главный виновник ареста Петрашевского и членов его кружка. Чрезвычайно знаменательно, что разоблачающие Липранди материалы были опубликованы в той же книжке лондонской «Полярной звезды», где впервые появились и «Заметки» Раевского (см. выше прим. 3).

⁹² Б а з а н о в. Раевский, стр. 26, 47—48 и др.

⁹³ Н. А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. М., 1897, стр. 57; Б. В. Струве. Воспоминания о Сибири. 1848—1854. СПб., 1889, стр. 26—27; Волконский, стр. 477; М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем, т. IV. М., 1935, стр. 336—338. — К этим свидетельствам В. Г. Базанов присоединяет также показание М. Ф. Орлова, категорически отрицавшего свою связь с Раевским и давшего в 1825 г. несколько ироническую характеристику его (см. указ. соч., стр. 26). Но, совершенно очевидно, что Орлов давал сознательно ложное показание: снижая роль и значение Раевского, он выгораживал и его и, главным образом, себя; впоследствии же, когда Орлов изменил свою тактику, он назвал имя Раевского как одного из наиболее деятельных членов Тайного общества.

⁹⁴ Приложение к «Колоколу» — «Под суд», л. 6, от 1 июля 1860 г., стр. 63. — Приказчиком по питейной части именуется Раевского Бакунин, имея в виду его службу у откупщика Пономарева (Раевский ведал перевозкой вина из Александровского винокуренного завода, расположенного вблизи с. Олонки).

⁹⁵ Дуэль состоялась 16 апреля 1859 г.; похороны Неклюдова превратились в общественную демонстрацию; речь на могиле говорил Петрашевский. Наиболее обстоятельно история этой дуэли изложена в исследовании: В. И. Семеновский. М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири («Голос минувшего», 1915, № 3, стр. 31—38); см. также: М. Л. Юбаевский. Русские уголовные процессы. СПб., 1867, т. II, стр. 64—107; Автобиография С. С. Шашкова. — «Восточное обозрение», 1882, № 32 от 4 ноября, стр. 12; Б. М. Илютин. Генерал-губернаторство Н. Н. Муравьева в Сибири. — «Исторический вестник», 1888, № 12, стр. 612—619; «Сборник старинных бумаг, находящихся в музее П. И. Щукина», т. X, стр. 265; М. К. Азадовский. Очерки литературы и культуры в Сибири. Иркутск, 1947. — Иркутские корреспонденции о дуэли были напечатаны в приложении к «Колоколу» — «Под суд» (л. 2 от 15 ноября 1859 г. — «Убийство Неклюдова в Иркутске»). Среди материалов «Софийской» коллекции бумаг Герцена — Огарева недавно обнаружено письмо Ф. Н. Львова, написанное со слов Раевского, содержащее чрезвычайно ценные и до сих пор не известные факты, относящиеся к этой дуэли. Письмо публикуется в 63-м томе «Лит. наследства». О позиции Бакунина и его отношениях с иркутским обществом см.: Семеновский, стр. 45—50.

В числе причин, приведших к резкому разрыву между Бакуниным и кругом Петрашевского, Семевский указывает и на очень скоро обозначившиеся принципиальные расхождения между ними и на нежелание Петрашевского признавать авторитет Бакунина. Эти личные моменты очень ярко окрашивают письмо Бакунина, посвященное Петрашевскому и Раевскому.

⁹⁶ «Летописи», стр. 446.

⁹⁷ М. А. Бакунин. Указ. соч., стр. 337—338.

⁹⁸ Там же, стр. 332—336.

⁹⁹ «Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных». Приготовил к печати и снабдил примечаниями Е. Е. Якушкин. М., 1926, стр. 30.

ВОСПОМИНАНИЯ¹

<Г>

1841 г. февраля 6.

<МОЙ АРЕСТ>²

1822 года февраля 5 в 9-ть часов пополудни кто-то постучался у моих дверей. Арнаут, который стоял в безмолвии передо мною, вышел встретить или узнать, кто пришел? Я курил трубку, лежа на диване.

— Здравствуй, душа моя! — сказал мне, войдя весьма торопливо и изменившимся голосом, Алекс<андр> Сергее<вич> Пушкин.

— Здравствуй, что нового?

— Новости есть, но дурные. Вот почему я прибежал к тебе.

— Доброго я ничего ожидать не могу после бесчеловечных пыток * Сабанеева³ ... но что такое?

— Вот что: Сабанеев сейчас уехал от генерала (1). Дело шло о тебе. Я не охотник подслушивать, но, слыша твое имя, часто повторяемое, я, признаюсь, согрешил — приложил ухо. Сабанеев утверждал, что тебя непременно надо арестовать; наш Инзушко (2), ты знаешь, как он тебя любит, отстаивал тебя горюю. Долго еще продолжался разговор, я многого не дослышал, но из последних слов Сабанеева ясно уразумел, что ему приказано, что ничего открыть нельзя, пока ты не арестован.

— Спасибо, — сказал я Пушкину, — я этого *почти* ожидал! Но арестовать штаб-офицера по одним подозрениям отзывается какой<-то> турецкой расправой. Впрочем, что будет, то будет. Пойдем к Липранди — только ни слова о моем деле⁴.

Пушкин смотрел ** на меня во все глаза.

— Ах, Раевский! Позволь мне обнять тебя!

— Ты не гречанка⁵, — сказал я ***.

Арнаут (3) подал мне шпагу, перчатки и шляпу. Липранди жил недалеко, на дворе было очень темно; в окнах у него светлело ****.

— У него гости, — сказал я, — пойдем.

Мы вошли. Оба брата (4) весьма обрадовались. — «Что нового? Что нового?» — закричали все присутствовавшие. — «Спросите у Павла Петровича (майор Липранди 2-й, брат), он доверенным и полномочным министром генерала Сабанеева».

— Это правда, — отвечал он, — но если бы вам доверял Сабанеев, как мне, вы также не захотели бы нарушить правил и доверия***** и чести.

— Это правда! Я знаю и не сержусь на вас, но я не так скромн, как вы. Разговор сделался общим.

Подполковник Иван Петр<ович> Липранди женат был на француженке в Ретели⁶. Жена его умерла в Кишиневе. У нее осталась мать; одного доктора жена — француженка также; пришли к ней провести вечер. Эта докторша была нечто вроде г-жи Норман (5). Я попросил ее загадать о моей судьбе⁷: пики падали на моего короля. Кончилось на том, что мне предстояли чрезвычайное огорчение, несчастная дорога и неизвестная отдаленная будущность. Я посматривал то на Пушкина, то на Павла Липранди. Наши взоры встречались. В 11 часов мы разошлись.

* Первоначально: самовластительных мер

** Первоначально: посмотрел

*** Далее зачеркнуто: Ни одной черты не изменилось, все тот же насмешливый взгляд. Я не отвечал ни слова.

**** Первоначально: много свечей.

***** Первоначально: справедливости

6 февраля 822 года. г. Кишинев

Возвратясь домой, я лег и уснул спокойно. Я встал рано поутру, приказал затопить печь. Перебрал наскоро все свои бумаги и все, что нашел излишним, сжег. Со мною на одной квартире жил капитан Охотников⁸. Любимец и друг генерала Орлова (6), он находился при нем. Как образованный, служивший долго и богатый человек, он оставался на службе потому только, что служил с Орловым и что на службе полагал более принести пользы Обществу (7). С отъездом генерала Орлова в Киев он уехал в Москву, где имел много родных и связей. Его бумаги оставались у меня. Я не решился их жечь, потому что не полагал в них ничего важного. Он был очень осторожен.

Часов в 8-мь пришел ко мне старший юнкер Шпажинский с рапортом о благополучии школы.

— Прикажете ли выпустить юнкеров из карцера? * Генерал Сабанеев прислал за ними. Он присылал за ними ночью, но его посланный, конечно, уведомил его, что они под арестом. Все тетради наши давно у него, но он доискивается еще чего-то. В ланкастерской школе у нтер-офцера Дуку обещал офицерский чин, если он выдаст все писанные прописи.

— Какие прописи? — спросил я.

— Не знаю.

— И я также не знаю (8). Юнкеров отпустите к Сабанееву. Я сегодня в классах не буду и может быть совсем не буду. Я вас прошу быть честным человеком — вот все, чего я за труды и попечения мои об вас требовать могу. Рапортовать ко мне более прошу не приходить, но юнкеров в классы собирать моим именем. Прощайте, Шпажинский!

У юнкера навернулись слезы. Он вышел.

Двух часов не прошло, как дрожки остановились у моих дверей. Я не успел взглянуть в окно, а адъютант генерала Сабанеева, гвардии подполковник Радич, был уже в моей комнате.

— Генерал просит вас к себе, — сказал он мне вместо доброго утра.

— Хорошо, я буду!

— Но, может быть, у вас дрожек нету, он прислал дрожки.

— Очень хорошо. Я оденусь.

Я приказал арнауту подать трубку и позвать человека одеваться. Разговаривать с адъютантом о генерале было бы неуместно, хотя Радич был человек ** простой и добросовестный. Я оделся, шел с ним вместе на дрожки и поехал.

Этот роковой час 12-й решил участь всей остальной жизни моей. Мне был 27-й год. До сих пор жизнь моя, несмотря на ее превратности, шла, если не спокойно, по крайней мере согласно с моими склонностями *** и желаниями. Я служил войну 812 года в артиллерии, потом был корпусным адъютантом по артиллерии, вышел в отставку, определился в Егерский полк штабс-капитаном, переведен в кирасиры по желанию отца моего, где произведен в ротмистры, но, не желая оставаться в кирасирском полку, я перешел обратно в 32-й Егерский полк, в дивизию к генералу Орлову. В 1820 г. произведен в майоры, принял батальон, но по желанию генерала Орлова сдал батальон и принял в управление военную школу, заведенную им при 16 дивизии для юнкеров и нижних чинов. Всегда в обществе вышних начальников, я привык понимать их****. Война научила меня знать ничтожество людей, которым нередко ***** вверена власть вследствие долговечности и долготерпения на службе. С живым воображе-

* Первоначально: из тюрьмы

** Далее зачеркнуто: скромный

*** Далее зачеркнуто: страстями

**** Далее зачеркнуто: и к обхождению с ними.

***** Первоначально: большею частью

нием* я на службе предался более, нежели в училище**, чтению и учению. Новые идеи, Европа в сильном политическом пароксизме, все содействовало, чтобы освежить голову, подвести все страсти, убеждения мои, понятия мои к одному знаменателю.

С самоуверенностью*** я вошел в дом Сабанеева. Он был в зале; посреди залы стоял большой стол, на столе в беспорядке навалены

1841. 9: февраля 6.²²

Воспоминания.

1822. года февраля 3: в 9^м часу пополуночи .
 Кто-то постучался в мою дверь. Арханта
 который стоял в передней перед. мной
 вошел в комнату и спросил что пришло?
 А Курья торгова леги не дворян.
 Спросили имя свое: сказал что-то о своем
 всемо торговле и о изданных собо-
 совах Ахем: Серее: Присяжн. — Спросили
 как звали? — Имя свое сказал, но не зная
 вот почему в пришло к тебе. — добром
 и неким орудием к своему покла ~~своему~~
 покла ~~своему~~ ~~своему~~ ~~своему~~ ~~своему~~ ~~своему~~ ~~своему~~ ~~своему~~ ~~своему~~ ~~своему~~
~~своему~~ ~~своему~~ ~~своему~~ ~~своему~~ ~~своему~~ ~~своему~~ ~~своему~~ ~~своему~~ ~~своему~~ ~~своему~~
 Сабанеева.... и что
 там? Вот как: Сабанеева счел
 звали отъ Телеру (1.) Или звали

РУКОПИСЬ ВОСПОМИНАНИЙ В. Ф. РАЕВСКОГО, 1841 г.

Лист с записью о полученном от Пушкина 5 февраля 1822 г. предупреждении
 о готовящемся аресте Раевского

Собрание В. А. Крылова, Ленинград

бумаги. По правую сторону, в некотором отдалении и ближе ко входу, стояли три юнкера из моей школы. Суцев (9) — главный доносчик, Перхалов и Мандра⁹. По левую руку у стены адъютанты генерала Сабанеева; прямо против дверей, в которые я вошел, у другого конца стола, на котором стояло кресло, стоял генерал Сабанеев, как бы ожидая моего прихода.

* Первоначально: С сильными страстями и горячим воображением

** Первоначально: в школе

*** Далее зачеркнуто: и холодным духом

Прежде, нежели ударил последний час прежней моей жизни, надо описать того человека *, который самопроизвольно, без законов, стыда и совести, решился прозвонить ** этот час.

Сабанеев был офицер суворовской службы и подражал ему во всем странном, но не гениальном; так же жесток, так же вспыльчив до сумасбродства, так же странен в обхождении — он перенял от него все, как перенимают обезьяны у людей. Его катехизис для солдат в глазах благomyслящих людей сделал его смешным и уродливым. Его презрение ко всему святому, ненависть к властям обнаруживались на каждом шагу. Его презрение к людям, в особенности к солдатам и офицерам, проявлялось в дерзких выражениях и в презрительном *** обхождении, не только с офицерами, но с генералами.

Росту не более 2-х аршин и 3-х вершков, нос красный, губы отдутые, глаза весьма близорукие, поднимающиеся и опускавшиеся, как у филина, рыже-русые волосы, бакенбарды такого же цвета под галстух, осиплый и прерывистый голос, речь, не имеющая никакого смысла, слова без связи. Он говорил с женою (10) (которую отнял у доктора Шиповского), с адъютантами ****, как будто бы бранился. Человек желчный, спазматический и невоздержанный — он выпивал ежедневно до 6 стаканов пунша, и столько же вина, и несколько рюмок водки.

Может быть, кто-нибудь сочтет слова или описания мои пристрастными. Но я пишу для будущего поколения*****, когда Сабанеева давно уже нет. Впрочем, он имел много благородного*****, если действовал с сильными. Он знал военное дело, читал много, писал отлично хорошо, заботился не о декорациях, а о точных пользах солдат ¹⁰, не любил мелочей и сначала явно говорил против существовавшего порядка ***** и устройства администрации и правления в России и властей. Так что до ареста моего он был сам в подозрении у правительства. При Александре его поддерживал только Дибич, по свойствам, виду, качеству, количеству, роду, склонению и спряжению — родной брат Сабанеева.

Едва я вошел или едва ему доложили, что я вошел, он сделал несколько шагов вперед... Замешательство заметно у него было не только на лице, но в самих движениях...

— Здравствуйте! Вот юнкера говорят, что вы в полной школе сказали: что я не боюсь Сабанеева! — сказал он тихим голосом. — Что вы скажете на это?

— Я ничего сказать не имею, кроме того, что я хорошо не помню, говорил ли я это им.

— Если вы не помните, то они вас уличат.

— Я улик принять не могу. Эти юнкера по требованию вашему только сегодня были выпущены из карцера, и дело не так важно, чтобы нужны были улики.

— Но я хочу знать, говорили ли вы?¹¹

Я полагаю, что если бы я сказал: «не говорил» или «извините, что говорил», — и самолюбный человек, может быть, кончил бы ничем... Но этот тон, это требование, моя вспыльчивость, вызов с юнкерами на очную ставку — решили всё.

— Я повторяю, что я не помню, но если, ваше превосходительство,

* Далее зачеркнуто: который дерзнул

** Первоначально: пробить

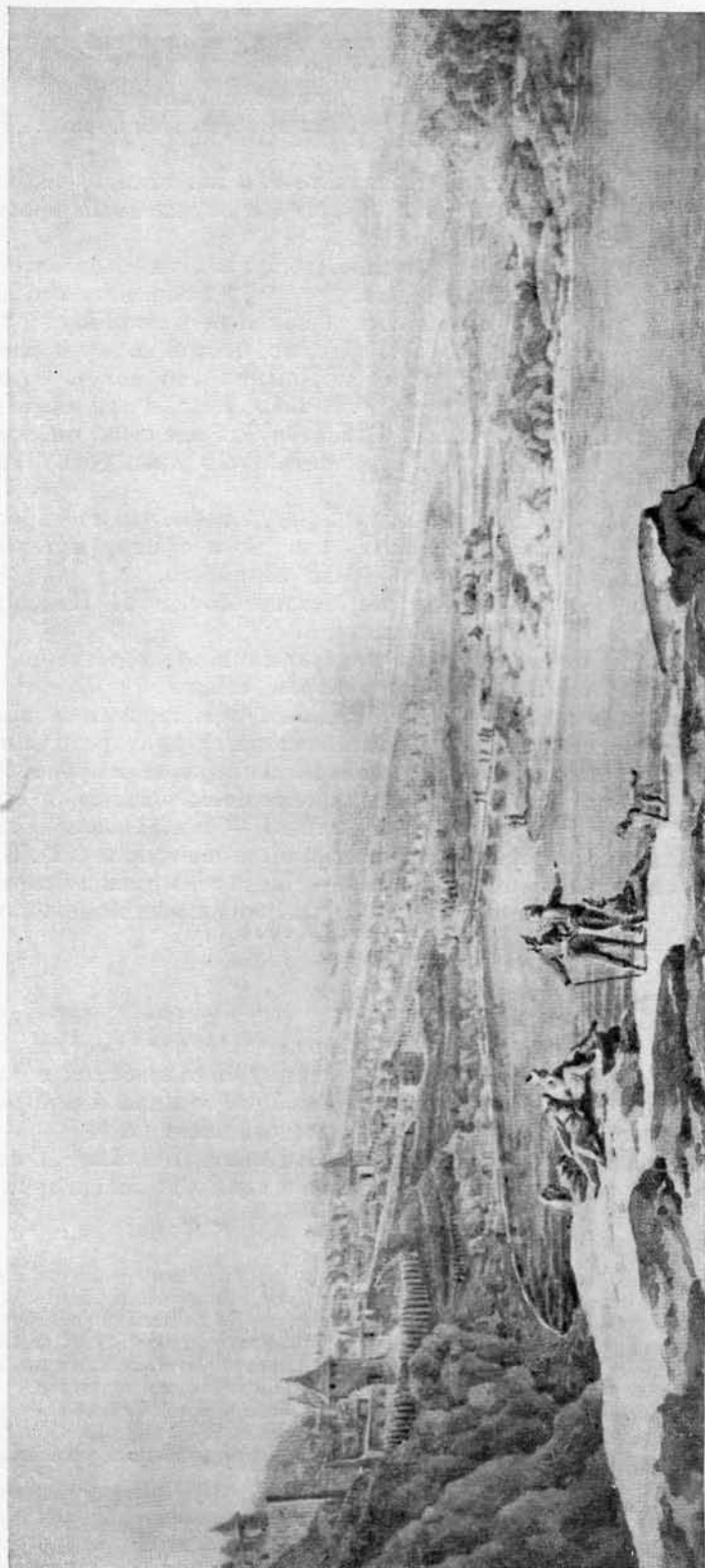
*** Первоначально: унижительном

**** Далее зачеркнуто: и с любимцами как

***** Далее зачеркнуто: как отчет творцу, не для света — для детей: они прочтут эти строки, когда меня не будет.

***** Далее зачеркнуто: и высокого

***** Далее зачеркнуто: вещей

БЕНДЕРЫ

Акварель М. М. Иванова, 1790-е гг.

Вессоюзный музей А. С. Пушкина, Ленинград

требуете *, чтоб я вас боялся, то извините меня, если я скажу **, что бояться кого-либо считаю низостью ***.

Не ожидая подобного ответа, у Сабанеева все лицо повело судорогами. Он закричал: «Не бойтесь? Но как вы смели говорить юнкерам... Я вас арестую!»

— Ваше превос<ходительство>! Позвольте вам напомнить, что вы не имеете права **** кричать на меня... Я еще не осужденный арестант.

— Вы? Вы? Вы преступник!..

Что было со мною, я хорошо не помню, холод и огонь пробежали во мне от темя до пяток; я схватился за шпагу ***** , но опомнился и, не отняв руки от шпаги, вынул ее с ножнами и подал ее Сабанееву ***** . «Если я преступник, вы должны доказать это, носить шпагу после бесчестного определения Вашего***** и оскорбления я не могу». Этим заключилась драматическая сцена*****. Я знал, что так или иначе меня арестуют, — как сказал мне Пушкин. Сабанеев был вне себя, он схватил шпагу и закричал: Тройку лошадей, отправить его в креп<ость> Тираспольскую!

— 1-вое, я нездоров, чтобы сейчас ехать; 2<-е>, я знаю, что я не преступник, и хотя вы будете стараться доказать это, но я офицер и телесных насилий и пыток Вы делать ***** права не имеете.

— Хорошо, если вы нездоровы, вы останетесь здесь. Подождите. Послать за доктором и освидетельствовать.

Он вызвал подполковника Радича в другую комнату, с четверть часа продолжалась конференция. Радич и генерал вышли.

— Г-н Липранди, вы поедете с г. Радичем и возвратитесь вместе.

Для <о>свидетельства прислан был дивизионный доктор Шуллер ¹², который дал свидетельство, что при нервном моем потрясении нужен отдых и пользование и что сильные движения для меня очень опасны, и тут же прописал рецепт. «А лекарство можете вылить», — сказал он мне шопотом. Через полчаса все мои бумаги были забраны и опечатаны (11). К дверям моим был приставлен двойной караул. — Через семь дней я отправлен в креп<ость> Тираспольскую. Вот причина и начало шестилетнего заточения, тридцатилетней жизни в ссылке *****.

Примечания

1) Пушкин в юности своем за *Оду к свободе****** сослан был в г. Кишинев на службу и отдан на руки наместнику Бессарабской области, генерал-лейтенанту Инзову ¹³. Он искал сближения со мною и вскоре был в самых искренних ***** , дружеских отношениях.

2) Происхождение или рождение генерала Инзова есть *тайна*¹⁴. В пеленках он привезен был в дом князя Трубецкого и сдан для воспитания, где

* Далее зачеркнуто: от меня невозможного

** Далее зачеркнуто: что я ни вас и никого

*** Первоначально: бояться кого-либо из людей воспрещает мне религия и образ моих понятий о людях; надо, чтобы я очень дурно был устроен морально, и чтобы ваше пре<восходительство> были сложены физически иначе, чтобы заставить себя бояться, и хотя я не помню, говорил ли я юнкерам, но вам [позвольте спросить вас: разве вам так нужно, чтобы я боялся вас?] прямо и при них могу сказать, что я вас вовсе не боюсь.

**** Первоначально: доложить, что я не преступник, и вы не получили

***** Далее зачеркнуто: Я сделал два или четыре шага вперед. Сабанеев отскочил на два назад — я схватил за эфес моей шпаги

***** Далее зачеркнуто: я вспомнил, что я сделал неосторожный ужасный шаг

***** Далее зачеркнуто: я не имею права

***** Первоначально: Этим заключил я драматическую выходку.

***** Далее зачеркнуто: без высочайшей воли

***** Первоначально: девятнадцатилетних моих страданий

***** Далее зачеркнуто: и в обнаруженных правилах не в духе правительства

***** Первоначально: коротких

пробыл до 16-летнего возраста. 16-ти лет отдан на службу к князю Решнину, откуда начинается его служебное и жизненное поприще. Он был всегда самый добросовестный человек, мягкосердый и целомудренный до старости. По доброте его души, мы всегда его называли: Инзушко.

1818 год. В июле месяце
принят в общество в Мценский.
Общество это Симбирское.
Союз общественного Благодеяния
а не просто: Союз Благодеяния
как говорится в отделе Коллегии.
Землеустроительного представителя да
для просвещения Симбирско-Мокшанского
Мира. Никола Франц Васильевич.
Подписок которому в день защиты
его было составлено содружество?
и присутствием Устава Союза Общественного
Благодеяния. и не
"некогда в нем много противился"
"Данное" много ^{составило} присудило в обличении
"Арабские" в тайне о существовании
"общества" и высказано во име предстоящих
"Семей" личности Давыдов."

РУКОПИСЬ ВОСПОМИНАНИЙ В. Ф. РАЕВСКОГО, 1863—1865 гг.
Лист с записью о приеме Раевского в Союз Благодеяния в июле 1819 г.
Собрание В. А. Крылова, Ленинград

3) После разбития корпуса князя Ипсилантия, сброд, составлявший его ополчение, перешел на нашу сторону. В том числе и арнауты — шайки знаменитых разбойников Иоргаки и Дмитраки. У этих арнаутов, или албанцев, разбой есть ремесло. Они чрезвычайно храбры, сильны и честны¹⁵. Я имел одного при себе. Он с жаром, почти со слезами, просил у меня позволения «Сабанеева резай!», т. е. зарезать Сабанеева, когда меня арестовали.

4) Иван Петрович Липранди. Подполковник. Переведен против воли из свиты его велич^{ества} по квартир^{мейстерской} части в Камчатский пехотный полк за то, что он подал прошение о переводе из свиты в Смоленский драгунский полк, которым командовал граф Ностиц, и Павел Петрович перешел из лейб-гренадерского полка в 32-й Егерский полк майором, потом флигель-адъютант за Варшавский штурм, и ныне генерал от инфантерии и корпусный начальник ¹⁶.

5) Говорят: известная г-жа Норман предсказала ш^{табс}-кап^{итану} Каховскому, что он будет повешен.

6) Генерал Орлов, Михаил Федорович, командир 16-й дивизии, член Общества *Союза Общественного Благоденствия*. Впоследствии был в крепости и отставлен от службы. Брат его Алекс^{ей} Федорович молил государя за него и все обвинения приписывал мне, будто бы от излишней доверчивости его ко мне.

7) Тогда Общество не имело еще цели истребить существующую или царствующую династию. Приготовление к конституции, распространение света или просвещения и правил чистейшей добродетели — было основанием установления этого Общества. Исполнение еще в отдалении, когда умы будут готовы, о чем сказано особо.

8) Прописи есть совершенный вымысел или Сабанеева или юнкера Сушева, а эти мечтательные прописи играют важную роль в моем обвинении.

9) Презренное подлое существо, которое было орудием Сабанеева для составления на меня обвинения. Тварь, которую я избавил от строго судебного приговора и помогал деньгами из сожаления к его бедности ¹⁷.

10) Генерал Сабанеев звал на ночь к себе жену доктора Шиповского и не отпустил ее обратно к мужу, которого перевел в другой корпус, а потом публично женился, тогда как она не имела развода с первым мужем. Вот как существуют в России * церковные и гражданские законы для** людей высокопоставленных.

11) В квартире моей был шкаф с книгами, более 200 экземпляров французских и русских. На верхней полке стояла *Зеленая книга* — Статут Общества Союз^а Общ^{ественного} Благоденствия и в ней четыре расписки принятых Охотниковым членов и маленькая брошюра: «Воззвание к сынам севера»¹⁸. Радич спросил у Липранди: брать ли книги? Липранди отвечал: «что не книги, а бумаги нужны». Как скоро они ушли, я обе эти книги сжег и тогда был совершенно покоен.

Примечание о Гамалее¹⁹

Мне нужно было доставить письмо к командиру полка, в котором я служил, полковнику Непенину. Но я боялся отправить по почте. Иван Петрович Липранди рекомендовал мне черноморского флота Дунайской флотилии лейтенанта Гамалею. Этот офицер *** взял на себя эту комиссию (полк стоял в Измаиле) и передал это письмо полковнику Непенину при бригадном генерале Черемисинове ****. Этот последний взял письмо у беспечного полковника, прочитал его, не возвратил Непенину и переслал к Сабанееву. Письмо не заключало в себе ничего особенно важного, но я начал письмо так: «что генерал Сабанеев с ума сходит, бьет и терзает солдат» и проч., а далее: «если вам будет запрос обо мне, я надеюсь, что вы дадите ответ благородный».

* Первоначально: Вот как делаются дела в России.

** Далее зачеркнуто: сильных

*** Далее зачеркнуто: с жадностью

**** Первоначально: бесчестным образом генералу бригады Черемисинову.

⟨II⟩

1819* года в июле месяце я принят в Общество в Тульчине²⁰. Общество это именовалось: Союз *Общественного* Благоденствия, а не просто Союз Благоденствия, как говорится в отчете Комиссии. Зеленую книгу предварительно дал мне прочитать генерал-майор Мих(айл) Алекс(андро-вич) Фон-Визин²¹.

Подписка, которую я дал, была следующего содержания: «Прочитавши Устав Союза *Общественного* Благоденствия и не найдя в нем ничего противного данной мною присяге, согласен быть членом и обязуюсь хранить в тайне о существовании Общества и вносить в оное двадцатую часть моих доходов». В Тульчине я был проездом** из Курской губернии, где я служил ротмистром в Малор(оссийском) Кирасирском полку и перешел в 32-й Егерский полк капитаном. Полк стоял в Бессарабской области в г. Аккермане. 16-й дивизией командовал Мих(айл) Федор(ович) Орлов, дивизионная квартира находилась в г. Кишиневе.

В квартире капитана Комарова, свитского офицера²², собирались члены Общества по вечерам²³. У него я познакомился*** почти со всеми:

генерал-майор М. А. Фон-Визин,
генер(ал)-интендант Юшневский,
князь Барятинский — адъютант свитский Витгенштейна,
кап(итан) Бурцов — адъют(ант) Киселева,
полковник Пестель — адъют(ант), впослед(ствии) коман(дир),
подпол(ковник) Абрамов — адъютант Киселева, впослед(ствии) команд(ир),

кап(итан) Ивашев — адъютант главно(командующего),
кап(итан) Басаргин — адъют(ант) Киселева,
полковник Пятин — полковник Генера(льного) ш(таба) в отставке.
Тут находились проездом из Крыма в Москву подполк(овник) Лунин и Никит(а) Мих(айлович) Муравьев — оба в гражданской одежде.

Вечера были шумными. Дело шло о цели и средствах.

Впоследствии: Пестель, Абрамов и Бурцов при производстве в чины приняли полки: Вятский, Украинский и Казанский. Генерал Фон-Визин сдал Егерскую бригаду князю Сергею Григорь(евичу) Волконскому — также члену Общества.

Из общих этих шумных толков я видел, что Общество имело целью: правление конституционное, т. е.: ограничение власти самодержца представительною палатою, освобождение крестьян, уничтожение привилегий или равенство перед законом, развитие просвещения, т. е. умножение учебных заведений и народных школ, свобода слова и печати, судопроизводство****.

Школы взаимного обучения или ланкастерские во многих полках были открыты. Свобода слова была развита. О правительстве толковали не стесняясь. Я узнал о многих значительных лицах, принадлежащих к Обществу.

В Петербурге:

Кавелин — настав(ник) великих князей
Никол(ай) Ив(анович) Тургенев — дейст(вительный) ста(тский) совет(ник)
генерал-адъютант князь Долгоруков
генер(ал) Бибииков

* Первоначально: 1818

** До этого зачеркнуто: я числа не помню

*** Далее зачеркнуто: с теми офицерами, членами Общества, которых не знал прежде. Вот список членов Общества, которые тогда находились в Тульчине

**** Далее зачеркнуто: Время не называлось. Но приготовление началось

Норов — впоследствии министр
 князь Трубецкой — полковник
 Никита Мих(айлович) Муравьев
 Лунин
 Федор Глинка и несколько гвардейских офицеров
 Шишов — полковник
 обер-прокурор Краснокутский

В М о с к в е:

Александр Муравьев — полковник
 Мих(айл) Муравьев — полковник, в настоящее время генерал-губернатор в Вильне
 Фон-Визин — генерал
 граф Бобринский
 князь Шаховской
 граф Мамонов
 и много других значительных лиц и молодых людей, которые впоследствии из Петропавловской крепости выпущены за неимением доказательств и улики.

Многих достойных не принимали только потому, что уверены были в сочувствии их к делу.

В р а з н ы х м е с т а х:

Граббе — полковник, в н(астоящее) вр(емя) генерал от кавалерии
 Повало-Швейковский — командир полка
 Канциялов — командир полка
 Муравьевы-Апостолы Сергей и Матвей
 Артамон Муравьев — командир полка
 Фон Бригген
 Якушкин

Генерал Алек(сандр) Львович Давыдов, полковник Василий Льв(ович) Давыдов — братья по матери генерала от кавалерии Ник(олая) Ник(олаевича) Раевского.

Мордвинов адмирал, Сперанский и генерал Раевский были в подозрении. Об них спрашивали косвенно, уклоняясь высказать явное подозрение.

В 16-й дивизии, которою командовал Орлов:

сам Мих(айл) Фед(орович) Орлов
 майор Вл(адимир) Раевский
 капит(ан) Охотников
 полковник Нешенин.

Орлов поручил мне принять двух братьев Липранди (Липранди старший, в настоящ(ее) время действ(ительный) ст(атский) совет(ник), а младший — генерал от инфантерии) и майора Гаевского. Но я отозвался тем, что и без принятия в Общество на них рассчитывать можно.

Я пробыл в Тульчине 5 дней. Там была главная квартира 2-й армии. Главнокомандующим был граф Витгенштейн, всеми любимый и уважаемый храбрый генерал. Он принял командование после генерала Бенигсена, уже сильно устаревшего. Начальником штаба армии был генерал П. Д. Киселев *.

Наконец, я должен был выехать из Тульчина. Генерал Фон-Визин крепко обнял меня и передал мне письмо к генералу Орлову следующего содержания:

* Первоначально: Абрамов, Бурцов, Басаргин были его (Орлова) адъютанты. Пестель, князь Барятинский были адъютанты главнокомандующего, доктор Вольф. Здесь я не включил тех лиц, которые приняты после 1822 года. Они составляют большинство адъютантов графа Витгенштейна и свитских офицеров 2-й армии.

«Мы посылаем к тебе Раевского, которого ты уже знаешь по слуху. Киселев возвратился из Вознесенска, куда ездил по требованию государя. Между прочим, государь сказал ему об *Сабанееве* (корпусном начальнике 6-го корпуса): „Il faut avoir l'oeil sur lui, — il ne m'aime pas“ *. Если нужно будет, постарайся поместить Раевского адъютантом к нему и проч.».

Я явился в Кишинев Орлову. Высокого роста, атлетических форм, весьма красивый — он имел манеры, которые обличали в нем в высшей степени самолюбие. Впоследствии я скажу об нем более.

Дивизия стояла в лагере. Орлов приказал мне явиться в полк, принять роту и устроить школу взаимного обучения.

32-й Егерский полк стоял лагерем около кре(пости) Аккермана. Командир полка, полковник Непенин, был храбрый, боевой офицер, честный, откровенный и беспечный, как все тогдашние военные люди ²⁴. Он был членом Общества. Его принял (в) 1817 году полковник Бистром**²⁵. Полк выступил из лагеря по квартирам. Я устроил полковую школу для солдат и принял 9-ю Егерскую роту. Несколько месяцев я командовал ротой.

В исходе 1820 года я был произведен в майоры и принял 2-й батальон 32-го Егер(ского) полка. 1-й и 3-й батальоны ушли в Измаил. Я остался со 2-м батальоном в Аккермане.

В это время капитан Охотников писал ко мне от имени Орлова, чтобы я приехал в дивизионную квартиру. Я отправился.

Военные школы для юнкеров и взаимного обучения для солдат были уже устроены. Генер(ал) Орлов предложил мне сдать батальон и принять эти школы в мое ведение. Я согласился.

Предметы преподавания:

русский язык
математика
география
история ²⁶.

О родах правления внесено было в политическую географию ²⁷. В традиях русского языка внесены были стихи, выбранные мною из книг, пропущенных цензурою ²⁸.

Историю преподавал я словесно.

Математику преподавал адъютант Орлова, бывший инженерный офицер, Друганов.

ПРИЧИНЫ ЗАГОВОРА

1812, 1813 и 1814 год загладили Аустерлицкую бойню и постыдный Тильзитский мир и доказали Европе всю силу или могущество не правительства, а народа русского. Не только немцы, но англичане и французы с уважением встречались с русскими офицерами, любовались сильными, стройными, боевыми и всегда веселыми русскими солдатами. Победа за победою положили конец войне. В 1816 г. войска возвратились в Россию.

Избалованные победами, славою и почестями, они встретили в отечестве недоверие правительства, неуважение к храбрым начальникам и палочную систему командования.

Аракчеев был временщик. Тупой, бесчувственный, мелочный капрал, проживший всю жизнь в Петербурге, он был самый гнусный раб царя и палач народный.

* Нужно смотреть за ним, — он не любит меня (франц.).

** *Далее зачеркнуто*: «Что много толковать, — сказал он мне, когда я говорил о пели Общества. — Мой полк готов. За офицеров и солдат ручаюсь — надоело ничего не делать».

Военные поселения, это злодейское учреждение, погубило тысячи народа — история выскажет, что такое эти поселения! Вместо военных, храбрых генералов всю власть, все доверие отдавали таким начальникам, как Рот, Шварц, Желтухины. Знаменитым генералам Отечественной войны оказывали только наружное уважение.

Шпионство развилось.

Восстановление царства Польского и намерение Александра присоединить отвоеванные наши русские древние владения* к Польше произвели всеобщий ропот.

Жестокое обращение великих князей Николая и Михаила с солдатами.

Бесчеловечное управление Сакена и Дибича в 1-й армии, где жалобы солдат считались за бунт **. Приказы по армии наполнены были приговорами за грубости и дерзости против начальников. Поездки государя за границу, где, как говорили, он отзывался с презрением о народе русском. Огромные расходы на эти поездки. Ограничение и падение учебных заведений; строгая цензура и, главное, недоверие к русским и подозрение в революционных тенденциях войска... производили из конца в конец России толки и ропот.

С начала царствования кроткий, либеральный Александр, под влиянием Австрии и Аракчеева, потерял и любовь, и доверие, и прежнее уважение народа. Россия управлялась страхом. Крепостное право (как он обещал) не было уничтожено. Об обещанной конституции и думать *** [не смели]. Все изменилось.

Аракчеева простой народ, в особенности раскольники, считали антихристом. Новые полковые командиры, школы Клейнмихеля, несмотря на заслуги и георгиевские кресты, засекали солдат, выгоняли заслуженных офицеров.

Московский университетский пансион, основанный в 1777 году под попечительством таких лиц, как Мих<аил> Ник<итич> Муравьев, Ив<ан> П<етрович> Тургенев, приготовлял юношей, которые развивали **** новые понятия, высокие идеи о своем отечестве, понимали свое унижение, угнетение народное. Гвардия наполнена была офицерами из этого заведения. Весьма замечательно то обстоятельство, что дети М. Н. Муравьева, попечителя Московского университета, Никита и Александр, и сын Ив<ана> Пет<ровича> Тургенева, Николай Ив<анович> Тургенев, приговорены и Муравьевы сосланы в каторжную работу. Тургенев из-за границы по вызову не поехал в каторжную работу.

Дети знаменитых генералов:

Коновницына — сын, юноша, офицер, отдан матери,

Раевского — два сына и два зятя, из коих сыновья освобождены, Орлов на год осужден к заключению в крепости, князь Волконский сослан в каторжную работу,

Депрерадовича — сын возвращен отцу.

Пестель — сын генерал-губернатора Сибирского повешен,

Муравьевы-Апостолы — дети сенатора — Сергей повешен, Матвей в каторжную работу, Ипполит убит.

У генерала Раевского, кроме двух сыновей, двух зятьев, были взяты два брата по матери — генерал и полковник Давыдовы. Полковник Василий сослан в каторжную работу, и адъютант Раевского, капитан Муханов, также; бывший его адъютант, Капнист, был под допросом, но выпущен. Сам Н. Н. Раевский перечислен из корпусных командиров в Государственный Совет ²⁹.

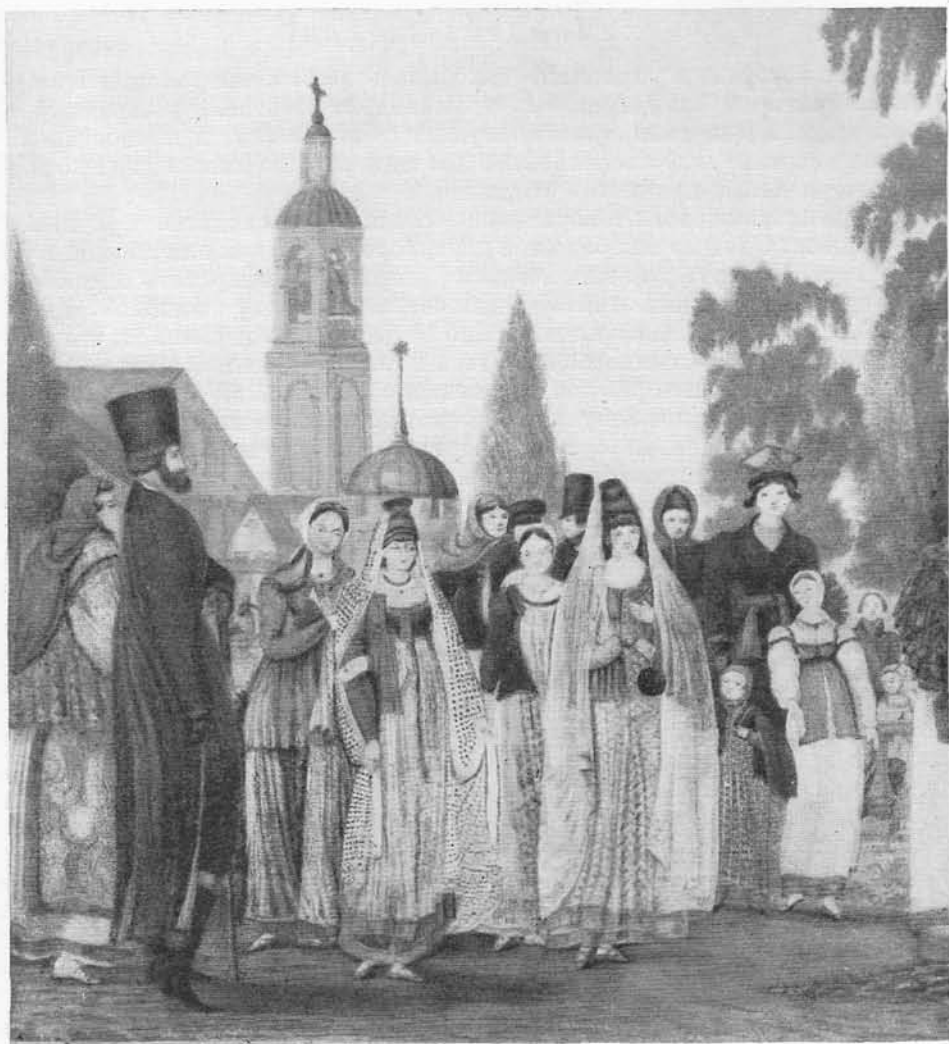
* Первоначально: присоединить завоеванные провинции

** Далее зачеркнуто: оправдание офицеров начальников за дерзость

*** Первоначально: и говорить

**** Первоначально: разносили

1821 года в феврале месяце генерал Орлов возвратился из Москвы и объявил мне, что Общество *Союз Обществ<енного> Благоденствия* уничтожен, что в Москве принято было много молодых людей, нескромных и

МОЛДАВАНЕ В ПРАЗДНИЧНЫХ КОСТЮМАХ

Акварель неизвестного художника, 1820-е гг.

Отдел истории русской культуры Эрмитажа, Ленинград

неблагонадежных. Капитан Охотников, который был на съезде, подтвердил то же, но Орлов «Зеленую книгу» передал мне ³⁰.

Д О Н О С Ш Е Р В У Д А

В этом же году гвардии корнет или поручик Вадковский за разные насмешки против двора, каламбурь и нескромные суждения был схвачен и отправлен в Армейский уланский полк. В этом полку он познакомился с унтер-офицером Шервудом и по молодости и нескромности рассказал ему

о существовании заговора, о котором он сам хорошо не знал. Шервуд (англичанин) воспользовался этой откровенностью, сделал секретный донос *, вследствие чего была назначена тайная справка, но так как дело было неясное, то и оставалось недоконченным ³¹.

АРХИМАНДРИТ ИЕРЕНЕЙ

Школа, которую я управлял, находилась вблизи митрополии Кишиневской. Ректором семинарии был архимандрит Иереней, развратный и хитрый монах. Два семинариста, студенты богословия, в ночное время зашли на квартиру, где квартировали два юнкера. Две милостивых хозяйских дочери были причиной ссоры.

Юнкера позвали своих товарищей по соседству; как водится, принялись за богословов. Один из них бежал, а другого моим именем они посадили на гауптвахту. Поутру, узнавши все дело, я приказал выпустить семинариста. Но дело не кончилось этим. Иереней явился к Орлову с жалобой. Орлов потребовал меня. Я рассказал подробно все дело. Орлов смеялся, а я сказал Иеренею, что ему стыдно вмешиваться в такое скандальное дело. Монах взбеленился. Ушел и через два дня вошел с формальной просьбою: «наказать виновных». Орлов поручил произвести следствие майору Гаевскому. Юнкеров приговорили на сутки в карцер. Монах еще более озлился.

В это время в Кишиневе было огромное стечение греков и молдаван из-за границы по случаю восстания греков и после поражения их в Молдавии турками **. В Кишиневе основана масонская ложа, которую открыл полковник Пестель, в нее приняли одного... ***.

Архимандрит Иереней вошел в донос.

Военную школу он представил как рассадник безверия и вольнодумства, масонскую ложу как скопище якобинцев и карбонариев, и то и другое описывал как скоп или заговор, имеющий целью ниспровержение власти. Подозрительное правительство верило. Иеренея сделали архиереем в Рязани. Впоследствии он был в Иркутске и за разные беспорядки, ложные доносы и проч. сослан на смирение в один из вологодских монастырей, где, говорят, русские барыни считали его чуть не за святого ³².

В Кишинев была прислана тайная полиция.

Орлов по привычке говорил очень свободно. За обедом у него редко было менее 15 или 20 чел<овек>; два брата Липранди, Охотников, майор Гаевский, я, несколько свитских офицеров, А. С. Пушкин **** — были всегдашними посетителями ³³.

Бригадный генерал Пуцин³⁴ и Болховской³⁵ часто обедали и проводили вечера у него.

Между тем, члены Общества, рассеянные в России, развивали новые понятия, неудовольствие и ропот против тяжелого правления. Генерал Орлов мог рассчитывать на свою дивизию. Полковые командиры были уверены в своих офицерах и солдатах. В гвардии общий ропот. Гвардейский Семёновский полк взбунтовался.

Генерал Орлов подал прошение в отпуск в Киев на 28 дней. Ему дали бессрочное увольнение. По отъезде его корпусный командир Сабанеев приехал в Кишинев.

Орлов имел неосторожность, отдавая приказ по дивизии о предании суду майора Вержейского Охотского полка и капитанов Брюханова и Ширмана³⁶ за жестокие поступки их <с> солдатами, между прочим выразиться так: «Разверните листы истории и вы увидите, что все тираны погибли или должны погибнуть». Этот приказ предписано было прочесть при ротах.

* Первоначально: донос Аракчееву

** Далее зачеркнуто: Кто первый подал мысль не знаю, только

*** Пропуск в рукописи. — Ред.

**** Первоначально: стихотворец А. С. Пушкин

Слово «тиран» всегда относилось к деспотической власти. Сабанеев приказ этот остановил. Меня не было в Кишиневе, когда был написан и разослан этот приказ. Возвратясь в Кишинев, я заметил г(енералу) Орлову о неловкости такого приказа³⁷. После отъезда Орлова в Киев, к тестю его, генер(алу) Н. Н. Раевскому, началось следствие. Сабанеев приехал в Кишинев. Император писал к Киселеву: «Скажите Сабанееву, что, доживши до седых волос, он не видит, что у него делается в 16-й дивизии».

После многих глупостей и беззаконий, насилий и пыток кончилось на том, что Вержейского и Брюханова и Ширмана освободили, и в Камчатском пехотном полку в роте Брюханова фельдфебеля Дубровского и 5 рядовых лишили военного звания, наказали кнутом и сослали в Сибирь в каторжную работу. Совершенно безвинно! Сабанеев полагал, или ему внушено было, что эти частые жалобы и волнения суть следствие тайных внушений. Орлов пользовался необыкновенной любовью, верованием солдат. Телесные наказания были воспрещены. Ласковое его обращение, его величественный вид, его всегда веселое лицо, его доступность для всех — внушало солдатам доверенность, привязанность до восторженности. На смотрах, когда он подъезжал к фронту, солдаты, не дождавшись его приветствия «здорово, братцы!», встречали его громким криком «ура!»... Конечно, правительство это знало *...

... Киселев отвечал мне, что это не его воля, что он сделает мне письменный запрос. На письменный запрос я отвечал, что «я ничего не знаю»³⁸.

В 1822 ничего особенного в движении Общества не было. В Следстве(ной) комиссии мне делали дикие вопросы о командовании ротой, батальоном, о связи моей с Орловым, о военных школах, о каких-то прописях в солдатской школе (которых не было), о внушениях солдатам, о неуважении к религии. Одним словом сочиняли, выдумывали вопросы, на которые отвечал я письменно, обращая большею частию в шутку эти вопросы³⁹. Сабанеев бесился, обвинить меня невозможно было. Письменных улик не было. Спросы в школах ничего не разъяснили. Но запросы солдатам в 32-м Егерском полку совершенно его сбили с толку. Солдат 9-й роты, которую я командовал, пытали, 5 человек кавалеров сослали в Оренбург на линию. Роту предписано было разбить по другим ротам. Сабанеев, по уверению одного предателя из офицеров (Михалевского), надеялся, что солдаты будут показывать на меня, но во всех шести ротам, которые Сабанеев лично допрашивал, солдаты громко, не останавливая(сь), и несмотря на угрозы Сабанеева, отвечали или, лучше сказать, кричали: «Майор Раевский приказывал нам служить верою и правдою богу и великому государю до последней капли крови!». Никогда я не говорил ничего подобного солдатам, но также не делал никаких внушений, которые бы могли повредить мне.

Большая часть, или, вернее сказать, за исключением двух офицеров, все остальные были за меня и по допросам отвечали отрицательно **⁴⁰.

Полкового командира Непенина отрешили от полка. Но на место его назначен был подполковник Лишин, человек благородный и знакомый мне прежде. Все попытки Сабанеева разбивались, как об каменную стену.

Я написал стихи в крепости «К друзьям из Тирасполя» и «Скворец», которые разошлись по рукам секретно⁴¹. Сабанеев донес, «что солдаты находятся в возмутительном положении, что допрашивать их невозможно», а пытать также он не решался сам, а офицеры не согласились бы, да и полк стоял на Дунае — следовательно, ожесточенные солдаты могли легко переправиться за Дунай.

* Далее вырван лист. — Ред.

** Первоначально: ничего не показали.

Меня содержали очень строго, но офицеры и солдаты очень хорошо знали, за что и почему я арестован, и потому оказывали мне не только уважение, но считали как бы обязанностью услуживать мне во всем. Мои знакомые тайно видались со мною или в моей тюрьме или в ночное время за стенами моего заключения. Я знал все, что мне нужно было знать⁴². Деньги я имел и не отказывал себе ни в чем.

Наконец надо было кончить. Судная комиссия приговорила меня, в силу <135-го> артикула военных законов, «за слова, которые бунт произвели или могли произвести, лишить живота или наказать телесно».

Я не подписал ни выписки из дела, ни конфирмации. Сабанеев положил мнение: не лишая меня чинов, сослать на 6 лет в одну из отдаленных губерний⁴³.

Я потребовал бумаги и написал протест. Протест этот представил Киселеву в бытность его в Тирасполе. Он передал его в полевой аудиториат 2-й армии⁴⁴.

В 1823 году назначен был царский смотр второй армии в Тульчине. Государь из Киева пригласил с собою генерала Раевского. В присутствии его он сказал, что «16-я дивизия дурна». Этим он хотел оскорбить Раевского, потому <что> зять его, Орлов, командовал этой дивизией. Вообще, этот смотр произвел дурное впечатление не только на солдат, офицеров и генералов, но на самого графа <а> Витгенштейна. После смотра Пестель и Юшневский уехали в Киев на контракты. Там назначено было свидание с Апостолами-Муравьевыми. После кратких переговоров решено было усилить Общество и действовать решительно. Цель Общества — произвести военную революцию.

На 2-ю армию можно было смело рассчитывать. Отдалением Орлова и моим арестом солдаты 16-й дивизии были взволнованы, многие офицеры узнали, другие догадывались, в чем дело. Бесчеловечные пытки в Камчатском и Охотском полку, оправдание майора Вержейского и капитана Брюханова и наказание кнутом невинных солдат и фельдфебеля в Камчатском полку вместо страха произвели злобу и явный ропот в боевых солдатах. Солдаты в 16-й дивизии готовы были на отчаянное дело.

Несколько полковых командиров 1-й армии, революционное движение гвардейских полков в Петербурге, 14 декабря, пример Черниговского пех<отного> полка, в котором батальонный командир Апостол-Муравьев собрал полк и пошел ко 2-й армии, доказывали, как легко было тогда двинуть полки под одно революционное знамя. Но все эти замыслы, все эти приготовления разыгрались очень дурно.

Я уже сказал, что первым доносчиком был Шервуд, которого называли *Верным*.

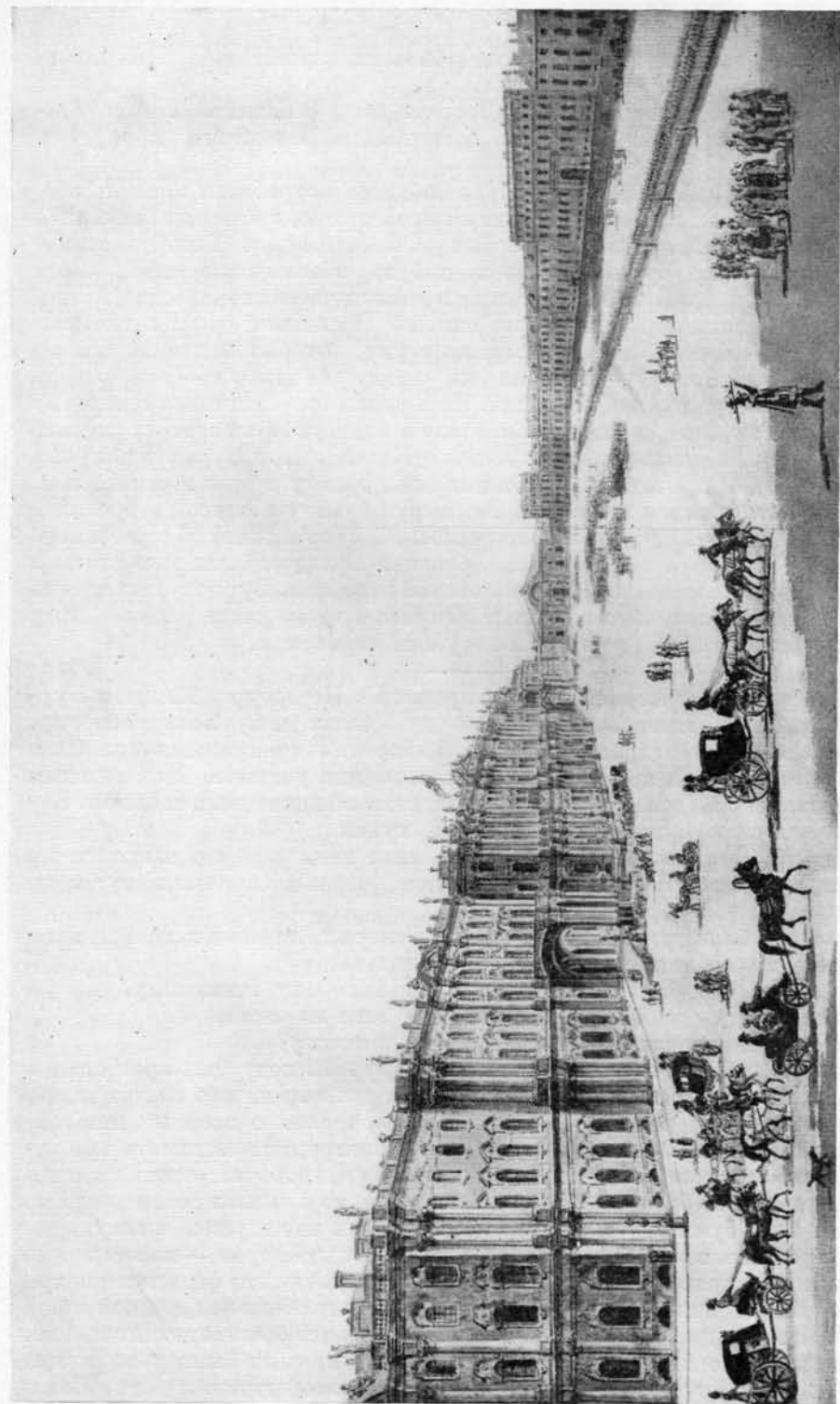
Второй доносчик был *Майборода*. Донос его получен накануне самого восстания в Петербурге.

Вот причина.

Пестель, принявши полк, застал полковым казначеем этого Майбороду. Неизвестно почему, Майборода ему понравился. Впоследствии оказалось, что у казначея суммы не достает. Пестель внес свои деньги и сменил его. Как капитан Майборода принял роту. Вскоре рота объявила на него претензию в невыдаче жалованья и растрате ротных денег. Полковой командир объявил, что если он не внесет денег, то будет предан суду.

К несчастью, Пестель был слишком откровенен с Майбородой, когда тот был казначеем. Пестель не принял его в Общество, но открыл, что в России есть Тайное общество и назвал многих офицеров 2-й армии.

Майборода, не имея денег и не ожидая пощады, на высочайшее имя подал донос. Он пришел во-время. Во 2-ю армию, в главную квартиру,

ДВОРЦОВАЯ ПЛОЩАДЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

Акварель неизвестного художника, 1820-е гг.

Музей истории Ленинграда

послали генер<ала> Чернышева, и всех фельдъегерей разослали забирать по списку.

В Южном обществе никто не готовился к восстанию, всех брали врасплох.

Доверчивость и откровенность Пестеля были причиной всему. Третий доносчик был Яков Ростовцев, воспитанник Пажеского корпуса⁴⁵.

В генваре месяце 1825 года генерал Сабанеев потребовал меня к себе. У него был в руках список, написанный моей рукою, в котором значились имена большей части членов Союза Общественного Благоденствия. Я удивился... все бумаги, сколько-нибудь обвиняющие меня, были мною уничтожены, как и «Зеленая книга», накануне моего ареста⁴⁶. Один на один он спросил меня, какой это список? Я отвечал, что я записывал всегда передовых людей по образованию и уму, которых встречал, или по слуху. — «Только то?» — спросил он меня. «Только!» — отвечал я. Письменного запроса он мне не делал. Но я узнал впоследствии: генер<ал> Сабанеев список этот послал к Киселеву с вопросом: следует ли сделать запрос майору Раевскому об этих лицах? Киселев при Бурцове получил эту бумагу и дал прочитать. Потом положил бумагу в стол и вышел вон. Бурцов воспользовался этим случаем, вынул бумагу и список и бросил в печь. Впоследствии, когда дело раскрылось, Сабанеев донес об этом списке государю, потому что все на списке бывшие офицеры были уже взяты и <находились> в казематах Петропавловской крепости. Бурцову был сделан запрос, и Бурцов сознался во всем⁴⁷. Он был в числе раскаявшихся. Ему дали полк на Кавказе, где он был изрублен черкесами.

1826 г. в начале февраля я был отправлен в Петербург. Капитан Бурман, адъютант Сабанеева, должен был сдать меня дежурному генералу. Из дежурства меня отправили в Зимний дворец. Тут в нижнем этаже были кухни, где помещали привозимых пленников или узников. Над каждым было поставлено по два фуhrштадских солдата с обнаженными саблями. Кушанье приносили с царской дворцовой кухни.

На другой день вошел фельдъегерь, взял меня с собою и привел ко входу в Эрмитаж. Я вошел в переднюю, через несколько минут меня позвали.

Я вошел в большую картинную залу. Генерал Левашев подозвал меня к небольшому столику и указал мне садиться.

1-й вопрос его был: Родственник-ли я генералу Раевскому?

О<твет>: Очень далеко, и генерал меня едва ли знает.

2<-й>: Принадлежал-ли я к Тайному обществу?

О<твет>: До 1821 года принадлежал, но <в> 1822 году был арестован и содержался в кре<пости> Тираспольской и с тех пор ничего не мог знать.

Левашев начал мне делать вопрос за вопросом о военных школах, о действиях Орлова и проч. Я заметил, что он затрудняется писать мои ответы, и попросил позволения писать мне самому. Он отвечал: «очень хорошо» и повернул ко мне бумагу. Ясно и вразумительно я сказал все, что нужно было. Он взял бумагу. — «Подождите», — сказал мне и ушел к государю. Минут через пять возвратился, переговорил с фельдъегерем, — и меня прямо из Эрмитажа отправили в Петропавловскую крепость, где фельдъегерь при записке сдал меня коменданту Сукину. Комендант обошелся со мной очень вежливо. Посадил меня и до прихода плац-адъютанта разговаривал со мною. Когда я вышел с плац-адъютантом Николаевым, сани были у подъезда. Часу в десятом ночи, мы подъехали к Кронверкской куртине, меня ввели в 3-й номер, под черный каменный свод. Небольшое окно с толстой железной решеткою, кровать, стол, стул, кадочка — составляли принадлежность каземата. Дверь с небольшим окошечком за занавескою снаружи и желез-

ные крепкие запоры и часовой при 5 или 6 номерах хранили безопасность узника.

Ночник с постным конопл^янным маслом освещал каземат.

— Вы извините, но я обязан обыскать вас, — сказал мне плац-адъютант.

— Я знаю это, — ответил я, — но по приезде в Петербург меня уже в Зимнем дворце обыскивали при сдаче и отправке сюда, да при отправке в Петербург также обыскивали — но, пожалуй, если Вам этого хочется.

Я говорил это шутливо и пл^{ац}-адъюта^{нт} не стал обыскивать.

Тяжела была жизнь в Петропав^{ловской} крепости. Тюфяк был набит мочалом, подушки также, одеяло из толстого солдатского сукна. Запах от кадочки, которую выносили один раз в сутки, смрад и конопоть от конопляного масла, мутная вода, дурной чай и всего тяжелее дурная, а иногда несвежая пища и, наконец, герметическая укупорка, где из угла в угол было только 7 шагов.

Плац-майор Подушкин и один из плац-адъютант^{ов} — Трусов и Николаев — ежедневно осматривали * тюрьмы наши. Когда я был заключен, в казематах считалось уже до 400 ч^{еловек} арестованных по разным куртинам Петропавловской крепости.

Через 5 или 6 дней ко мне явился священник для увещания. С духовными лицами я всегда охотно разговаривал, а в каземате я даже обрадовался его приходу. Этот был протопоп Казанского собора. Он начал с того, что государь сказал: «Если б эти люди просили у меня конституции не с оружием в руках, я бы посадил их по правую руку у себя».

— Послушайте, — сказал я, — здесь в казематах до 400 чел^{овек}. Неужели все с оружием в руках требовали конституции? И до сих пор посадил ли государь хоть одного человека по правую руку у себя? Священник мой замолчал. Разговор не клеился. Я был уже опытный арестант. Он вышел ⁴⁸.

Ц Е Р Е М О Н И А Л

Через два дня плац-майор Подушкин ночью, часов в 11, вошел ко мне. Он вывел меня из каземата и попросил очень учтиво позволения завязать мне глаза. И, не дожидаясь ответа, каким-то платком туго завязал мне. Мы сели в сани, остановились, он вывел меня за руку и ввел в комендантский дом и посадил за ширмы. Натурально, находясь один, я приподнял платок и видел, как выходили и входили в эту комнату разные лица, но кто именно, не мог отличить. Через полчаса плац-майор подошел ко мне, взял за руку и привел к дверям другой комнаты. Он отворил дверь, снял с меня повязку и, указав на двери, сказал: «Войдите».

Я вошел. Передо мною явилась новая картина: огромный стол, покрытый красным сукном. Три шандала по три свечи освещали стол, по стенам лампы. Вокруг стола следующие лица: Татищев, по правую сторону его — Михаил Павлович, по левую — морской министр, князь Голицын, Дибич, Чернышев, по правую — Голенищев-Кутузов, Бенкендорф, Левашев и Потапов. Блудов, секретарь, вставал и садился на самом краю правой стороны.

В о п р о с ы :

1) Принадлежал-ли я к Тайному злоумышленному обществу?

Надо заметить, что всех других спрашивал Чернышев; не знаю, почему мне делал вопросы Дибич.

2) Знал ли Орлов тетради, по которым преподавалась география и русский язык? Кто их составлял?

3) Орлов показывает на Вас, что Вы были один из самых деятельных членов Общества.

* Первоначально: заключенных

В это время Блудов зашумел бумагами. Так как Блудов сидел на самом конце стола по правую руку, а я стоял у самого стола, то я невольно взглянул и увидел в руках его книгу, написанную рукою Орлова, и по переплету узнал одну из 20 или более белых книг, которые были у Орлова, из которых и я брал для себя несколько экземпляров. В дверях этой комнаты я увидел Алек<сея> Фед<оровича> Орлова, брата Мих<аила> Фед<оровича>, который заподвиг 14 декабря получил графское достоинство.

4) Почему у меня в тетрадах названо конституционное правление *лучшим*?

5) Почему я назвал правление в России *деспотическим*?

6) Кого я знал из членов Тайного общества? Кто принимал меня?

7) Какую цель имело Общество?

8) Хвалили ли я перед солдатами бунт Семеновского полка? Других вопросов хорошо не помню.

〈О т в е т ы :〉

1) Я принадлежал к Тайному обществу под названием Союз Общественного Благоденствия; прочитавши «Зеленую книгу», я не нашел в ней ничего противного данной мною присяге. Такого содержания дал я подписку. Предложил мне вступить в Общество ш<табс>-капитан Филиппович (он умер)⁴⁹.

На 2-й вопрос я отвечал: тетради составлял я *. Гене<рал> Орлов не требовал тетрадей, и сам я ему не представлял.

На 3) Я не знаю, почему ген<ерал> Орлов так говорит обо мне? Я с ним не имел других сношений, как подчиненный с начальником. Если Орлов имеет какие-либо доказательства, то я прошу дать мне очную ставку с ним.

На 4) Конституционное правление я назвал лучшим потому, что покойный император, давая конституцию царству Польскому, в речи своей сказал: что «я вам даю такую конституцию, какую приготавлию для своего народа». Мог ли я назвать намерение такого императора иначе?

〈На> 5) В России правление монархическое, неограниченное — следственно, чисто самовластное, и такое правление по-книжному называется деспотическим.

— Вот видите, — сказал Дибич, обратясь к другим членам. Потом, обратясь ко мне, сказал: «У нас правление хотя неограниченное, но есть законы».

Привязки Дибича начинали меня волновать. Я отвечал, что Иван Васильевич Грозный и... Дибич не дал мне продолжать и громко сказал:

— Вы начните от Рюрика.

— Можно и ближе. В истории Константинова для Екатери<нинского> института на [82-й] стра<нице> сказано: «в царствование императрицы Анны, по слабости ее, в 9 лет казнено и сослано в работы 21 тысяча русских дворян, по проискам немца Бирона».

Я сделал ударение на слова «русских дворян» и «немца» (Дибич был немец).

— Вы это говорите начальнику Штаба его им<ператорского> величества⁵⁰.

Все молчали. Только великий князь Михаил Павлович отозвался: «Зачем было юнкеров всему этому учить?»

— Юнкера приготавливались быть офицерами, офицеры — генералами...

Дибич, рассерженный вопросом Михаила Павловича, вскрикнул: «Не все-же учить только маршировать, но не так учить, как он...». Он отодвинул от себя бумаги к Чернышеву и сказал: «Александр Иванович! спрашивайте!»

* Далее зачеркнуто: делал выписки из книг и потому

На 6) Я показал Филипповича, полковника Бистрома, кап^ттана Охотникова (все трое померли), о других я слышал от Охотникова и генер^ала Орлова, но, опасаясь ошибиться, не могу назвать, чтоб не сказать ложь, да после 4-летнего заключения в крепости забыл имена.

О принятии в Общество я показал прежде на ш<табе>-кап<итана> (свистного) Филипповича.

На 7) Общество имело целию конституцию, вследствие желания императора, но, как известно, многие противодействовали этому желанию, то Общество хотело содействовать тайно.

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА,
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО.

и прочая, и прочал, и прочая.

Omb T. *axepunctatus*

40 *F. Aggelos, Kommission der Regierungskasse 11 ad personam*

32 *Capixaro* *whan* ~~*Manit*~~ *Manit* *Barroby* *Longabammy* *no* *man*

руководителем Казанской губернии с 1896 года

из *Нормблос* давать по — *Гор*

лоша и сь проводник *авг*

за указанные прогоны безъ задержанія. Дана въ 7. Ок
~~_____~~ *Ангиль* 25 дня 1821 года.

КЮ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЪЗНЕСЕНІЯ ВСЕМІЛЕТНИЙШАГО
ОСУДАНІА МЛАДОГО АРМІИ ДОМОУ-ЛЕВЧИНА.
Исправляющій должность Полковника Намёвника Бессра-
бской Области. Главный Почетник и Председатель Комисси-
и о Колонизаціи Южнаго Края Россіи и Оренбурга: Св.
Великоученика и Поблдоннаго Георгія 3-го класса; Св.
Равноапостольнаго Князя Владлидѣра 2-й Степени большаго
Брестца, Св. Анны 1-й Степени замѣлаи украинскаго, Топла
Терасуламскою Командиромъ Корветскаго Прусскаго Крылато-
го Паруса, Св. Станислава 1-й Степени, Св. Александра Не-
вского, имѣющій Ордена Шпагу, Императорскіе украинскаго, св.
надѣлаи: за храбрость Кавалеръ и серебряную Меда-
лу установленную въ дѣлѣхъ 1812 года.

~~Съ съседорожней указным
мужикам — аристократ
ружикам — аристократ
ассигнованиям аристократ.~~

ПОДОРОЖНАЯ НА ПРОЕЗД ИЗ АККЕРМАНА ДО ОДЕССЫ, КИШИНЕВА И ТИРАСПОЛЯ,
ВЫДАННАЯ В. Ф. РАЕВСКОМУ 25 АПРЕЛЯ 1821 г.

Военно-исторический архив, Ленинград

Несколько других вопросов заключались о тетрадах в школе.

В примерах грамматических были стихи: 10 первых стихов «Перуанец к испанцу» Гнедича и «Пери и ангел» Жуковского. Пример начинался 20-ю стихами прежде и оканчивается:

Богам угодное деянье,
Она (пери) сказала, я нашла,
Пролита кровь сия была,
Во искупление свободы

и следующие затем до 10 стихов ниже.

Я отвечал, что все это случайные выписки из книг, пропущенных цензурыю.

Наконец меня отпустили. Тот же церемониал, т. е. отправили в каземат с завязанными глазами. Дорогою плап-майор сказал мне:

— Ну, батюшка, я думаю, что вам прикажут — прикрепить шпоры. Это значит: наденут кандалы. Вероятно, он подслушивал у дверей. За

смелые ответы, как я узнал после, обыкновенно переводили в худший каземат и заковывали в кандалы. Но я, говоря в Комитете, смягчал голос и отвечал очень вежливо, не изменяя, впрочем, содержания моих оправданий.

На другой день я получил пакет из Комитета и притом чернильницу с перьями. Я прочитал вопросы и потребовал еще бумаги — мне дали счетом.

Сверх сделанных мне запросов словесно — прибавлено:

1) Что 8 членов Общества утверждали, что я принадлежал к Обществу и хорошо знал цель Общества.

Я просил очных ставок с ними.

2) Какие лица записаны у меня на списке, который генер^{ал} Сабанев показывал мне?

Я отвечал, что я не помню, о каком списке вопрос, если мне его покажут, я сочту обязанностью объяснить.

3) Так как из всего видно, что вы вооружались против существующего порядка, то где и как и почему я действовал так? И делал внушения юнкерам? И когда у меня родилась первая мысль о восстании против правительства?

Я отвечал, что я никогда не вооружался против существующего порядка, но иногда говорил против существующего беспорядка, о чем я буду иметь честь представить особо.

⟨4)⟩ Где вы воспитывались? Какими науками занимались?

Я отвечал — воспитывался в Моск^{овском} унив^{ерситетском} пансионе. Математическими и военными⁵¹.

Я попросил еще бумаги и представил новый протест и особо письмо государю императору о брате моем, корнете Григории Раевском, который был взят в Одессе и уже содержался 4 года в Шлиссельбургских казематах⁵².

Впоследствии было еще несколько незначительных письменных запросов.

Мое дело кончилось.

В июле месяце, числа не помню, унтер-офицер Соколов вошел ко мне встревоженный⁵³.

— Ваше выс^{око}благородие, у вас был плац-адъютант или плац-майор?

— Нет, — отвечал я.

— Вам приказано одеваться?

— Нет.

— Слава богу, — сказал он, перекрестясь.

— Сегодня ночью большой конвой в кандал^{ах} прошел мимо моих дверей. Что это такое? — спросил я.

— После! после! — сказал Соколов и торопливо вышел из моей комнаты.

В пристройке Кронверкской куртины был дом, принадлежащий бывшему коменданту Сафонову. Чуть свет я услышал необыкновенный стук вдали. Окно мое было прямо против дома. Я был в 3-м № Кронверкской куртины.

Направо от дому, шагах во 100, на крепостном укреплении стояла толпа людей. Это было часа в 4 утра. Тусклое окно мешало сначала видеть хорошо, но с рассветом я увидел очень ясно, что на валу сделана платформа, поставлено два столба и на столбах перекладина.

Вслед за тем рота Павловского гвардейского полка вошла в ворота и стала лицом к дому. Чрез несколько минут въехали двое дрожек. На одних был протопоп Казанского собора, на других пастор. Они вошли в дом. У дверей дома стояло 6 человек.

В этом доме находились, как все это я узнал после, Пестель (лютеранин), Сергей Апостол-Муравьев, Рылеев, Каховский и Бестужев-Рюмин.

Через полчаса из этого дома вышли один за одним 5 человек, осужденные на смерть. Они шли один после другого под конвоем с обеих сторон солдат Павловского полка.

Все они были одеты в белых, длинных саванах. У каждого на груди была привешена черная доска с надписью: преступник такой-то. Они вошли на вал и потом на платформу. На перекладине было привязано пять веревок с петлями. Внизу стояла скамейка. Осужденные были в ножных кандалах, им очень трудно было стать на скамейку, но им помогли. Потом два человека в куртках начали накладывать петли на каждого и, когда кончили, дернули скамейку из-под ног, и — двое осталось на виселице, трое упали: Апостол-Муравьев, Рылеев и Пестель⁵⁴. Их стащили с платформы и опять поставили на скамейку, надели петли крепче, дернули скамейку и они остались на виселице.

Во время экзекуции приезжал корпу<сный> началь<ник> Воинов и другие. Через полчаса трупы сняли, сложили на телегу и увезли в ворота. Рота сделала направо и вышла — раздался новый стук. Виселицу и платформу разобрали.

Остальных осужденных вывели из казематов. Снимали с них ордена, эмолеты и ломали шпаги над головами и бросали в разведенный огонь.

Трубецкой, Бяратинский и, кажется, Ивашев были выведены перед полками, в которых считались, — и та же церемония.

По окончании экзекуции приговоренных начали развозить в Сибирь, в крепости: Шлиссельбургскую и Свеаборг. Впоследствии всех перевели в Сибирь, кроме Батенькова, который 20 лет просидел в Петропавловской креп<ости>).

13—15 июля дежурный генерал Потапов прислан был уговорить или предложить мне подписать выписку и конфирмацию Сабанеева, и взять мой протест обратно. Я попросил прочитать мне мое обвинение в дежурстве, в фельдъегерской, в присутствии Потапова, Нойнский, правитель канцелярии, мне прочитал выписку из дела — я не согласился и 17-го числа письменно просил нового суда.

Через две недели меня отправили в Варшаву и оттуда в кр<епись> Замосць.

⟨III⟩

РАЗГОВОР С ЦЕСАРЕВИЧЕМ КОНСТАНТИНОМ ПАВЛОВИЧЕМ И ПОСЛЕДСТВИЯ⁵⁵

1822 года февраля 6 я арестован и отправлен в крепость Тираспольскую. 1826 года в январе месяце меня отправили в крепость Петропавловскую, в том же году в августе месяце увезли в Варшаву, а оттуда в крепость Замосць.

Не буду описывать подробно перемену декораций. Везде одни и те же каменные стены, железная решетка, крепкий замок, крепкий караул и — равнодушие приставников.

На дороге из Петербурга в Варшаву я встретил цесаревича, едущего на коронацию, но он не говорил со мною, а послал только за фельдъегерем, который вез меня. Что говорил цесаревич, Яковлев мне не сказал. По приезде в Варшаву меня посадили в ординанс-гауз, и первое лицо, встретившее меня, был комендант ординанс-гауза, или плац-майор полковник Аксаментовский. На другой день меня посетил комендант Варшавы —

генерал Левицкий, и на тот же день генерал Димитрий Димитриевич Курута, друг от детских лет цесаревича, самый кроткий, добродушный и благородный человек. При коронации он сделан графом⁵⁶. Весьма ласковый, учтивый и откровенный разговор его мало подействовал на меня, особенно на сердце и язык. Я видел, что с теми, кого приготавливали к виселице, накануне обходились столь же почтительно, как с людьми, которые избраны к высшим должностям. Известно, что быка, которого готовят на убой, кормят и содержат лучше других быков.

Однако я чувствовал какую-то доверенность к графу Курута, и потому до половины объяснил ему свое дело; а из бумаг он мог видеть, что по государственному преступлению я не обвинен*.

Содержание в варшавском ордонанс-гаузе было отличное. Поутру кофе, его подавала 15-летняя прекрасная девушка, дочь ветерана, моего стража; обед из ресторации на 4 блюда, белый и пеклеванный хлеб. Вечеру чай и та же девушка; ужин из 3-х блюд.

Приятные** темничные воспоминания! Стекла замазаны; скамейки, стол и кровать приколочены к полу. Воздух чистый, комната высокая и довольно просторная. Чего ж желать более или лучше для жителя тюрьмы?

Близ меня находились еще две комнаты, занятые какими-то узниками. Об одном я узнал темно, что он русский священник. Не тот ли, который благословлял знамены Сергея Апостола-Муравьева?⁵⁷ О другом я не мог узнать. Увы! Я пробыл так коротко в этом темничном наслаждении. Через 8 дней мне был объявлен отъезд в крепость Замосць. «Опять в крепость, — подумал я, — когда это кончится!» Через 3 дня я был в крен<ости> Замосць. Над щебревской брамою (воротами) было 6 номеров. В 1-й номер поместили меня; во 2<-м> сидел на короткое время артиллерийский русский офицер за какие-то шалости; в 3<-м> — пан Дунин, поручик отставной, за религию, *в цепях*; в 4<-м> — мой меньшой брат Григорий⁵⁸; в 5-м, и самом худом, номере — майор Уминский или Гумницкий, по политическому преступлению, осужденный в работу в цепях; в 6-м номере никого не было.

Комендантом крепости был генерал Гуртиг, пренесносный и низкий человек. Плац-майор и адъютанты — трава. Обед, кофе и ужин получались из трактира довольно хорошие, каземат светлый, содержание вообще несравненно лучше крепости Петропавловской. Обхождение приставников учтивое. Вообще в Царстве Польском люди если не сострадательнее русских, то несравненно мягче в обхождении.

Крепость Замосць окружена болотами, и потому с самого начала я почувствовал боль в ногах; ни ванны, ни бани не было или, по крайней мере, комендант не позволял мне ходить, прогуливаться также не позволялось. Осенний, сырой воздух подействовал еще сильнее: я получил скорбутную с пятнами горячку. Меня перевезли в военный госпиталь. К счастью, дивизионный доктор Любельский, с знаком военного ордена и Почетного легиона (он служил прежде у Наполеона в армии), был человек знающий, приветливый, внимательный, и одно посещение его уже облегчало меня. Боли в членах уменьшились и я стал оправляться.

В это время великий князь цесаревич возвратился с коронации в Варшаву. В Замосць ожидали его приезда. Меня обратно перевели в каземат. Я был очень слаб, но в каземате мне воздух казался лучше, нежели в больнице.

— Шестой год, как я путешествую по тюрьмам; человек много может выдержать, — думал я, — но когда же будет конец?

* Первоначально: оправдан.

** Далее зачеркнуто: сладкие

Наконец явился человек, которому определено было окончить мою под-сводную тюремную жизнь! Я ожидал великого князя с нетерпением, я знал, что он зайдет ко мне.

Не помню числа, когда приехал великий князь в Замосць. Я видел его сначала в окно с большою свитою. Кроме коменданта крепости, при нем был инженерный генерал Малетский, Гауке, начальник польской артиллерии, кто-то из адъютантов, инженерные, артиллерийские и начальники полка и бригады, расположенных в крепости и близ кре<пости> Замосць.

Наконец он повернул на вал, где находился мой каземат — я был в ожидании... дверь моего каземата отворилась настежь. Цесаревич вошел, за ним начала входить вся свита, но он сделал знак рукою, вошедшие вышли вон и дверь затворили. Я легко поклонился ему, стоя у своей кровати.

Передо мною стоял человек, который отказался от владычества русской империи, человек, который не знал, до какой степени сильна к нему любовь простонародная и русского войска; человек, которого враждебные нам поляки * начинали любить. — Не мое дело судить, сделал бы он Россию счастливой, но знаю наверное, что он имел прекрасную душу и счастливый такт окружать себя людьми добрыми и благонамеренными. Европейцы, особливо французы, судили о нем весьма несправедливо, полагая его отломком варварских времен России. Он не любил политики, дипломатических споров и толков, но он был князь праводушный, любил все русское и русские его любили ** 59.

Печать печали и болезненного состояния заметны были на лице его. Он казался очень усталым. У меня в каземате было одно стуло, я подал его цесаревичу; он сделал знак учтивости и сел.

Цесаревич был росту довольно высокого, сутуловат, хорошо сложен, все формы и округления его корпуса доказывали силу; совершенно круглое лицо, серо-голубые глаза и над ними весьма густые белые и нависшие брови придавали ему вид суровый (но только вдали); лицо белое, как снег, и на нем, вместо прежнего живого румянца, оставались только два алые круга; на голове светлорусые, редкие волосы. Весьма малый нос отымал красоту всего лица, рот посредственный, нижняя губа немного вперед. Вот точь-в-точь его портрет, когда я видел его в последний раз. На нем был польский конноегерский вицмундир, уже поношенный, и никаких отличий, кроме медали 1812 года.

— Здравствуйте, майор! Каким образом вы попали ко мне?

— Ваше высочество, дело мое начато еще в 1822 году, я находился под арестом и судом в крепости Тираспольской. Судная комиссия была под надзором генерала Сабанеева ***, он не мог найти ничего незаконного по службе и потому навел на меня политические подозрения, но я не признал ни суда, ни конфирмации, не подписал выписки и приговора и протестовал. Протест мой подал начальнику штаба генералу Киселеву. Конечно, протест и дело лежали под сукном до восшествия на престол нового государя. По прошествии почти 4-х лет я был вытребован в С.-Петербург и посажен в крепость Петропавловскую, и дело мое приобщено к общему делу о государственных преступниках. Там я оправдался. Но всем известно, что генерал Дибич — друг Сабанеева ****, оправдать меня совершенно после 4-летнего заключения — значило бы обвинить Сабанеева; дело шло о майоре и генерале от инфантерии — мне предложили, по повелению государя, взять мой протест обратно, и подписать

* Первоначально: непостоянные, легкомысленные поляки

** Первоначально: все русское и явился русским.

*** Первоначально: Судил меня генерал Сабанеев

**** В оригинале рукописи было вписано: Сабанеева не в очередь произвели в генералы от инфантерии и пожаловали в Бессарабии 10 000 десятин земли.

выписку и приговор. Но отдали совершенно на мою волю — и 3 дня на размышление. После 6-ти, а не трех дней я отвечал решительно, что я выписки и приговора Сабанеева не подпишу, что чувствую себя совершенно правым и заключил мой рапорт генерал-адъютанту Потапову тем, что я прошу только суда под надзором такой особы, которая бы не боялась самых близких лиц у престола.

Не знаю почему, только цесаревич перехватил мою речь и сказал: «То есть Вы просились ко мне?» — «Точно так, Ваше высочество!» Хотя я не просился, но отвечать иначе — значило бы сказать во вред себе.

Цес(аревич): Вы не ошиблись! Здесь четыре стены, никого нет в этой комнате, я не судья, все, что вы скажете, останется в этих стенах, только говорите правду, как отцу. Я хочу знать дело не из бумаг.

В продолжение 5-ти лет привыкши думать, рассчитывать, отвечать, иногда сочинять в оправдание мое — мне нетрудно было рассказать дело мое и весь процесс со всею хронологической точностью, ясностью и судебным ходом и порядком, выставить себя совершенно правым* без лжи и отступлений, и доказать причины моего ареста и действия *первого* суда, как они были — рассказ продолжался не более получаса, лицо цесаревича прояснилось, он, казалось, был доволен.

— Только то? Справедливо ли это, майор?

— Ваше высочество, увидите мое дело и за ложь будете иметь право наказать меня.

— Если только, вам опасаться нечего! Но я вижу и знаю, что генерал Орлов во всем виноват, и его надо бы было повесить из первых.

Он встал.

— Неправда ли у меня в казематах лучше, как в Петропавловской? Там душно, темно, сыро, меня брат посылал навещать *арестантов* — там было очень дурно.

— Точно так, ваше высочество, но каземат для арестанта...

Цес(аревич): Верю, верю, но что ж делать?

Я: Этот номер немного течет в сводах во время дождя, и, когда натопят печь и закроют, отзывается сыростью.

Цесаревич: Впрочем, это лучший номер.

Он взглянул на своды, на верх и довольно громко кликнул: «Малет, Малет!». Инженерный генерал вошел (он служил в польском войске и выпросил себе фамилию Малетский, чтоб не носить одного имени с известным французским заговорщиком, генералом Малет).

— Малет, надо непременно и хорошо поправить этот каземат — посмотрите, — сказал Константин по-французски** и указал на течь свода. Генерал поклонился и вышел.

Цес(аревич): Что ж вам еще нужно, майор?

— Позвольте мне писать домой к моим родным, я не получаю денег. У меня управляет имением меньшей брат⁶⁰ и, сколько я понять могу, имение мое пропадет в его руках, я дал ему на управление доверенность.

Цес(аревич): Пишите домой, что вам нужно, письма ваши адресуйте на имя графа Курута и запечатывайте их. Я все сделаю, что только законно. Ну прощайте, будьте покойны. Я вижу, что это все дело не ваше, а Орлова***.

— Позвольте, Ваше высочество, просить Вас еще милости.

Цес(аревич): Какой?

Я: Гулять в крепости!

* Первоначально: выставить совершенно чистую мою сторону

** В оригинале рукописи: Il faut reparer ici, arranger comm'il faut. Le major passera dans une autre chambre, mais au plus vite.

*** Первоначально: все дело Орлова.

Цес(аревич): Нет, майор, этого невозможно! Когда оправдаетесь, довольно будет времени погулять; а теперь пишите, оправдывайтесь, а гулять — после, когда освободитесь.

Я увидел, что князь не так понял и прибавил:

— Ваше высочество, хотя здесь лучше, нежели в крепости Петропавловской, но душно, без всякого движения, я опять могу заболеть; ни бани русской, ни ванн также нет; в Петропавловской нас водили гулять в сад по крепостному валу поочередно...

ВЛАДИМИР НА КЛЯЗЬМЕ

Акварель А. Е. Мартынова из альбома художника: «Живописное путешествие при Российском посольстве в Китай», 1805 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

— Да! Да! — подхватил цесаревич. — Вы хотите прогуливаться на воздухе для здоровья, а я думал погулять, т. е. попить. Это другое дело. — Гуртиг! — закричал князь.

И комендант крепости, генерал Гуртиг (которого впоследствии повесили на фонаре во время польской революции), вошел:

— Майору позволено прогуливаться по крепости всякий день для здоровья, ходить в баню и ванны, когда пожелает, и писать к графу Куруте.

Цесаревич сказал это Гуртигу по-польски, хотя Гуртиг был немец и говорил очень хорошо по-французски. С этими словами благодетельный, превосходный, этот князь вышел, сделавши мне легкий знак головою; из окна я видел, что он долго не говорил ни слова...

С л е д с т в и е п о с е щ е н и я :

- 1) Каземат мой переделали.
- 2) В баню я ходил всякую субботу; прогуливаться — почти всякий день.
- 3) Письма мои отправлены домой. Цесаревич прислал мне из собственных денег 500 рубл(ей) при весьма учтивом письме; из дому получил я 1500 руб.

- 4) На имение мое положено запрещение, чтобы брат не промотал.
- 5) Конфирмация Цесаревича состояла в следующем: из всего дела вовсе не видно, чтобы майор Раевский был виноват, в чем его обвиняют, и потому мнение мое — возратить его на службу с вознаграждением или без вознаграждения, а если и затем остаются какие-либо подозрения на счет его, Раевского, и мне вовсе неизвестные, то отставить его от службы и отправить в свое имение, где находится под надзором местного начальства *62.

⟨IV⟩

В КРЕПОСТИ ЗАМОСЦЬ И КОНФИРМАЦИЯ

1827 года октября 28 подписана была моя конфирмация в Петербурге. В ноябре месяце, числа не упомню, вошел ко мне в каземат плац-майор Краснодембский и попросил меня одеться. За ним вслед вошел лейб-казачий пятидесятник Семенцов.

Я оделся и вышел вместе с плац-майором. На площади выстроен был против ордонанс-гауза в каре или, вернее, в три фаса польский полк, содержавший караул в крепости Замосць. Меня вывели на середину. Тут находился весь штат крепостного начальства: комендант генер⟨ал⟩ Гуртиг, плац-майор Краснодембский, плац-адъютанты: Плеснярский, Юрковский и Муржиновский и проч.

Аудитор прочитал громко мне следующую конфирмацию (1): «Хотя майор Раевский, по удостоверению Комиссии, и не принадлежал к составленному *после* 1821 года злонамеренному Обществу, и дальнейшее об нем исследование по Комитету о государственных преступниках прекращено было, но за всем тем собственное его поведение, образ мыслей и поступки столь важны, что по всем существующим постановлениям подлежал бы он *лишению жизни*, и потому насчет его находя приговор Комиссии не соответствующим обнаруженным преступлениям, его высочество (Михаил Павлович) полагал майора Раевского, лиша чинов, заслуженных им орденов св. Анны 4-го класса, золотой шпаги с надписью „за храбрость“, медали за 1812 год и дворянского достоинства, удалить как вредного в обществе человека в Сибирь на поселение» (2).

Шпаги надо мной не ломали. Но эполеты я отстегнул сам и бросил на землю, скинул военный сюртук, и вестовой подал мне черный гражданский сюртук, который я приказал взять с собою, потому что предвидел по намекам о предстоящей перемене моего значения. Чтение этой безбожно-несправедливой конфирмации я выслушал с внутренним удовольствием: мне уже тяжело было жить в заточении. Затем за плац-майором я должен был следовать в ордонанс-гауз. Я вошел туда *новым* человеком.

Мне дозволено было сесть. За столом, покрытым красным сукном, сидело несколько лиц мне незнакомых. Аудитор начал чтение. Сначала выписку из производства дела генералом Сабанеевым. Сабанеев конфирмовал: «Не лишая чинов и орденов, майора Раевского сослать в один из отдаленных городов России на шесть лет».

Высочайше утвержденный Комитет над государственными преступниками, вследствие протеста моего, представил новую, краткую выписку на решение государя. Государь решил назначить новую Военно-судную комиссию в крепости Замосць, великий князь Константин Павлович назначил презусом генерала Дурасова. Выписка из дела, которую мне читали, не заключала ничего важно-обвинительного, но я и эту выписку не подписал, как и сабанеевскую. Великий князь Конс⟨тантин⟩ Павлович конфирмовал, как сказано выше, совершенно оправдывая меня. В таком виде

* Первоначально: полиция.

дело поступило в Петербург. По неизвестным причинам в Петербурге оно приняло другой оборот (3): назначена была новая Комиссия под председательством генерала Левашева и под надзором великого князя Михаила Павловича. Конфирмация выписана выше, и, кроме этой конфирмации, я узнал тут, что полевому аудитору сделали выговор за то, что он, вследствие моего протеста, нашел производство дела генералом Сабаневым пристрастным и в некоторых случаях противозаконным.

Меньший брат мой, корнет Раевский (который просидел пять лет в крепости Шлиссельбургской совершенно безвинно по подозрению только в

НИЖНИЙ НОВГОРОД И СОЕДИНЕНИЕ РЕКИ ОКИ С ВОЛГОЮ

Акварель А. Е. Мартынова из альбома художника: «Живописное путешествие при Российском посольстве в Китай», 1805 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

сношениях со мною), вследствие письма моего об нем к государю императору, из Шлиссельбургской крепости был перевезен в крепость Замосць, где оказался совершенно лишенным рассудка; его отправили домой на попечение родственников, где он по возвращении вскоре умер.

Я возвратился в мой каземат по окончании чтения. Меня там дожидался уже лейб-казакий пятидесятник * Семенцов. Тройка лошадей была готова, вещи мои уложены, и в исходе ноября я сел, и лошади помчали нас — куда? В Сибирь.

Старший брат мой Александр, шт.-кап. гвардейского уланского полка прежде ареста моего — умер.

В продолжение ареста и заключения моего в крепости другой старший брат мой Андрей, майор по службе, литератор и переводчик *«Стратегии»* эрц-герцога Карла, — умер⁶³.

Корнет Григорий взят в Одессе и заключен в крепость Шлиссельбургскую, где не выдержал и сошел с ума и по возвращении домой — умер.

* Первоначально: урядник

Сестра Наталья Алисова в молодых годах умерла.

Отец не выдержал таких один за одним ударов — умер. Итак в продолжение заключения моего я потерял отца, двух братьев и сестру.

П р и м е ч а н и я

1. Полная конфирмация была тогда напечатана в Московских ведомостях 1827 года, в 94-м номере.

2. О брате моем, корнете Раевском, мне не читали. Бедный! он заплатил жизнью только за подозрение *, за любовь к брату!

3. Сабанеев был друг Дибича. Орлов защищал брата своего пред государем и, конечно, выставил меня как главного виновника по влиянию моему на Орлова и вероятно и представил стихи мои «К друзьям», которые ходили тогда по рукам. Об этих стихах мне был запрос уже в Сибири ⁶⁴. В них, обращаясь к Пушкину, я говорил:

Сковала грудь мою, как лед,
Уже темничная зараза,
Холодный узник отдает
Тебе сей лавр, певец Кавказа...
Оставь другим певцам любовь.
Любовь ли петь, где брызжет кровь,
Где племя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой,
Где слово, мысль, невольный взор
Влекут, как явный заговор,
Как преступление, на плаху,
И где народ, подвластный страху,
Не смеет шопотом роптать.
Пора, мой друг, пора воззвать
Из мрака век полночной славы
Царя-народа дух и нравы
И те священные времена,
Когда гремело наше вече
И преклоняло ** издамече
Князей кичливых рамена.

Впоследствии я переменял так:

Сковала грудь мою, как лед,
Уже темничная зараза,
Жилец темницы отдает
Тебе сей лавр, певец Кавказа.
Оставь другим певцам любовь.
Любовь ли петь, где стынет *** кровь,
Где власть с надменною улыбкой
За слово, мысль, за смелый взор
Грозит допросами и пыткой.
Повсюду видит заговор,
Ведет невинного на плаху.
И где народ, подвластный страху,
Не смеет шопотом роптать.

* Далее зачеркнуто: Отец мой запретил ему ехать ко мне, но он взял одну из старших наших, т. е. моих или других братьев, подорожную, подскоблил год и по этой подорожной уехал ко мне. В конфирмации этот поступок назван *фальшивым*, а непослушание отцу — *развертатом*.

** Первоначально: сокрушало

*** Первоначально: забьет

Пора, мой друг, пора воззвать
Из мрака век протекшей * славы
Народа силу, власть и нравы
И те священные времена,
Когда гремело наше вече
И преклоняло издалече
Князей кичливых рамена.

Эти ли стихи или другие были в руках у Бенкендорфа, потому что при запросах стихи не были приложены. Вот почему я и отвечал, что «я не знаю, какие стихи мне приписывают? под моим именем мог писать и другой»⁶⁵.

<V>

ПОЕЗДКА В СИБИРЬ

Ноябрь 1827 г

Лошади были готовы, на дворе было холодно. На мне была ватная шинель, которая в такие морозы согреть не могла. Купить шубы негде было, да и некогда. Много столпилось народу около моей повозки. «Постойте! Подождите!» — закричал гарнизонный артиллерийский русский офицер. «Что такое?» — спросил я. — «Сейчас, сейчас!», — и он побегал во всю мочь. — «Подождем», — сказал я пятидесятинику Семенцову. Минут через пять этот бедный офицер тащил в руках волчью шубу. — «Вам будет холодно в одной шинели», — проговорил он, запыхавшись, и бросил шубу в повозку. «Ваша фамилия?» — спросил я. — «Подпоручик *Коняев*». Я встал с повозки, обнял его и невольные слезы выступили у меня. Коняев, Коняев... долго твердил я дорогой... Он вовсе меня не знал...

Дорога наша была на *Витебск*. В г. Орше купил я повозку, оставленную каким-то фельдъегерем, за 25 руб. ассиг. На станциях и дорогою пятидесятиник Семенцов, кроме весьма учтливового обращения и заботливости обо мне, называл меня «ваше высокоблагородие». Я, смеясь, спросил его, почему он так титулует меня, когда я уже не майор, а ссыльный? «Его высочество (Констан<тин> Павлович) призывал меня и сам лично приказал так называть вас». Даже и в этом было видно соучастие великого князя ко мне. Семенцова не мог я уговорить садиться при мне; он ухаживал за мною, как лично мне подчиненный. Я расстался с ним в *Витебске*. По распоряжению цесаревича, из Витебска назначен уже был чиновник. В подорожной сказано было: «чиновнику такому-то с преступником». Из Витебска спокойно, без понуждений, с остановками по моему желанию, мы приехали в *Смоленск*. Губернатором был Храповицкий. Он послал за полицмейстером и сдал ему меня: «Господин преступник до отправки пробудет у вас». При слове «г-н преступник» я улыбнулся. Губернатор заметил это и сказал: «Извините, так сказано в подорожной». Но тон губернатора, мягкий и учтивый, доказывал, что он не желал оскорбить меня. Через несколько часов при полицейском чиновнике мы отправились в *Москву*. Весьма учтливое, даже услужливое обращение чиновника меня удостоверило, что русский чиновник, как и солдат, сочувствует всегда несчастию. В крепостном заключении я убедился в готовности солдат помогать или облегчать положение, сколько возможно, находящихся в заточении.

МОСКВА

В Москве гражданским губернатором был, кажется, Жеребцов. Я его не видал и не выходил из повозки. Чиновник передал бумаги у губернатора в канцелярии. Губернатор распорядился отправить меня в тюремный замок. Жандарм верхом (которому была дана записка обо мне) провожал нас.

* Первоначально: народной

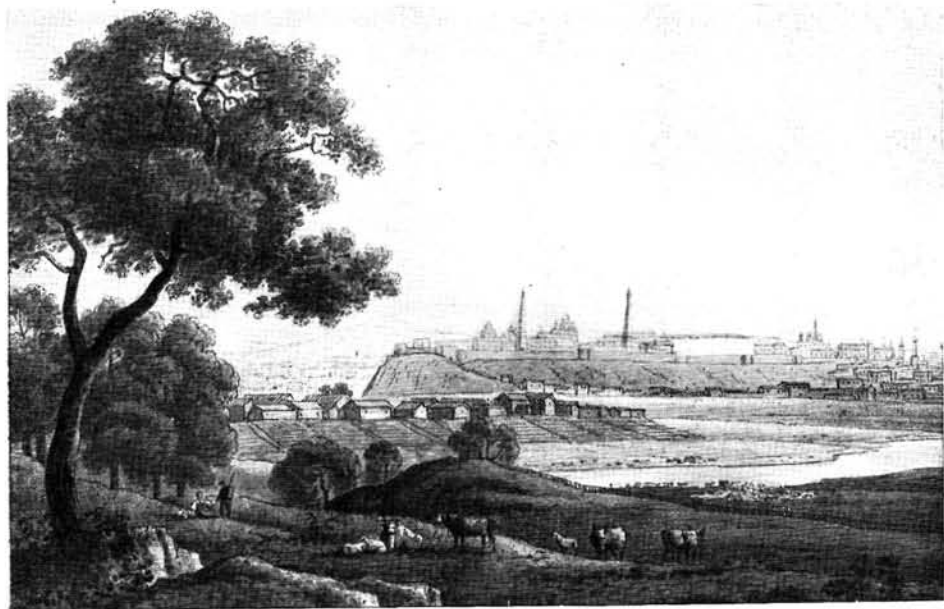
Повозка моя въехала во двор. Смотритель тюремного замка принял меня и отвел в офицерскую комнату караульного офицера.

Имени и фамилии этого смотрителя я не помню, но знаю, что он был штабс-капитан. Чрез полчаса не более он вошел в комнату, где я находился, и попросил к себе. Я вошел. У него был накрыт небольшой стол и поставлен суп и жаркое. Он предложил мне *откушать*. Без церемоний я отобедал, один, потому что был уже час третий. Хозяйничала в комнатах жена ли его или экономка — я не мог узнать. Человек он был средних лет, весьма доброе и простодушное выражение лица предрасполагало к нему. Мы разговаривались. Он рассказывал мне, что политические арестанты — барон Соловьев, Бечасный⁶⁶ и некоторые другие — из Москвы были отправлены в партии арестантов пешком. Это известие испугало меня. Я просил позволения писать к губернатору, но он сказал мне, что прокурор будет завтра и что я могу отнестись к нему. Тут подали чай. Он отправился в арестантские, а я ушел в офицерскую караульную, где и ночевал. В карауле стоял карабинерный офицер и, вероятно, из корпуса, потому что, кроме фронта, он ничего не разумел и был совершенный младенец по понятиям. Часу в седьмом смотритель вошел и пригласил меня напиться у него чаю. Мы уже были как старые знакомые. Часов в 11 приехал прокурор, он доложил ему обо мне. Прокурор вошел в офицерскую комнату, и я объяснил ему, что, по распоряжению великого князя цесаревича, меня следовало отправлять на почтовых до места водворения, и что я опасаюсь, чтобы из Москвы не отправили, как некоторых других, при партии и, наконец, прошу убедительно не задерживать мою отправку из Москвы. Прокурор записал и обещал доложить губернатору.

Обедать я также был приглашен смотрителем; после обеда разговаривались, и он рассказал мне любопытный и страшный эпизод из его жизни. <В> 1804 году⁶⁷ он был юнкером гвардии. В памятное число <11 марта> он стоял в карауле во внутренних покоях во дворце и в коридоре, который вел в комнаты императора Павла I. «Я ожидал уже смены в ночное время, часы уже пробили, как увидел, что несколько генералов шло пря<мо> в комнаты государя. Сдача была: „никого не впускать“, — я сделал на руку и остановил. В ту же минуту на меня бросился офицер и два солдата, зажали рот, вывели вон и сдали в караульную как важного секретного арестанта. Через два дня с фельдгегерем я был отправлен в гарнизон на Аландские острова. В шведскую войну я поступил в N полк. За отличие во многих делах получил Георгия и произведен в унтер-офицеры. Во время проезда императора Александра I в Финляндии в 1809 году я был назначен к нему на ординарцы. Государь принимал нас, и после того я объявил князю Волконскому, что имею важное дело передать лично его величеству. К<нязь> Волконский доложил государю и, возвратясь, сказал мне, чтобы я передал ему то, что я имею сказать, но я решительно объявил, что никому не скажу, кроме самого государя. Через полчаса князь Волконский возвратился. Мне приказано было снять всю амуницию, т. е. перевязь и портупею с тесаком, и потом он же ввел меня в комнату государя. Я взглянул на Волконского и остановился говорить. „Что тебе нужно? Говори...“ Я взглянул на Волконского и молчал. Государь сделал знак Волконскому, и, когда он вышел, я безостановочно рассказал всю историю государю. Он очень был смущен и спросил меня, знают ли другие это дело? Я отвечал, что до сих пор я никому не говорил, и никто не знает, за что я прислан сюда. Наконец, государь сказал: „Хорошо, я справлюсь, а ты ступай и молчи“.

Никто не знал, зачем я был у государя, и никто не спрашивал. Но через месяц в приказе было объявлено: унтер-офицер N производится за отличие в прапорщики, потом в подпоручики, поручики, наконец в штабс-капитаны с назначением смотрителем в Тюремный замок в Москву и с двойным жалованьем, — и все это в полтора года. И вот теперь я совершенно

покоен, несмотря, что хлопот довольно». Я разделял чувства этого доброго человека и высказывал ему мои опасения насчет отправки при партии. Он сам ничего не знал, но обнадеживал меня. Я отужинал у него и отправился в офицерскую караульную, где уже собирался ложиться спать, как добрый смотритель почти вбежал ко мне: «За вами! За вами приехали и лошадей привели!» — сказал он мне радостно. За ним вошел гарнизонный офицер высокого роста и грубым голосом обратился ко мне: «Милостивый государь! Я должен вас принять и доставить в г. Владимир». Несмотря на непривлекательную наружность офицера я обнял и поцеловал его... Через четверть часа я был готов. Моя повозка была запряжена тройкою

КАЗАНЬ

Акварель А. Е. Мартынова из альбома художника: «Живописное путешествие при Российском посольстве в Китай», 1805 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

лошадей. Я простился с добрым, честным смотрителем, он проводил меня до повозки, и, когда я уже уселся, мы пожали друг другу руки... Лошади тронулись, и железные ворота затворились за нами. Офицер оказался очень добрый человек, дорогою он острил по-своему и был очень внимателен ко мне. Мы заезжали в постоянные дома и в трактиры и очень не скучно доехали до *Владимира*.

Во *Владимире* был губернатором Курута, племянник Димитрия Димитриевича, известного любимца и друга цесаревича Кон(стантина) Павл(овича). Неизвестно почему он назначил еще конвойного солдата и с ружьем. Я удивился. Но чиновник его канцелярии сказал мне, что тут бывают по дороге разбои и губернатор опасается, чтобы не было нападения на нас. Я смеялся.

Как проехал я Нижний Новгород, хорошо не помню, но при мне был один только офицер, солдата уже не было. Рано поутру мы приехали в *Казань*. Губернатором был барон Розен. Мы вошли к нему; при мне он распечатал бумаги. Начал спрашивать меня о дороге, каково я ехал и проч. В ответах моих я объяснил ему, что с братьями его, Романом

Федоровичем и Петром Фед(оровичем), я близко знаком. Оба они были полковниками в Тамбовском пехотном полку.

Через час явился к нему смотритель тюремного замка, П. Ив. Кирилов. Я поступил на его руки, с ним мы уехали в замок. Он привел меня в комнаты, которые сам занимал, и, пробывши со мною с час времени, сам уехал и оставил меня хозяином в своей квартире. Чай, обед и ужин были для меня готовы. Сам же он, недавно женившийся, проводил большую часть времени у жены, которая жила в городе. Он и ночевал там. От него узнал я историю об убийстве полковника Штерича (1), о которой я слышал прежде.

Через два дня я выехал из Казани. Кирилов дал мне на дорогу 3 картуза хорошего табаку, и предупредительность и заботы о моем содержании относительно пищи и отдыха остались памятными для меня.

Из Казани в Пермь я ехал также под надзором гарнизонного офицера и с тою же льготой. Мы останавливались в трактирах и я ночевал, где пожелал. Со мною были деньги, и я не отказывал себе ни в чем.

Мы приехали в *Пермь*. Губернатором был известный Тюфяев, который из низкого сословия, без всякого образования добился губернаторского места⁶⁸. Хитрый, поддельный, готовый на всякую подлость, даже преступление, для угождения начальству, он из канцелярских служителей по разным канцеляриям и должностям в столице добился до чинов, а за личные послуги, и может быть по сделке, назначен был в Пермь губернатором. Везде и все жаловались на его несправедливость, жестокость и лихоимство, но напрасно — он имел сильную поддержку в Петербурге (2). Мы приехали к его дому. Он взял бумаги от офицера, прочитал их и очень учтиво спросил меня о дороге, о холоде и проч., а затем повел мне показывать разные церковные вещи, недавно ему присланные для церкви, устроенной в каком-то женском заведении. Между тем приехал полицмейстер, я был передан ему и часа через три выехал из Перми тем же порядком.

СИБИРЬ

Наконец мы проехали грань: Уральские горы... Геркулесовские столбы. Я в Сибири!

Я воображал себе Сибирь холодной, мрачной, страшной, заселенной простодушным и бедным народом и вдруг увидел огромные слободы, где не было ни одной соломенной крыши, и народ разгульный и бойкий. Обхождение со мною вольное, но не обидное.

— Ты, верно, из тех, что провозили?

— Да.

— Чудо! Давно, давно таких okazji не бывали! а можно спросить за какую провинность?

— Трудно объяснить.

— Понимаем, понимаем, т. е. оно... тово... — и обыкновенно начинались рассуждения...

Такие спросы от крестьян и их заключения, всегда клонящиеся не в обвинение наше, меня нередко занимали. Сибиряк — не русский. Он хитрее, бойчее, но скрытнее русского. Всегда под бесчеловечной властью презжающих русских чиновников, которые управляют самовластнее помещиков, сибирские крестьяне научились лгать, обманывать и унижаться перед этими чиновниками, которые наезжают в Сибирь для приобретения денег и чинов⁶⁹.

Мы приехали в *Тобольск*, прежнюю столицу Сибири (3), и подъехали к дому губернатора. Губернатором был Бантыш-Каменский, известный автор «Знаменитых людей в России»⁷⁰, человек обходительный и образованный. Он сделал мне несколько вопросов, послал за полицмейстером Василевским и сдал ему с тем, чтобы я был помещен в его доме. Мне ответили

во флигеле две комнаты. В Tobольске начались морозы, настоящие сибирские, иногда выше 40°. Я через полицмейстера просил у губернатора позволения пробыть и отдохнуть недели две в Tobольске. Он прислал доктора Попова освидетельствовать меня как больного...

В то время два сенатора, Безродный и к^{нязь} Куракин, ревизовали Западную Сибирь⁷¹. Губернатор опасался, чтобы ему не поставили в вину снисхождение ко мне. Как водится, Попов написал свидетельство, что я сильно болен как от продолжительной дороги, так и от моральных тревог, и что далее следовать никак не могу. Я остался в Tobольске. К величайшему моему утешению, доктор Попов оказался мне человеком как бы своим. Отец его был протопопом в гор. Тиме Курской губернии. Не знаю почему,

ПЕРМЬ

Акварель А. Е. Мартынова из альбома художника: «Живописное путешествие при Российском посольстве в Китай», 1805 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

отец мой очень любил этого протопопа, который нередко приезжал к нам, и отец мой всякий раз снабжал его водкою с завода и деньгами, конечно, не более 10 руб., сколько могу припомнить. Доктор Попов это знал и сам мне рассказал отношения моего отца с его отцом, вследствие чего доктор просил губернатора о дозволении взять меня к нему на квартиру на лечение. Губернатор разрешил, и я переехал к нему. Это было в исходе декабря месяца. Здесь я пробыл три недели и никуда не выезжал. Между тем, доктор передал мне только о том, что председатель Приказа П. И. Кирилов (соименник казанского Кирилова, но вовсе не родственник) настаивал, что меня следует отправить в партии. Такая новость встревожила меня.

Я попросил бумаги и написал к Бантышу-Каменскому письмо следующего содержания:

«В^{аше} п^{ревосходительство}».

До меня дошли слухи, что из Tobольска я буду отправлен в партии с арестантами. Смею уверить вас, что объявление об отправке меня в партии будет моим смертным приговором, а Tobольск — гробом» и проч.

Письмо это лекарь Попов передал губернатору, который положил это письмо в карман и, улыбаясь, сказал: «Успокойте его, скажите, что это неправда».

Я пробыл в Tobольске три недели. Когда я сказал доктору, что «пора ехать», он удерживал меня, ссылаясь на сильные морозы. Это было генваря в начале. Но жить без дела и в ожидании дальнего пути мне наскучило.

Губернатор прислал ко мне казачьего пятидесятника, который явился ко мне на квартиру со словами: «Имею честь явиться для следования с вами». Я засмеялся еще более, когда он данные ему бумаги стал подавать мне. — «Эти бумаги должны быть у тебя, — сказал я ему, — и ты везешь меня в Томск». — «Слушаюсь». — «Вот, — подумал я, — нового рода отправка». Попов распорядился приготовить мне на дорогу *пельменей*. Уложили полмешка и поставили штоф вина на случай сильных морозов, хотя я водки и не пил, но на «случай». Он вместе с ветеринаром Стегачевым провожал меня до первой деревни. Тут мы простились. — «Мы рассчитываемся с вами за дружеские сношения наших отцов», — сказал я, обнимая его, и у нас обоих выступили слезы. Станции три я был очень встревожен и печален. Я припомнил мой дом, моего отца, мою боевую жизнь в 1812 году, мою цель — и вот на тройке с казаком еду по снежной сибирской дороге. — Еще 3000 верст впереди... Но все-таки не в казематах, а на чистом воздухе. Эта мысль успокаивала меня. Мы приехали в *Томск* прямо к дому губернатора. Эту должность исполнял в то время Соколовский. Мы вошли в дом. Он принимал нас в зале, где было несколько молодых чиновников. Старик, еще свежий, с открытым и добрым лицом. Он едва только распечатал бумаги и взглянул, тотчас обратился ко мне:

— Вы, конечно, еще не обедали?

— Закусывал, — отвечал я.

— Понимаю эти закуски. Мы уже пообедали, но я не отпущу вас без обеда. — Он обратился к молодому человеку (это был сын его, Владимир)⁷² и что-то сказал ему... Казаку сказал: «Ступай, братец, к повозке». Другой молодой человек попросил меня в другую комнату, при мне накрыли стол и подали обед. Я пообедал хорошо, разговаривая с этими молодыми чиновниками. После обеда один из них, Фи<лософ> Алек<сандрович> Горохов, предложил мне остановиться у него в доме⁷³. Я благодарил его. Сын Соколовского спросил у меня, долго ли я намерен пребыть в Томске?

— Это зависит от губернатора, — ответил я.

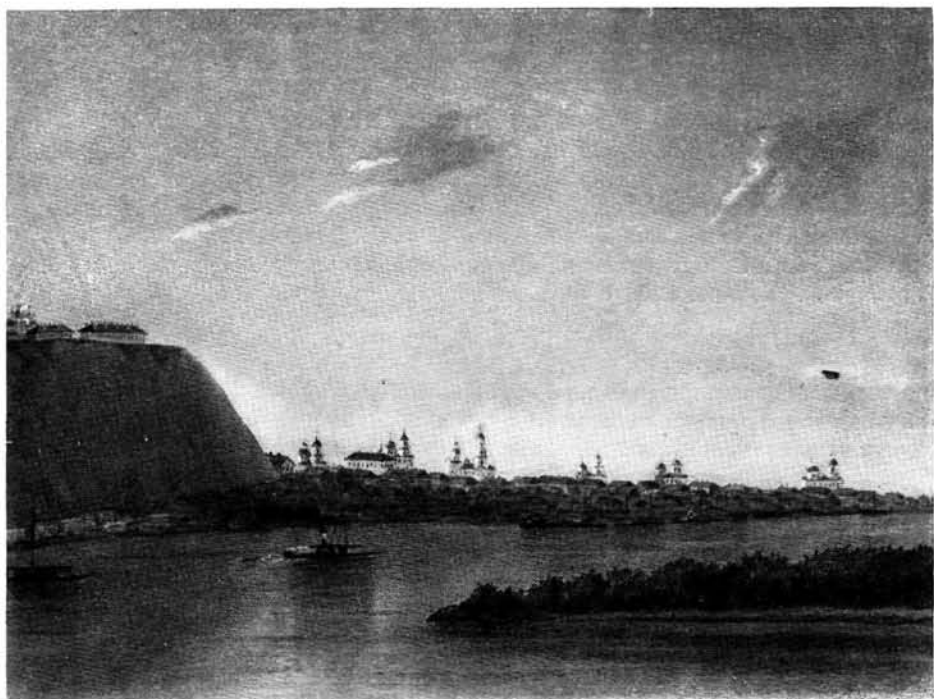
— Губернатор отдает на вашу волю.

— Поблагодарите его... День или два.

Мы ушли все вместе. Повозка моя следовала за нами. У Горохова был свой дом, большой и удобный. Казака отпустили. Хозяин предложил мне отдохнуть, и я уснул крепко в теплой комнате. К чаю собрались к нему те молодые чиновники, которых я видел у губернатора, а именно: Н. А. Степанов, сын красноярского губернатора⁷⁴, Владимир Соколовский, известный впоследствии стихотворением «Мироздание» и другими, а главное несчастьями, которые были следствием его пылкого характера, лекарь Рельев и Аргамаков, сын бывшего почтмейстера. Он отозвал меня в сторону, вынул письмо и подал мне; я тотчас узнал почерк Г. С. Батенькова, моего товарища и друга⁷⁵. В 1824 году он писал к нему: «Может быть, известный тебе В. Ф. Раевский будет проезжать чрез Томск, поручаю и прошу тебя снабдить его деньгами и всем, что для него нужно, а я рассчитываюсь с тобою и проч. и проч.». — «Все изменилось, — сказал я. Этот любимец и сотрудник Сперанского и самый близкий и доверенный человек при Аракчееве, так же, как и я, посажен в крепость и может проедет здесь» (4). Вечер провели мы очень приятно. Я еще пробыл один день между этими благородными, честными людьми и попросил отправки. Мне назна-

чили пятидесятника из казаков, и я простился с ними, сожалея, что мне не назначено остаться в Томске на поселение *.

Я ехал не на почтовых, но на земских или обывательских лошадях. В Сибири нет гостиниц, а если есть постоянные дворы, то они содержатся для обозных извозчиков и приказчиков, всегда зимою наполнены людьми и всегда грязны. И потому я останавливался на земских квартирах, т. е. в домах, которые нанимаются для исправников, заседателей и приезжающих чиновников. Тут всегда тепло и чисто. Крестьянское общество хозяевам дает некоторые льготы и платит деньгами. На этих квартирах обыкновенно хозяева очень услужливы и имеют все, что нужно для пищи, и,

ТОВОЛЬСК

Этюд маслом П. М. Кошарова, 1860-е гг.

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

кроме того, прислуживают большей частью хозяйские дочери, весьма не застенчивые и не жестокосердые... Надо заметить, что в Сибири практика предшествовала и развивалась прежде теории об эмансипации женщин.

Мы приехали в *Красноярск*. Писатель или, вернее, литератор Степанов был губернатором⁷⁶. Мы вошли к нему. Он ничего не говорил со мною, прочитал бумаги и послал за полицмейстером. Часа через три я выехал из Красноярска тем же порядком (5).

В исходе февраля 1828 года мы приехали в *Иркутск*. Сильных морозов уже не было. Губернатор Цейдлер отправил меня в полицию. В полиции мне дали особую комнату, где содержались иногда чиновники. Комната была грязная. Клопы и блохи не давали спать. Мне сказали, что я назначен к отправке за Байкал, вследствие чего я решил писать к губер-

* Далее зачеркнуто: В исходе февраля 1828 года я приехал в Иркутск. Губернатором был Ив. Бог. Цейдлер.

натору. В письме моем я просил позволения купить в лавках, что мне нужно, и затем о скорой отправке, если возможно в гор. Верхнеудинск, где тогда находился в частной ссылке полковник Генерального штаба, Александр Николаевич Муравьев⁷⁷. Письмо мое я закончил следующими словами: «Я не ожидал, чтобы, достигнувши конца моего назначения, я был посажен в полицию. Дорогою я не сделал никакого преступления; что я не важный государственный преступник, это Вы можете видеть из моих бумаг *, а что я не грязный преступник, прилагаю вам три письма, писанные ко мне в крепость Замосць графом Димитр<ием> Димитриевичем Курута, по приказанию цесаревича Константина Павловича». Письма эти были написаны прямо на мое имя, весьма уважительно, и в одном из них цесаревич выслал мне 500 руб., как я сказал выше.

Вслед за моим письмом городничий возвратил мне письма гр. Куруты и объявил, что я могу перейти на квартиру. В виде прислуги мне назначили десятника, а через две недели приказано было поселить меня в Иркутском округе, только не в ближайших волостях к городу.

На этом основании я был назначен в Идинскую волость. С<ело> Олонки я сам выбрал. Исправник Лобызов из военных, строго честный и бескорыстный чиновник, без всякого проводника разрешил мне ехать в волостное правление и отдал все касающиеся до меня бумаги мне самому в руки. Проездом вещи мои я оставил в Олонках, а сам уехал в Каменку и на другой день возвратился в Олонки⁷⁸.

П р и м е ч а н и я

1) Полковник гвардии Штерич отпросился в отпуск в Херсонскую губернию, чтоб осмотреть свое имение. С управляющим своим он уехал на хутор. Штерич в коляске и в военном сюртуке, управляющий на дрожках и в шинели. У Штерича дорогою в коляске что-то изломалось, и начинал падать дождь. Штерич взял дрожки и шинель управляющего и поехал обратно. На половине дороги из-за одного кургана раздались два выстрела, и обе ружейные пули попали прямо в Штерича. Он тут же испустил дух. Молодой кучер, который правил лошадьми, привез его мертвого. Началось следствие... Виновных не могли отыскать. Государь послал своего флигель-адъютанта раскрыть дело. По следствию оказалось девять человек виновными. Преступников наказали кнутом, заклеямили и сослали в каторжную работу в Сибирь.

Между тем в Казани один острожный арестант-бродяга сильно заболел; перед смертью он попросил священника, прокурора и смотрителя и сознался, что он с товарищами по найму крестьян за 5000 рублей сторговались убить управляющего, и *ошибкою* по одежде и дрожкам убили самого господина вместо его слуги, что после этого они на выставленных лошадях уехали за 100 верст, а оттуда уже разошлись в разные стороны, что он пропил свои деньги, а товарищ в Рязани или Симбирске завел лавочку и торгует.

Губернатор приказал позаботиться о здоровье этого арестанта. Он оправился. Осужденных предписано от министра остановить. За товарищем послали в тот город, где он торговал.

Чем дело кончилось, я не знаю, потому что выехал из Казани.

2) Тюфяев переведен был губернатором в Вятку. В бытность там наследника (ныне императора) весь город жаловался на него, вследствие чего он был исключен из службы. Смерть его была оригинальна. Чтoб прекратить свою длительную и позорную жизнь, он ангажировал пять камелий, сам разделся и им приказал — и в несколько дней так истощил себя, что умер от удара.

* Первоначально: Дорогою я не сделал никакого преступления и меня нет в общем списке государственных преступников.

3) До ревизии Сперанского в Сибири был один генерал-губернатор. Последним был Пестель — отец знаменитого полковника Пестеля, который был повешен. По предложению Сперанского, Сибирь разделена на восточную и западную, и в каждой особый генерал-губернатор.

4) Подполковник Гаврило Степанович Батеньков после решения дела оставлен был в крепости Петропавловской. Конечно, из опасения связей и влияния его в Сибири. Он просидел в заточении двадцать лет и потом отправлен в Томск. Когда государь Александр II возвратил права сосланным политическим преступникам, Батеньков по предложению помещицы Елагиной, уехал в Калугу, где 1863 году октября 29, 73 лет умер, — и тело его увезено и похоронено в имении Елагиной. Мне после смерти его прислали его карточку при письме от г. Цурикова.

5) Впоследствии Степанов за отъездом генерал-губернатора Лавинского в Петербург управлял как старший губернатор. По прибытии в Иркутск он посылал за мною и просил меня не сердиться за холодный прием, и я бывал у него по вечерам.

〈VI〉

〈ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ 1812 ГОДА〉

Я не буду описывать военные мои похождения в 1812 и 1813 году. Истории Данилевского и Богдановича⁷⁹ сказали почти все, что следовало сказать об этой ужасной войне. Я составлял единицу в общей числительности. Мы, или вернее сказать все, вступали в бой * с охотою и ожесточением против этого нового Атилы. О собственных чувствах я скажу только одно: если я слышал вдали гул пушечных выстрелов, тогда я был не свой от нетерпения, и так бы и перелетел туда... Полковник это знал и потому, где нужно было послать отдельно офицера с орудиями, он посылал меня. Под Бородиным я откомандирован был с двумя орудиями на «Горки». Под Вязмою также я действовал отдельно, после Вязмы — 4 орудия на большую московскую дорогу, по которой преследовали корпус Даву. Вся действующая армия повернула на Ельну.

Конечно, я получил за Бородино золотую шпагу с надписью «За храбрость», «произведен» в чин прапорщика; Аннинскую за Вязму, чин подпоручика за 22 сентября и поручика за авангардные дела. Тогда награды не давались так щедро, как теперь. Но я искал сражений не для наград ** только, я чувствовал какое-то влечение к опасностям и ненависть к тирану, который осмелился вступить в наши границы, на нашу родную землю.

От Вязмы началась погибель или мор несчастных, которых этот тиран завел в Россию, в Москву. Сражение при Малом Ярославце решило участь французов и он пошел обратно *** по опустошенному и безлюдному **** пути. Не только деревень, домов уже по всей дороге до Смоленска не было — одна зола и трубы от печей кое-где стояли. Платов шел по Духовской дороге, мы под командой генерала Грекова — по Московской. Направо и налево от дороги сидели и валялись кучи умерших и умирающих французов, немцев, поляков, итальянцев и даже испанцев... Около огней некоторые глодали мясо дохлых лошадей, другие в беспамятстве глодали или кусали трупы своих лежащих товарищей; на лицах их выражались бессмыслие или страх; большая часть была в помешательстве. Мы проходили

* Первоначально: в нумерации тех, которые бились, искали битв

** Далее зачеркнуто: я об них вовсе не думал. У меня были крепкие нервы и жизненные силы подкреплялись патриотизмом и ненавистью к тирану.

*** Первоначально: От Малого Ярославца дали ему толчок обратно. [У меня я чувствовал как бы]

**** Первоначально: разоренному.

мимо этих несчастных совершенно равнодушно. Я не чувствовал ни сострадания, ни злобы <...>.

Наполеон, это чудовище, бич человечества, бросил армию, дорогою сказал несколько ласкательных * слов легковерным** полякам и ускакал в Париж. Там кончилась война, эта страшная драма, где принесено в жертву только для потехи зверских наклонностей и театральной славы одного чудовища более 500 тысяч неповинных жертв! ***.

Французы казнили бедного Людовика XVI, а этому палачу народному кричали: «Vive l'Empereur!»**** Жалкий, легкомысленный, раболепный народ! Его дурачил и посылал на убой Наполеон I, теперь делает то же Наполеон III <...>.

Я бы спросил, что чувствовал Наполеон, когда после Бородинского сражения 40 тысяч трупов и раненых, стонущих и изнемогающих людей густо покрывали поле, по которому он ехал? А сколько тысяч семейств оплакивали преждевременную потерю отцов, детей, братьев, мужей, любовников, опору семейств и все эти несчастья от произвола, от жажды владычества одного. По расчету самому точному 3 миллиона в продолжение его владычества было конскриптов⁸⁰, которые все погибли в войнах и походах. Почему человека, гражданина за убийство одного только такого же гражданина, женщину за убийство своего младенца наказывают смертью..., а смертоубийство массами называют победою?

Несправедливая война, и вообще война, если ее можно избежать договорами, уступками, должна рассматриваться судом народным, и виновников такой войны предавать суду и наказывать смертью⁸¹. Тогда войны были бы реже — и тысячи, десятки, сотни тысяч людей молодых, крепких и здоровых уцелели бы от насильственной смерти.

1812 года была народная война со всеми ужасами и варварством.

Наполеон в Смоленске расстрелял двух помещиков за патриотизм. Из церквей наших войска Наполеона делали конюшни, образа кололи и топили ими. Смоленск, Вязьму, Дорогобуж сожгли французы. Из деревень большой дороги крестьяне бежали, угоняя скот, забирая с собою все имущество, при проходе казаки поджигали пустые села. Об Москве не говорю. Пребывание французов там описано очевидцами, конечно, верно и отчетливо. Народ русский зверски рассчитывался за пожары, насилие, убийства, свою веру.

МОЙ ФОРМУЛЯР

Родился 1795 года марта 28 <в> Курской губернии Старооскол<ьского> уезда в слободе Хворостянка.

1803. Поступил в Московский университетский благородный пансион.

1810. Вышел из пансиона.

1811 года. Определился в Дворянский полк.

1812. По экзамену произведен прапорщиком артиллерии 21 мая.

1812. За отличие в сражениях получил золотую шпагу «За храбрость», св. Анны 3-го класса (ныне 4-го), чин подпоручика и поручика.

1813. Вышел за границу.

1815. Возвратился в свои пределы. Поступил адъютантом к корпусному начальнику артиллерии.

1817. Вышел в отставку штабс-капитаном. Того же года тем же шт<абс>-капитанским чином поступил в 32-й Егерский полк.

1817 года. Переведен в Малороссийский кирасирский полк. Произведен в ротмистры.

* Первоначально: успокоительных

** Первоначально: легкомысленным

*** Далее зачеркнуто: По учету некоторых писателей в правление Наполеона погибло более 3 миллионов солдат в разных войнах.

**** Да здравствует император! (франц.).

1818. Обратно перешел в 32-й Егер<ский> полк. В Тульчине проездом поступил в Тайное общество. Полк стоял в Аккермане.
 1820. Произведен в майоры. Принял батальон. Сдал батальон и принял в управление военные школы в г. Кишиневе.
 1822. Школы опечатаны, и я 6 февраля арестован и отправлен в креп<ость> Тираспольскую.
 1822, 823, 824, 825. В крепости Тираспольской.
 1826. В генваре перевезен в крепость Петропавловскую.
 1827. Перевезен в креп<ость> Замосць.

ТОМСК

Акварель А. Е. Мартынова из альбома художника: «Живописное путешествие при Российском посольстве в Китай», 1805 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

1828. В Сибирь на поселение.
 1829 года. Женился.
 1857 Августа 26. Возвращены права дворя<нства>.
 1863. Ездил в Россию и на родину и в том же году возвратился⁸².

ПРИЛОЖЕНИЕ

І. ВЫПИСКИ ИЗ «ЗАПИСОК» В. Ф. РАЕВСКОГО,
 НАХОДИВШИХСЯ В РАСПОРЯЖЕНИИ П. Е. ЩЕГОЛЕВА⁸³

⟨1⟩ «Отец мой был отставной майор екатерининской службы; человек живого ума, деятельный, враг насилия, он пользовался уважением всего дворянства».

⟨2⟩ «Кто были учителя первого в России учебного заведения? Самые посредственные люди в нижних классах. В вышних классах большею

частью (исключая двух или трех профессоров во все 8 лет моего пребывания) педанты, педагоги по ремеслу, профессора по летам, парадные шуты по образу и свойству. И этим-то людям было вверено образование лучшего юношества в России».

⟨3⟩ «17-ти лет я встретил беспощадную, кровавую войну. Это был 1812-й год — война, роковая в известном смысле для иностранцев, принимавших в ней участие, и для наших, уцелевших, — для событий 14-го декабря».

⟨4⟩ «В 1816 году мы возвратились из-за границы в свои пределы. В Париже я не был, следовательно, многого не видал; но только суждения, рассказы поселили во мне новые понятия; я начал искать книг, читать, учить то, что прежде не входило в голову мою, хотя бы *Esprit des Lois* Монтескье, *Contrat social* Руссо я вытвердил, как азбуку».

⟨5⟩ «В Тульчине находилась главная квартира 2-й Армии, которою командовал граф Беннигсен, а потом кн. Витгенштейн. В главной квартире у меня было много близко знакомых, товарищей по университетскому благородному пансиону. В главной квартире было шумно, боевые офицеры еще служили... Аракчеев не успел еще придавить или задуть привычных гуманных и свободных митингов офицерских. Насмешки, толки, желания, надежды... не считались подозрительными и опасными. Беннигсен уже устарел и впадал в ребячество. Его сменил Витгенштейн, начальник кроткий, справедливый и свободомыслящий. Оба они были весьма популярны, и того и другого генералы, офицеры и солдаты любили и почитали».

⟨6⟩ «Когда еще производилось надо мною следствие, ко мне приезжал начальник штаба 2-й Армии генерал Киселев. Он объявил мне, что государь император приказал возвратить мне шпагу, если я открою, какое тайное общество существует в России под названием „Союза Благоденствия“. Натурально, я отвечал ему, что „ничего не знаю. Но, если бы и знал, то самое предложение вашего превосходительства так оскорбительно, что я не решился бы открыть. Вы предлагаете мне шпагу за предательство?“ Киселев несколько смешался. — „Так вы ничего не знаете?“ — „Ничего“...»⁸⁴.

II. ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ПИСЬМА к В. Ф. ПОПОВОЙ

⟨21 мая 1868 г.⟩

...Жизнь мою ты знала только по рассказам. Но внутренняя, настоящая моя жизнь впоследствии разъяснилась моим крепостным заключением. Любил ли меня отец наравне с братьями Александром и Андреем, — я не хотел знать, но что он верил мне более других братьев, надеялся на меня одного, — я это знал. Он хорошо понимал меня и в письмах своих, вместо эпиграфа, начинал: «не будь горд, гордым бог противен»; в моих ответах я начинал: «унижение паче гордости»... Я воспитывался с братьями вместе, братья не были дружны между собою, но оба они искренно любили меня; и когда мать наша посылала нам деньги на конфеты в пансион, и всегда мне менее, нежели каждому из них, — они делились со мною поровну и как бы стыдились за мать. Я не просил никогда у отца денег, даже выигранные мною в карты в Хворостянке отдавал ему. Насколько любил я сестер моих — и Наталья, и Александра очень хорошо знали, — когда в Петербурге с Петербургской стороны в Смольный монастырь, зимою, в 30 градусов мороза, в легкой шинельке сверх мундира, в кивере и в холодных сапогах, я ходил пешком, чтобы только повидаться, поцеловаться с ними... Оба брата вступили в службу раньше меня, но в одиннадцати сражениях я получил два чина за отличие и обогнал их, а двадцати пяти лет я уже был майором и имел два военных ордена. 1822 года 6-го февраля я был арестован. Этим арестом кончилась моя светлая, обществен-

ная жизнь, — началась новая, можно сказать, подземная, тюремная. Шесть лет продолжалась она. Меня перевозили из крепости в крепость: сначала в Тираспольскую, потом в Петропавловскую, наконец, в крепость Замосць. Здесь решила моя будущность — спокойно я выслушал мою конфирмацию перед польскою бригадою, скинул мой военный мундир и как поселенец отправлен в Сибирь под строгим надзором, на почтовых. В Иркутске уже знали и ожидали моего приезда. Я был встречен с любопытством, вниманием и, со стороны начальников, очень вежливо.

Ты видишь, что жизнь моя состояла из трех переходов: с 17-ти лет я встретил беспощадную кровавую войну. И чтобы не описывать подробностей, я вот как стихами высказал (в моем послании к Саше) это роковое вступление в жизнь:

Среди молений и проклятий,
Средь скопища пирующих рабов,
Под гулами убийственных громов
И стопами в крови лежащих братьев,
Я встретил жизнь, возшла заря моя...

Я из-за границы возвратился на родину уже с другими, новыми понятиями. Сотни тысяч русских своею смертью искупили свободу целой Европы. Армия, избалованная победами и славою, вместо обещанных наград и льгот, подчинилась неслыханному угнетению. Военные поселения, начальники такие, как Рот, Шварц, Желтухия и десятки других, забивали солдат под палками; крепостной гнет крестьян продолжался, боевых офицеров вытесняли из службы; восстановление всегда враждебной нам Польши, усиленное взыскание недоимок, увеличившихся войною, строгость цензуры, новые наборы рекрут и проч. и проч. — производили глухой ропот... Власть Аракчеева, ссылка Сперанского, неуважение знаменитых генералов и таких сановников, как Мордвинов, Трошинский, сильно встревожили, волновали людей, которые ожидали обновления, улучшений, благодеяния, исцеления тяжелых ран своего отечества... И вот причины, которые заставили нас высказаться так решительно и безбоязненно: дело шло о будущем России, об оживлении, спасении в настоящем. И брат твой прежде других (по неясному подозрению только) — был арестован и заключен в крепость Тираспольскую. Тайна оставалась тайною, и только 14-го декабря 1825 г. она объяснилась на Сенатской площади. Из Тирасполя я был отправлен в креп(ость) Петропавловскую; по решению дела протестовал, меня отправили в Царство Польское, в креп(ость) Замосць, а 1827 года октября 25-го участь моя была решена, — через месяц на почтовых меня отправили в Сибирь на поселение. После шестилетнего крепостного заключения, я, наконец, дышал свежим воздухом, видел людей, мог говорить с ними, мне дозволяли обедать на постоялых дворах, ночевать не в тюрьме, не под замком; чиновники и офицеры, которые назначались губернаторами тех губерний, через которые я проезжал, обходились со мною не только вежливо, но с непритворным уважением. Я потерял чины, ордена, меня лишили наследственного имения, но умственные мои силы, физическая крепость, мое имя — оставались при мне.

После жизни военной и тюремной, <с> 1827 или, вернее, 1828 года, начинается жизнь *ссылная*. Вот уже 40 лет, как я в Сибири...

III. ОТРЫВКИ ИЗ БУМАГ В. Ф. РАЕВСКОГО

Одесса. 8 декабря <1820 г.>

...Прости мне, несравненный друг! Увлекаемый минутным движением презренного плотского, я могу — я еще жертвую чувствами; я еще делю их... ах! прости, чувства мои не могут иметь участия в простой, грубой

физике... мгновенный проступок не унижит меня перед тобою! Чувства, душа, мысль моя принадлежат тебе, — а признание есть вернейший залог моей искренней твердой любви. Я — человек, следственно могу делать ошибки, свойственные человеку, но я имею душу, и она принадлежит тебе без всякого совместничества! вчерашнюю ночь еще я видел, я обнимал тебя, я видел тебя в одежде невинности! И это таинственное сновидение не обмануло меня, — я знаю, я уверен, что ты принадлежишь одному мне. Ты не унижишь меня в глазах моих. Я надеюсь на лучшее, надеюсь на будущее. И в сладком уверении еще мечтаю о прошедшем упоении!..

Куда сокрылись вы, блаженные минуты, когда в объятиях ее я забывал грозные кары железного рока, когда минута моей разлуки казалась мне жертвою несносною! Ах! сколько раз, устремля взоры на ангельское лицо ее, я читал всю душу, все совершенство мыслей, ей одной принадлежащее! Так я был на той степени счастья, которое не променял бы тогда на радости видеть себя спасителем моего отечества, я забывал вас, братия! Я забывал долг мой — и, падая на руки прелестной волшебницы, казалось, терял все существо мое, жил, дышал и наслаждался ею, цель моя была — она — предмет честолюбия и желаний она, и грозная разлука дала мне постигнуть, что я мог быть человеком с нею!.. Я помню слова несравненной: «Ты можешь быть полезнее там! может быть, для меня тернешь ты много!»... И слезы жестокие заглушали во мне тайные минутные порывы великого...⁸⁵

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Текст «Воспоминаний» Раевского печатается нами по новой орфографии и с исправлениями пунктуации; опущены также такие особенности правописания, как «Кишине», «сдравствуйте», «его», «скипаж», «перьгой», «Перьмь», окончания «ой» в прилагательных, «ичь» в отчествах («Василичичь», «Петровичь») и др. Цифры в скобках здесь и ниже поставлены самим Раевским и обозначают номера его собственных примечаний. Под строкой приводятся наиболее значительные варианты.

² Подзаголовок «Мой арест» написан карандашом на последней странице главы.

³ Раевский имеет в виду суровые наказания, постигшие участников так называемого бунта в Камчатском полку. Капитан Брюханов, — один из наиболее жестоких командиров, — разозленный действиями каптенармуса, мешавшего ему наживаться на провинантских ассигновках, воспользовавшись первым же незначительным промахом последнего, велел казнить его палками. Рота, возмущенная явной несправедливостью наказания, вырвала товарища из рук наказывавших его унтер-офицеров, отняв у последних также и палки. М. Ф. Орлов, рассматрив дело, признал претензии солдат правильными и отдал под суд капитана Брюханова. Сабанев пересмотрел дело, в результате чего Брюханов был освобожден от суда, а виновники «беспорядков» наказаны кнутом и сосланы в каторжные работы (ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 42, т. III, лл. 75 и след.). Главным виновник — фельдфебель Дубровский был наказан 81 ударом кнута, трое рядовых (Казурский, Куденко и Рябчинский) получили по 70 ударов (см. подробное изложение дела в книгах Б а з а н о в а: Раевский, стр. 70—73 и «Декабристы в Кишиневе», 1951, стр. 41—50). Наказание было произведено таким образом, что, действительно, имело характер пытки, о чем сохранилось ценнейшее свидетельство в записи служившего тогда в Кишиневе П. И. Долгорукова (см.: М. А. и Т. Г. Ц я л о в с к и е. Дневник Долгорукова. — «Звенья», IX, 1951, стр. 43—44, 130—131). По сообщению Долгорукова, все наказания через несколько дней умерли.

⁴ Этой фразой обрывалась публикация отрывка в «Вестнике Европы», 1874.

№ 6.

⁵ Намек на Калипсо Полихрония, которой тогда увлекался Пушкин.

⁶ Р е т е л ь — город во Франции.

⁷ М-м Лепорман (1772—1843) — французская писательница, пользовавшаяся репутацией гадалки. Ее сочинения имеют мемуарный характер, некоторые посвящены предсказаниям политических событий. Штабс-капитан Каховский, которому, как говорит в своем примечании Раевский, Лепорман якобы предсказала повешение (см. стр. 82), — декабрист Каховский. П. И. Бартевев сообщил тот же рассказ в применении к Сергею Муравьеву-Апостолу («Русский архив», 1871, № 1, стр. 262). Этот эпизод связывается также и с именем Рыльева (Ф. И. Т и м и р я з е в. Страницы прошлого. — «Русский архив», 1884, № 1, стр. 172).

⁸ Константин Алексеевич О х о т н и к о в (1794?—1824?) — капитан 32-го Егерского полка, адъютант Орлова и предшественник Раевского по заведованию дивизионной школой, участник Отечественной войны 1812 г., один из руководителей кишиневской школы.

невской группы Южного общества. Биографические сведения о нем очень скудны; в «Алфавите декабристов» о нем кратко сказано: «принадлежал к числу членов Союза Благоденствия и, по показаниям, был одним из деятельнейших членов» (стр. 144). Охотников вместе с Орловым принимал участие в Московском съезде 1821 г. и принадлежал к тем, кто, не согласившись с ликвидационной Общественной, начал энергично создавать новую организацию. Активная роль Охотникова в Тайном обществе после ликвидации Союза Благоденствия вполне подтверждается и «Воспоминаниями» Раевского. С большим уважением отзываясь Раевский об Охотникове и на следствие, характеризуя его как человека «строгой жизни» и «чистой добродетели без личных выгод». «Я тайно завидовал,— говорил Раевский в своих показаниях,— что человек, почти одних со мною лет, так далеко ушел от меня в совершенстве нравственном — и поклялся истребить последние недостатки в себе самом» («Красный архив», 1925, № 6, стр. 299). В характере Охотникова было много черт, сближавших его с Раевским: суровый ригоризм, строгая принципиальность, повышенная требовательность к людям. «Он прекраснейший и достойнейший человек, и я люблю его от всей души», — писал об Охотникове Орлов, — но у него привычка говорить другому в лицо самые грубые истины, не догадываясь, что каждая из них бьет того словно обухом по голове» (М. О. Гершензон. История молодой России. М.—Пг., 1923, стр. 34). Письма Раевского к Охотникову, захваченные у последнего, фигурировали в деле как обвинительный материал против Раевского (опубликованы Ю. Г. Оксманом в «Красном архиве», 1925, № 6, стр. 300—306).

⁹ Эти три юнкера были основными свидетелями обвинения в деле Раевского; наиболее ревностным из них был Сухев (см. прим. 16).

¹⁰ Сабанеев ранее сам выступал с приказами, запрещающими жестокое обращение с нижними чинами. На эти приказы ссылался во время следствия М. Ф. Орлов, утверждая, что его распоряжения и приказы были «в духе» приказов Сабанеева. Он приводил в пример приказы Сабанеева от 24 октября 1814 г., 10 октября 1818 г., 19 августа 1819 г. и 21 сентября 1820 г. В последнем приказе Сабанеев писал: «Жестокость с нижними чинами есть мера власти, законами возбраняемая...»; «Образование нижних чинов не должно и не может быть поводом к разрушению драгоценного для отечества их здоровья. Сперва сберечь, а потом выучить. Вот правило неизменяемое ни в каком случае. Девять убить, десятого выучить — принадлежит времени иного века». Орлов очень осторожно комментирует этот приказ. Если бы, — говорил он, — в его приказе было последнее выражение, то «конечно, оно представлено было бы в числе актов моего обвинения» («Дело о поведении генерал-майора Орлова в командовании 16-й пехотной дивизией» — ЦГВИАЛ, ф. № 9, оп. 26, д. 1, л. 50 об.).

¹¹ Сабанеев придавал большое значение этому обстоятельству. В инструкции Военно-судной комиссии, составленной им и определявшей, какие вопросы должно поставить Раевскому, был специальный пункт: «О разговорах с нижними чинами на счет мой: «Спросить Раевского какую надобность имел он заведи обо мне разговор с солдатами, а по второму пункту сего же отделения сделать очную ставку с теми конкерами, коих присылал он ко мне сказать, что меня не боится» (ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 42, т. IV, л. 33). Раевский в своем ответе объяснил, что «такой поступок с его стороны был бы просто глупостью» (там же, л. 99).

¹² Федор Михайлович Шуллер — штаб-лекарь, главный врач 16-й дивизии, крупный специалист по чуме. Из Кипишева был переведен на Кавказ, где и погиб во время вспышки чумы в завоеванных русских крепостях. О нем см.: Е. Г. Вейсбаум. Кавказские заметки. — Иллюстрированное приложение к газ. «Тифлисский вестник», 1899, № 7; Е. Г. Вейсбаум. Кавказские знакомцы Пушкина. — «Пушкин и его современники», вып. VIII. СПб., 1908, стр. 12—14. «Шуллера, умершего в чуме», Пушкин включил в свое «Поминание». Шуллер принадлежал к кипишевскому кругу знакомых Пушкина и Раевского и вместе с ними принимал участие в масонской ложе «Овидий» (Семевский, стр. 315—317). О Шуллере неоднократно упоминает в своем «Дневнике» и П. И. Долгоруков (см. прим. 3).

¹³ Под «Одой к свободе» Пушкина Раевский разумеет оду «Вольность».

¹⁴ Иван Никитич Иззов (1768—1845) считался современниками сыном Павла I. Сводка материалов об Иззове и о его взаимоотношениях с Пушкиным сделана Б. Л. Модзалевским (Пушкин, т. I. М.—Л., 1926, стр. 209—210). Биографы Иззова подчеркивают его религиозность, интерес к мистическим сочинениям и вместе с тем резко отрицательное отношение к крепостному праву. Новые материалы для характеристики Иззова находятся в упомянутом выше «Дневнике» П. И. Долгорукова.

¹⁵ То, что пишет Раевский в 1841 г. об Ипсиланти и его армии, не отражает отношения декабристов и самого Раевского к греческому восстанию 1821—1827 гг. Декабристы и Пушкин горячо приветствовали греческое восстание. Пестель внимательно изучал опыт Гетерия и уже в июне 1821 г. докладывал о ней на одном из собраний Тайного общества в Петербурге. А Раевский, находясь в Тираспольской крепости, написал в 1822 г. стихотворение «К друзьям в Кипишев», где выразил уверенность, что греческое восстание пробудит «народный сон и гидру дремлющей свободы». Упоминаемые в воспоминаниях Раевского албанцы действительно активно участвовали в

греческом освободительном движении против турецкого ига, поддерживая повстанцев своими вооруженными отрядами.

¹⁶ Сводка биографических сведений о братьях Липранди с указанием всех библиографических источников дана в статье П. А. Садикова (см. выше, стр. 73).

¹⁷ О юнкере Сущеве, разоблачая его поступки, Раевский подробно говорит в своем «Протесте» («Ульяновский сборник», стр. 228—229; Б а з а н о в. Раевский, стр. 17—19). Знакомство Раевского с Сущевым началось в Московском благородном пансионе, где они вместе учились. Впоследствии Сущев служил в 32-м Егерском полку, похитил у своего ротного командира деньги, бежал из полка, был пойман, находился под судом, который, однако, признал его действовавшим в припадке психического расстройства и оправдал, после чего он был определен в тот же полк юнкером и одно время жил у принявшего в нем большое участие Раевского. В. Г. Базанов полагает, что Сущев был не только «лижесвидетелем», но и агентом тайной полиции (Раевский, стр. 33). Это соображение представляется вероятным и, может быть, именно оно послужило причиной необычного для того времени оправдания Сущева.

¹⁸ Брошюра под таким названием не упоминается более нигде в декабристской историографии. Подробнее о ней — см. в статье Ю. Г. Оксманова «Воззвание к сынам Севера». — «Очерки из истории движения декабристов». М., 1954, стр. 451—474 и в нашем обзоре («Лит. наследство», т. 59, стр. 612).

¹⁹ Эти строки в тексте Раевского выделены и предшествуют по месту в тетради остальным примечаниям; ради удобства мы поместили их в конце примечаний. Письмо, о котором идет здесь речь, находится в следственном деле о Раевском и опубликовано Ю. Г. Оксманом («Красный архив», 1925, № 6, стр. 306—307). Вопреки утверждению Раевского, что письмо «не заключало в себе ничего особенно важного», оно имело очень большое значение, представляя собой осторожную информацию и предупреждение. Под видом несерьезной, приятельской болтовни Раевский сообщал Непенину о приезде Сабанеева, об отмене последним всех приказов Орлова, о возобновлении в полках побоев и о намерении Сабанеева дискредитировать Орлова в политическом отношении; тут же он извещал своего корреспондента о доносе Сущева и осторожно предупреждал о возможном вызове на допрос Непенина. Зачеркнутые варианты свидетельствуют, что Раевскому остались неясными причины поведения в данном случае Гамалеи: неосторожность, легкомыслие или сознательное предательство.

²⁰ В автобиографических материалах дат вступления в члены Тайного общества указывается Раевским различно. В записке «Мой формуляр» и в той редакции «Воспоминаний», выписки из которых были в руках П. Е. Щеголева, он называл 1818 г. Дата 1818 г. находилась первоначально и в тексте настоящей главы.

Подробно вопрос о дате вступления Раевского в Тайное общество обследован Ю. Г. Оксманом в работе «Воззвание к сынам Севера» («Очерки из истории движения декабристов», М., 1954). Как устанавливает Ю. Г. Оксман, время вступления Раевского в Тайное общество точно документируется июлем 1820 г. (стр. 454—458).

²¹ Противоречивы также сообщения Раевского о том, кем был он принят в Тайное общество. Первоначально он сослался на умершего капитана Филипповича (см. стр. 95), на суде в Замостье он назвал Комарова; Комарова он называет и в «Автобиографической записке» 1858 г. В настоящих же «Воспоминаниях» говорит о Фонвизине. Как известно, Комаров и сам признался, что принял Раевского; возможно, что о существовании Общества Раевский узнал и от Комарова и от Фонвизина. На следствии в Петербурге он говорил, что его приняли «Комаров или Филиппович (точно не помню)» (ЦГИА, ф. № 48, д. 149, л. 15).

²² Николай Иванович Комаров (1796—1853) — член Союза Благоденства. В процессе декабристов сыграл предательскую роль, разоблачив огромное количество членов Тайного общества. Из записки (от 15 мая 1853 г.) в не опубликованном до сих пор полностью дневнике Л. В. Дубельта выясняется, что Комаров покончил с собой: «Застрелился отставной д. с. с. Н. И. Комаров. В его комнате нашли записку его руки, чтобы никого в его смерти не винили, что он сам лишил себя жизни, и пакет с надписью: „Отдать дежурному фл.-ад. при е. и. в.“» (цит. по корректуре подготовленного П. А. Садиковым, но не вышедшего в свет издания «Заметок и дневника Дубельта»).

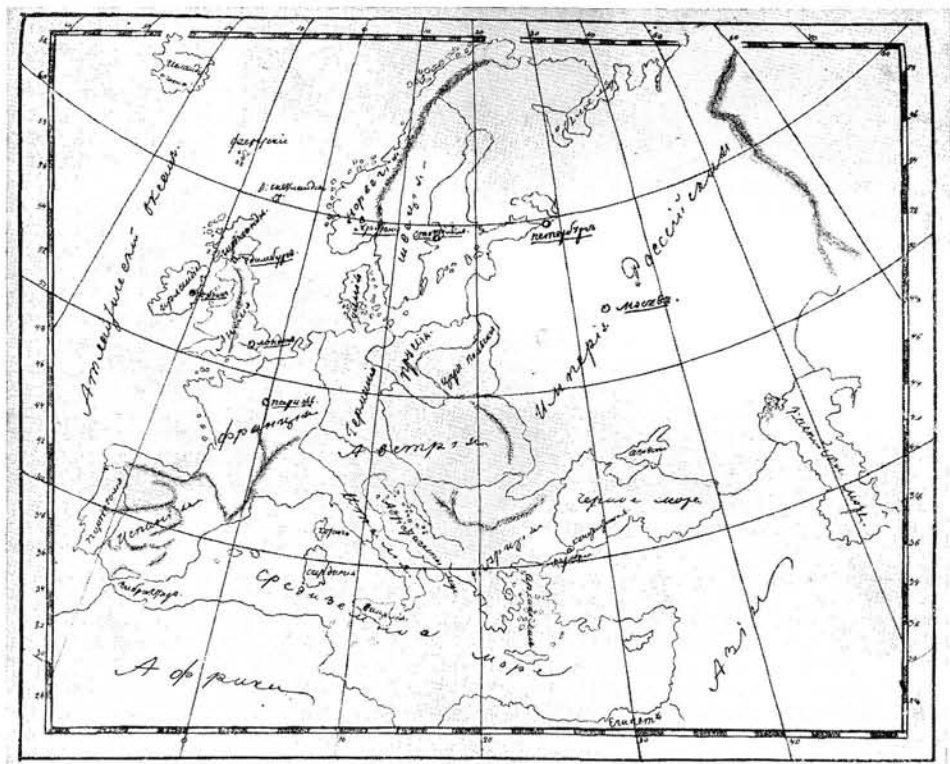
Сводку материалов о Н. И. Комарове см. далее в статье Ю. Г. Оксманова, стр. 140—141.

²³ Здесь и далее Раевский перечисляет известных ему в то время членов Тайного общества. Подробные биографические сведения о включенных в данный перечень лицах находятся в «Алфавите декабристов». Абрам Сергеевич Н о р о в (1795—1869), впоследствии министр народного просвещения, и Александр Львович Д а в ы д о в (1773—1833) членами Тайного общества не состояли и внесены Раевским в список ошибочно. Раевский, очевидно, спутал А. С. Норова с его старшим братом, подполковником Василием Сергеевичем Норовым (1793—1853), который действительно был членом Тайного общества в 1820 г. Фамилия полковника Пятина в «Алфавите декабристов» не названа; Раевский упоминает о нем в письме к Приклонскому от 25 октября 1818 г. («Ульяновский сборник», стр. 300). С некоторыми из упомянутых в данном перечне лиц Раевский позже встретился в Иркутской ссылке (это — Трубецкой, Волконский, А. Н. Муравьев, Н. М. Муравьев, Юшневский, Лунин, Арт. Муравьев).

²⁴ Андрей Григорьевич Н е п е н и н (1787—1845) — полковник 32-го Егерского

полка, член Союза Благоденствия с 1819 г. (принят Пестелем и Кальмом, а не Бистромом, как отмечено в «Воспоминаниях» Раевского). В 1826 г. был арестован и привлечен к суду. Активная роль его в Тайном обществе осталась необнаруженной (см. выше, стр. 66) и в основную вину ему было поставлено лишь «слабое смотрение за Раевским» (ВД, т. VIII, стр. 137, 259—260). В 1827 г. вновь было поднято дело о Непенине, но сразу же прекращено. Раевский отмечает «беспечность» Непенина, отдавшего в руки генерала Черемисинова столь важное письмо. Эту же черту характера Непенина отмечает и Липранди («Русский архив», 1866, стб. 1436). О Непенине см.: В. С. Арсеньев и И. М. Картавов. Декабристы-туляки. Тула, 1926, стр. 40—41.

²⁵ Федор Антонович Бистром — полковник, впоследствии генерал-гевальтигер 2-й Армии; умер в 1825 г. В «Алфавите декабристов» глухо упомянуто, что он был принят в Южное общество в 1821 г. (стр. 36); о его роли в Союзе Благоденствия и о нем самом имеются очень скудные сведения.

КАРТА ЕВРОПЫ, НАРИСОВАННАЯ В. Ф. РАЕВСКИМ, 1810-е гг.

Военно-исторический архив, Ленинград

²⁶ В следственном деле сохранились указания, что классы были разделены на «верхний» и «нижний». «Находящимся в верхнем по желанию преподавать можно французский язык. В Добавление в высшем классе: физика, натуральная история, мифология» (ЦГВИАЛ, указ. дело, т. XII, л. 50).

²⁷ «Политической географии» Раевский придавал особо важное значение: в нее входили по его программе изложение разных типов государственного правления, характеристика классов (сословий) России и т. д. Конспект лекций Раевского по географии сохранился и находится в его следственном деле (там же, лл. 244—247). Обзор и характеристику материалов следственного дела, относящихся к педагогической деятельности Раевского, см. в кн.: Базанов. Раевский, стр. 93—103.

²⁸ Раевский, действительно, пользовался для грамматических примеров цитатами лишь из дозволенных цензурой литературных произведений, но выбирал для этой цели наиболее острые в политическом отношении вещи, как, например, стихотворение Гнедича «Перуанец к испанцу», или же подбирал из них цитаты таким образом, что нейтральные произведения приобретали чуждое их духу политическое звучание (например, «Пери и ангел» Жуковского). В бумагах Раевского оказалась переписанной и ода Рылеева «К временщику» (см. «Ульяновский сборник», стр. 335—338).

²⁹ Называя Коновницына, Раевский путает двух братьев. «Отдан матери», то есть освобожден от наказания, был младший брат, Иван Петрович Коновницын (1806—1867 или 1871), но Раевский ничего не мог знать о нем, так как в 1820—1821 гг. он еще учился в Пажеском корпусе; старший же брат, Петр Коновницын (1802—1830), был разжалован в нижние чины; солдатскую службу отбывал сначала в Семипалатинске, затем на Кавказе; в 1828 г. за отличие в боях ему было возвращено офицерское звание. Дети генерала Н. Н. Раевского: Александр (1795—1868)—отставной полковник и Николай (1801—1843)—полковник Харьковского драгунского полка; оба они были привлечены к следствию и арестованы, но затем освобождены. Николай Николаевич Депрерадович (1802—1884), в 1822 г. был корнетом кавалергардского полка; после 14 декабря переведен в Нижегородский драгунский полк, находившийся на Кавказе. Как и в предыдущем перечне (см. прим. 23), Раевский ошибочно называет в числе членов Тайного общества А. Л. Давыдова, ошибочно также и его сообщение об аресте А. Л. Давыдова.

³⁰ В оправдательной записке М. Ф. Орлов уверял, что он никогда не имел «Зеленой книги». «Тут <в 1820 г.> я прочитал также и устав, который обещан был мне в копии, но никогда не прислан» (Д о в н а р - 3 а п о л ь с к и й. Мемуары, стр. 6); свидетельство Раевского опровергает это заявление Орлова.

³¹ Федор Федорович Вадковский (1800—1844)—один из выдающихся деятелей декабристского движения, хотя в исторической литературе его значение часто освещается неверно. Вадковский является автором исторического очерка «Белая Церковь» («Воспоминания и рассказы деятелей Т. О.», т. I, стр. 188—201) и ряда стихотворений и сатирических куплетов («Декабристы». Сборник, под ред. П. М. Головачева. М., 1907, стр. 4—6; «Красный архив», 1925, № 3, стр. 318—319). Наиболее полная характеристика Вадковского принадлежит Н. М. Дружинину: «Семейство Чернышевых и декабристское движение». — Сб. «Ярополец». М., 1930, стр. 23—32; см. также: Б е с т у ж е в ы, стр. 772—773. — В фамилии Шервуд Раевский всюду пишет «т» вместо «д».

³² Архиепископ Ириней (Н е с т е р о в и ч) (1783—1864) был назначен в Иркутск в 1830 г. специально, чтобы «подчинить» иркутскую епархию, которую Синод и Николай I считали «распустившейся» при правлении предшественника Иринья, архиепископа Михаила («Русская старина», 1880, № 11, стр. 746). Однако самовластные действия Иринья, его вмешательство в гражданское управление и столкновения с представителем краевой власти восстановили против него генерал-губернатора Лавинского, которому удалось добиться отозвания Иринья. Приказом Синода Иринью было предложено покинуть Иркутск, но он отказался повиноваться, признав указ подложным и обратился за помощью к народу. Он явился на главную гауптвахту, потребовал коменданта города генерал-майора Покровского, «а сам стал среди фронта солдат и произносил речи к солдатам и народу, собравшемуся на площади прямо гауптвахты, не совсем приличные и неуместные» («Иркутская летопись. Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова». — Труды Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, № V. Иркутск, 1911, стр. 243). 21 ноября Ириней был увезен из Иркутска специально прибывшими из Петербурга флигель-адъютантом полковником Гоголем и жандармским подполковником Брянчаниновым. «Бунт Иринья» вызвал довольно обширную литературу, перечень ее см.: В. И. Межов. Сибирская библиография. СПб., 1892, т. II, №№ 9686—9701; дополнительно: Э. И. Стогов. Очерки, рассказы и воспоминания, III. Бунт архиепископа Иринья. — «Русская старина», 1878, № 9, стр. 99—117; Из бумаг С. Д. Нечаева. — «Русский архив», 1893, № 5, стр. 136—143.

Рассказ Раевского и его характеристика личности Иринья («развратный и хитрый монах») представляется ценным дополнением к существующей мемуарной литературе. Ириней не отрицал своего доноса на Раевского, наоборот, очень гордился им и в разговоре с иркутским городским головой хвалился тем, что раньше других раскрыл «зловредное для государства учение, которое преподавал бывший тогда майором» <...> Раевский юнкерам в военном бессарабском лицее» («Русская старина», 1882, № 10, стр. 102).

Крупную роль в удалении Иринья из Сибири сыграл декабрист А. Н. Муравьев, занимавший в то время должность иркутского городничего. В сущности только благодаря письмам Муравьева к его влиятельным друзьям в Петербург удалось Лавинскому одержать победу в борьбе с Иринеем и добиться его удаления из Иркутска. Муравьев в письмах называл Иринья «зверским, лютым, корыстолюбивым и соблазнительным архиепископом» («Русский архив», 1893, № 5, стр. 137). Возможно, что соответствующую информацию о предыдущей деятельности Иринья Муравьев получил именно от Раевского, с которым он во время своего пребывания в Иркутске поддерживал тесную дружескую связь. Совершенно неправильное освещение позиции Муравьева в этой борьбе дает С. Я. Штрайх, в изображении которого борьба Иринья с местной властью принимается несвойственные ей черты принципиального протеста (С. Я. Ш т р а й х. Раскаившийся декабрист. — «Красная новь», 1925, № 12, стр. 155—157).

³³ Об обедах у Орлова, на которых всегда возникали страстные политические и литературные дискуссии, сообщает ряд мемуаристов (Липранди, Вигель и др.); Вигель особенно подчеркивает выступления Раевского (Записки. СПб., 1892, ч. VI, стр. 115). М. О. Гершензон приводит отрывок из письма Ек. Ник. Орловой к брату ее, Александру Раевскому: «У нас беспрестанно идут шумные споры — философские, по-

литические, литературные и др.; мне слышно их из дальней комнаты» («История молодой России». М.—Пг., 1923, стр. 34).

³⁴ Павел Сергеевич П у щ и н (1785—1865)— бригадный генерал в дивизии Орлова, член Союза Благодетствия и масонской ложи в Кишиневе («Овидий»), адресат послания Пушкина (1821). В связи с «беспорядками» в Камчатском полку (см. выше, стр. 118) был вынужден, по требованию Сабанеева, выйти в отставку. Подробнее о нем см. в настоящем томе, стр. 521—523.

³⁵ Дмитрий Николаевич Б о л о г о в с к о й (1775—1852)— бригадный генерал, участник убийства Павла I. Сводка биографических сведений о нем сделана Б. Л. Молдзелевским (Пушкин. Письма, т. II. М.—Л., 1928, стр. 319—321; Дневник Пушкина. М.—Пг., 1923, стр. 191—195); см. также «Звенья», IX, 1951, стр. 101.

³⁶ Майор Охотского полка Вержейский, так же как и Бреханов, принадлежал к числу наиболее жестоких и беспощадных командиров. Раевский говорил о нем в своих показаниях: «За то, что унтер-офицер Кочнев солдатку его батальона, с которой он <Вержейский> был в непозволительных связях, назвал непотребной женщиной, дал 700 ударов палками и тесаками по обнаженному телу и когда тот не кричал, велел принести несколько пригоршней соли и, втерши ему в спину, дал еще 300 ударов — всего 1000» (ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 42, т. III, л. 84). Отданный под суд Орловым (в приказе от 6 января 1822 г.), Вержейский был освобожден Сабанеевым, но затем все же был снова отдан под суд и умер, находясь под следствием.

³⁷ Раевский не вполне точно передает выражения приказа Орлова: Орлов не употребляет в нем термина «тиран», но говорит об «извергах»: «Обратимся к нашей воспой истории,— писал в приказе Орлов,— Суворов, Румянцев, Потемкин, все люди, приобретшие себе и отечеству славу, были друзьями солдат и пеклись об их благосостоянии. Все же изверги, кои одними побоями доводили их полки до наружной исправности, все погибли или погибнут» («Декабристы», 1926, стр. 63).

³⁸ Как можно полагать по контексту, здесь находился рассказ о предложении Киселева выдать Орлова и других членов Тайного общества (см. Приложение I; Щ е г о л е в. Декабристы, стр. 34).

³⁹ Вопросы, поставленные Раевскому, были разделены на 10 групп, или «отделений», соответствующих пунктам обвинения:

«Отделение первое: О прописях в полковой ланкастеровой школе употребляемых; о разговорах Раевского с юнкерами и нижними чинами, бывшими в полковой ланкастеровой школе; о прописях и книгах, употребляемых в дивизионной школе взаимного обучения; разговоры Раевского с офицерами о свободе, равенстве, вольности, конституции и тому подобном; о притеснениях, делаемых правительством; о предложении к составлению дружеского какого-то к тому Союза и обещании колец тем, кто будет принадлежать сему сословию, и, наконец, о кольце и связях Раевского в Каменке» (ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 42, т. IIа, л. 3 об.).

«Отделение второе: Похвала поступка Семеновского полка перед офицерами и нижними чинами и другие противозаконные при сем случаи и выражения» (там же, л. 32 об.).

«Отделение третье: О фамильярном и дружеском обхождении Раевского с нижними чинами; о внушениях, им делаемых; о непочтительности Раевского к старшим; о советах Раевского обходиться с нижними чинами, как он сам; о толковании о тиранинстве и о пошлости, делаемом нижним чинам по службе; о своевольной выдаче порционных денег в своей роте и внушении нижним чинам других рот, что он сие в роте, им командуемой, исполнил; о назывании телесного наказания варварством; о равенстве между всеми людьми; о рассказах Раевского, что в каком-то полку солдаты подняли полковника на штыки; о позволении расстрелять или на штыки поднять полкового командира или адъютанта за напрасный привод роты в Аккерман; о приказании роте принять на штыки подполковника Неймана, если он будет наказывать солдат роты Раевского и о беспорядках и грабеже при пожаре, случившемся в Аккермане» (там же, лл. 50 об.—51 об.).

«Отделение четвертое: О приглашении нижних чинов за Днестр к Вознесенску» (там же, л. 102 об.).

«Отделение пятое: О поведении Раевского во время управления его дивизионной школой и внушениях, делаемых юнкерам во время нахождения в школе» (там же, л. 110 об.).

«Отделение шестое: О письмах Раевского к разным лицам» (там же, л. 119 об.).

«Отделение седьмое: Относительно рассуждений Раевского с юнкерами и нижними чинами о корпусном командире» (там же, л. 133 об.).

«Отделение восьмое: О проступке 3-й карабинерной роты» (там же, л. 135 об.).

«Отделение девятое: О поступках штабс-капитана Цыха по показанию Раевского» (там же, л. 139 об.).

«Отделение десятое: О Союзе Благодетствия» (там же, л. 142 об.).

⁴⁰ Это сообщение Раевского подтверждается материалами следственного дела.

⁴¹ Стихотворение Раевского «Скворец» было впервые опубликовано в «Русской старине» (1890, № 5, стр. 371—372) под заглавием «На смерть моего скворца»; другой список сохранился в Ульяновском архиве («Ульяновский сборник», стр. 216). «К друзьям из Тирасполя» (другие заглавия: «К друзьям», «Послание к друзьям», «К друзьям в Кишинев», «Послание к друзьям в Кишинев») известно во многих списках; неоднократно печаталось в зарубежных изданиях с приурочением к имени Рыльева или

Полежаева. Как стихотворение, принадлежащее Рылееву, оно было включено в лейпцигское издание: «Стихотворения К. Ф. Рылеева. С его жизнеописанием». Лейпциг, 1862 (стр. 35—39). В легальной печати впервые появилось в указанной выше книжке «Русской старины» (стр. 365—368). Другие редакции, извлеченные из разных архивов, были опубликованы: М. А. Ця в л о в с к и м. Эпиграфы декабристов («Голос минувшего», 1917, № 7-8, стр. 85—90); Л. С п е р а н с к о й. Автограф В. Ф. Раевского («Лит. критик», 1939, № 2, стр. 213—216); П. С. Б е й с о в ы м. Поэт-декабрист В. Ф. Раевский («Лит. Ульяновск», 1, 1947, стр. 130—131) и «Неопубликованный Раевский» («Воляжская повесть», № 10, 1940, стр. 285—287).

⁴² Раевский, находясь в крепости, завоевал глубокое уважение и симпатии к себе со стороны несущих караульную службу офицеров и подчинил их своему влиянию. Липранди рассказывает, что ему удалось иметь свидание с Раевским во время прогулки последнего в сопровождении преданного ему унтер-офицера («Русский архив», 1866, № 10, стб. 1450); состоялось же это свидание с ведома и под покровительством коменданта крепости. Через находящегося в крепости офицеров, как, например, штабс-капитан Молевский, поручик Бартнев, Раевский передавал из крепости написанные им там стихотворения, оправдательные записки, письма.

⁴³ Об этом приговоре — см. выше, стр. 62.

⁴⁴ «Протест» опубликован В. Г. Базановым (Раевский, стр. 192—214) по тексту, хранящемуся в ЦГВИАЛ (ф. № 9, д. 42, т. III, лл. 608—643), и П. С. Бейсовым («Ульяновский сборник», стр. 225—243).

⁴⁵ Раевский не совсем точно излагает историю доносов: кроме доносов Шервуда и Майборды, был еще донос Бошняка, завербованного в качестве агента начальником южных поселенных войск, гр. Виттом («Записка Бошняка» с комментариями Б. Е. Сыроечковского напечатана в «Красном архиве», 1925, № 9, стр. 195—225). Последовательность же доносов была такова: в сентябре 1825 г. — донос Шервуда, в октябре — Бошняка, в ноябре — Майборды.

⁴⁶ Здесь некоторое кажущееся противоречие с первой главой «Воспоминаний», возникающее вследствие неточности выражений Раевского. «Зеленая книга» была им уничтожена не «накануне ареста», как он пишет, а фактически уже во время ареста, то есть когда он находился еще под стражей в своей квартире, но до увоза его в Тираспольскую крепость.

⁴⁷ См. выше, стр. 55.

⁴⁸ Священник, о котором упоминает здесь Раевский, — протоиерей Мысловский, имя которого многократно встречается в мемуарах и переписке декабристов. В оценке его личности со стороны декабристов нет единодушия: очень положительную оценку давали Оболенский, Трубенкой, А. Муравьев, Якушкин, Лорер, отрицательную — Басаргин, Завалишин, Муханов, Лукин (см. Б е с т у ж е в ы, стр. 711—712). Раевский, как видно из его рассказа, сразу же отнесся к Мысловскому настороженно и подозрительно. Возможно, что он был уже предупрежден о Мысловском Басаргиным, с которым Раевский имел возможность переговариваться (Б а с а р г и н, стр. 56).

⁴⁹ Николай Иванович Филиппович (ум. в 1825 г.) — капитан, старший адъютант начальника Главного штаба 2-й Армии по квартирмейстерской части. В «Алфавите декабристов» о нем сказано: «Многие показали, что он принадлежал к Союзу Благочестия к Тайному обществу и принимал деятельнейшее участие в распространении оного посредством приема членов» (стр. 193).

⁵⁰ Об этом эпизоде упоминает в своих записках А. М. Муравьев: «Майор Раевский, человек блестящего ума, говоря о немцах, заставил Дибича подпрыгнуть в своем кресле» («Воспоминания и рассказы деятелей Т. О.», т. I, стр. 130). «История» Константинова, на которую ссылался Раевский, — «Учебная книга истории государства Российского, составленная из новейших отечественных творений Егором Константиновым с присовокуплением летоисчислительных таблиц», ч. I—II. СПб., 1820. На учебник Константинова Раевский ссылался и во время суда в Замостье. Отвечая на обвинения в «осудительном отношении» к царствованию Екатерины, он заявлял: «О протекшем царствовании дозволено говорить истории, не только сочинению, определенному лежать в портфеле. Ссылаюсь, начиная от г. Карамзина до г. Константинова; сей последний на стр. 133 и 135 второй части учебной книги для институтов не только говорит о жестокости правления императрицы Анны, но он говорит о слабости ее к любимцу своему Бирону, исчисляет жертвы падения, по проискам сего министра, выводит число одних дворян до 21 000 погибших на плахе или в Сибири в 9 лет; называет лица — говорит о казенных по подозрению за мнимое преступление по ложным доносам и проч.» (ИРЛИ, 3168, XVI б, лл. 16 об. — 17).

⁵¹ Этот ответ вызвал обмен резкими репликами между Раевским и в. к. Михаилом Павловичем (см. выше, стр. 73).

⁵² О Григории Раевском см. стр. 103—104, 125, 526.

⁵³ Об унтер-офицере Соколове и его неизменном сочувствии к заключенным подробно рассказывают Л о р е р (стр. 105—106, 122—123), Р о з е н (стр. 90, 95); видно о нем же упоминает А. С. Гангелов («Воспоминания декабриста». М., 1888, стр. 100—101).

⁵⁴ Сообщения декабристов и других лиц о казни противоречивы. Так, например,

Горбачевский утверждал, что с петли сорвались Бестужев-Рюмин, Муравьев-Апостол и Каховский; М. Бестужев подтверждает первые два имени, третьим же, по его сведениям, был Рылеев. Николай Бестужев говорит о Рылееве, Каховском и Муравьеве-Апостоле. По версии Раевского: Рылеев, Муравьев, Пестель. Имя Пестеля называют и другие мемуаристы. Официальное сообщение петербургского генерал-губернатора («Былое», 1906, № 3, стр. 232) совпадает с рассказом Н. А. Бестужева. В. к. Николай Михайлович оспаривал правильность этой версии («Казнь пяти декабристов 13 июля 1826 года и император Николай I». — «Исторический вестник», 1916, № 7, стр. 109), но источников своего утверждения не указывал.

⁵⁵ Эта глава была опубликована В. М. Пушиным в «Сборнике статей в честь Д. Ф. Кобеко». СПб., 1913, стр. 239—246; печатается по тексту писарской копии с поправками рукой Раевского. Раевский всюду называет «Замостье» — «Замосць», то есть так, как оно звучит по-польски. Мы сохраняем эту особенность и в настоящей публикации. Первоначально было озаглавлено: «Крепость Замосць и разговор с цесаревичем Константином Павловичем в 1826 году сентября месяца»; позже карандашом на последней странице написано другое заглавие, которое и сохраняется нами. Раевский именует Константина цесаревичем, хотя в это время он был уже только великим князем.

⁵⁶ Раевский в этой главе идеализирует не только Константина, но и некоторых его приближенных. Другие источники не оправдывают такого отзыва о Куруте. См. далее письмо Раевского к Куруте, стр. 145—147.

⁵⁷ Священник, благословлявший «знамены Сергея Апостола-Муравьева» — Даниил Федорович Кейзер. Он благословил полк на выступление и прочел войскам после молебна «Катехизис» С. И. Муравьева-Апостола. Приговором суда был лишен сана и сослан в арестантские рабочие роты в Бобруйск, а позже находился на поселении в одном из сел Смоленской губернии, где крайне бедствовал. Впоследствии ему были возвращены гражданские права, но в восстановлении сана отказано. О Кейзере и его судьбе — см. в статье П. Е. Щеголева «Катехизис Сергея Муравьева-Апостола» («Минувшие годы», 1908, № 11; вошло в сборники «Исторические этюды» и «Декабристы»).

⁵⁸ О деле своего брата Григория (1803—1831?) Раевский говорит более подробно в следующей главе; о нем же он неоднократно писал в различных автобиографических записках и заметках, в «Замечаниях», появившихся в «Полярной звезде», в «Заметках», опубликованных Е. И. Якушкиным, и в «Автобиографической записке» 1858 г. Имя Григория Раевского внесено в «Алфавит декабристов», где о нем сказано: «хотя по виду не имеет он более 18 лет, но образ мыслей его весьма развращен и невольнотелен» (стр. 161).

⁵⁹ Об отношении Раевского к Константину и о некоторой нарочитости данной характеристики см. вступительную статью (стр. 63—64).

⁶⁰ Младший брат Раевского — Петр Федосеевич. О нем и о его участии в подпольной организации, якобы существовавшей в 1830 г. в Курске, см. в статье П. С. Бейсова «Тайное общество братьев Раевских в Курске» («Лит. альманах», кн. II. Курск, 1940, стр. 272—275). Однако Бейсов слишком буквально понял текст обнаруженных им документов, не учитывая их явно провокационного и лживого характера.

⁶¹ В. к. Константин ненавидел М. Ф. Орлова и был недоволен его поминованием: Декабрист Розен сообщал, что «одно очень важное лицо сказало своим приближенным. „Орлова следовало бы повесить первого“» (Р о з е н, стр. 426). М. О. Гершензон считал, что этим «важным лицом» являлся Николай I («История молодой России». М. — Пг., 1923, стр. 72); это же утверждение повторил и В. Г. Базанов («Декабристы в Кипшиеле», 1951, стр. 91). Рассказ Раевского бесспорно решает вопрос о «лице», упомянутом Розеном. В письме к Николаю I Константин писал: «Что касается Орлова, то меня ничто в нем не удивляет, как и во всей пайке» («Междоуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов парской семьи». Подготовил к печати В. Е. Сыроечковский. М. — Л., 1926, стр. 181). Ненависть Константина к Орлову в значительной степени объясняет и отношение великого князя к Раевскому, дело которого казалось ему лишь незначительной частью общего дела Орлова.

⁶² О конфирмации в. к. Константина см. вступительную статью (стр. 62).

⁶³ Андрей Федосеевич Раевский (1794—1822) — поэт и литератор, член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. О нем см. в настоящем томе, стр. 518—519.

⁶⁴ Запрос о стихах, о котором упоминает Раевский, был вызван доносом Василия Раевского (см. указ. статью П. С. Бейсова «Тайное общество братьев Раевских...», стр. 273—274). В Иркутском губернском архивном бюро хранится дело «О бумагах, найденных у бывшего майора Раевского, находящегося на поселении в Олонках» («Сибирь и декабристы». Иркутск, 1925, стр. 187). Об этом см. в настоящем томе, стр. 133.

⁶⁵ См. прим. 41.

⁶⁶ Владимир Александрович Бечаснов (1802—1859) — прапорщик 8-й артиллерийской бригады; Вениамин Николаевич Соловьев (1798—1871) — штабс-капитан Черниговского полка; оба принадлежали к Обществу Соединенных Славян. Они, как и другие участники восстания Черниговского полка, отправлены были из Москвы в Сибирь пешком. С ними вместе шли Мозалевский, Быстрицкий и Сухинов. Из Москвы они были отправлены 1 января 1827 г. и прибыли в Нерчинск в феврале 1828 г.

⁶⁷ У Раевского описка: 1800 г.

⁶⁸ Кирилл Яковлевич Тюфяев (1775—1840-е гг.) — пермский губернатор; впоследствии был губернатором в Вятке, во время пребывания там в ссылке Герцена (см. «Былое и думы», ч. II, гл. XIV — Герцен, т. XII, стр. 254—270); подробные биографические сведения о нем и характеристику его административной деятельности см. в комментариях М. К. Лемке (там же, стр. 367—380).

⁶⁹ В этих замечаниях сказался отголосок характерных для общественных настроений в Сибири 50—60-х годов споров о местных деятелях и приезжих чиновниках, которых именovali «навозными» (игра слов: «навозные», т. е. «привезенные», «навозенные» и «навозные» в собственном смысле этого слова).

⁷⁰ Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский (1788—1850) — губернатор в Тобольске (1826—1828), историк и археограф, автор ряда био-библиографических трудов; крупнейший из них — «Словарь достопамятных людей русской земли» (1836—1847). Очень много сделал для благоустройства Тобольска, в частности, большое внимание было обращено им на организацию школ, больниц и т. п., но вследствие настойчивой борьбы его со взяточничеством нажил много врагов из среды чиновничества. Его опасения, о которых упоминает Раевский, действительно, оправдались. В результате пристрастной и явно несправедливой ревизии 1827 г. (см. прим. 71) он был уволен со службы и лишь в 1834 г. ему удалось добиться реабилитации; свои воспоминания об этом периоде жизни он озаглавил: «Шемякин суд в XIX столетии» («Русская старина», 1873, № 6, стр. 735—784). К проезжавшим через Тобольск декабристам относился с большим участием и благожелательностью, стараясь по возможности облегчить тяжелые условия их путешествия (см.: Розен, стр. 142).

⁷¹ О ревизии Западной Сибири сенаторами В. К. Безродным и Б. А. Куракиным см.: Б. Л. Модзалевский. Декабристы на пути в Сибирь. — «Декабристы». М., 1925, стр. 99—127 (с подробной библиографией).

⁷² Владимир Игнатьевич Соколовский (1808—1839) — писатель, автор поэмы «Мироздание» (1832), романа «Две и одна, или любовь поэта» (1834) и др.; ему же приписывается известное стихотворение на смерть Александра I и воцарение Николая I («Русский император в вечность отошел; ему оператор брюхо распорол...»). В 1834 г. был арестован вместе с Герценом и Огаревым по делу «о лицах, певших пасквильные стихи». Содержался в Шлиссельбургской крепости, потом был сослан в Вологду, где и скончался. См. о нем: Герцен, т. XII, стр. 225—226, 231—235; Н. М. Сатин. Из литературных воспоминаний («Русские прописки», т. I. М., 1915, стр. 195—201).

⁷³ Философ Александрович Горохов (1796—185?) в 1828 г. был чиновником канцелярии губернатора, в 1833—1838 гг. служил прокурором, впоследствии крупный золотопромышленник. Бессмысленно-роскошная жизнь, которую он вел, привела его к полному банкротству, сопровождавшемуся разорением большого числа доверившихся ему людей. Во время пребывания в Томске Батенькова оказал ему ряд существеннейших услуг и очень заботился о создании ему благоприятных условий. См. о нем: А. В. Адрианов. Томская старина. Томск, 1912, стр. 69—74; И. Д. Себрегеников. Из томской старины. Сад Горохова. — «Труды Томского краевого музея», т. I, 1927, стр. 49—52.

⁷⁴ Николай Александрович Степанов (1807—1877) — один из талантливейших русских карикатуристов, сотрудник «Искры», позже редактор «Будильника»; сын А. П. Степанова (см. прим. 76). В 1827 г. находился на службе в Главном управлении Восточной Сибири, принимал деятельное участие в местной культурной жизни, между прочим, пытался организовать первый карикатурно-сатирический журнал в Сибири («Минусинский раскрыватель»).

⁷⁵ Дружба Раевского с Батеньковым (1793—1863) началась еще во время совместного пребывания их во втором кадетском корпусе в Петербурге. Ко времени ранней дружбы с Раевским Батеньков относил и первое проявление у него «свободных идей». О их связи и переписке см. далее, стр. 135—136.

Непонятно, на основании каких источников Б. С. Мейлах утверждает, что Батеньков и Раевский были связаны «по совместной работе в Тайном обществе» («Поэзия декабристов». Вступит. статья, подготовка текстов и прим. Б. С. Мейлаха. Л., 1950, стр. 822). Никакими известными материалами это указание не подтверждается, да едва ли и может быть подтверждено, так как Батеньков с 1817 по 1821 г. находился безвыездно в Сибири и в Тайное общество вступил перед восстанием. Ошибочное утверждение Мейлаха повторено и в антологии В. Н. Орлова «Декабристы». М.—Л., 1951, стр. 618.

⁷⁶ Александр Петрович Степанов (1781—1839) — писатель, участник походов Суворова. С 1822 по 1831 г. был губернатором в Красноярске, значительно поднял культурную жизнь города; по его инициативе был организован в Сибири первый литературный альманах («Енисейский альманах», 1828); сам он являлся автором ряда стихотворных и прозаических произведений о Сибири; пытался организовать в Красноярске Общество для изучения местного края, но не получил разрешения Николая I. Важное краеведческое значение имеет двухтомный труд Степанова «Енисейская губерния» (1835). К проезжавшим через Красноярск декабристам Степанов относился очень внимательно, о чем свидетельствуют в своих воспоминаниях М. А. Фоновин («Общественные движения», стр. 58) и Басаргин (стр. 93). Это послужило

для Степанова источником крупных служебных неприятностей. Последнее обстоятельство явилось и причиной холодного приема им Раевского. В архиве «Русской старины» (ИРЛИ) сохранилась копия рукой М. А. Бестужева письма А. П. Степанова к М. К. Юшневской (от 12 июля 1830 г.), в котором он просил «ни в какой переписке с Россией» не упоминать его имени (ИРЛИ, ф. № 604, ед. хр. 6, л. 205 об.).

⁷⁷ Александр Николаевич Муравьев (см. о нем выше, стр. 122), как отошедший от Тайного общества и оказавший «искреннее раскаяние», был приговорен к ссылке в Сибирь без лишения чинов и дворянства. Первоначально он был отправлен в Якутск (1826), но в конце того же года переведен в Верхнеудинск и затем (с апреля 1828 г.) назначен городничим в Иркутск. Позже был председателем Иркутского губернского правления, тобольским губернатором, председателем Вятской уголовной палаты и т. д. Свой жизненный путь он закончил генерал-лейтенантом и сенатором. В 1858 г. Раевский встретился в Нижнем-Новгороде с А. Н. Муравьевым, где последний был в то время губернатором. Встреча произвела тяжелое впечатление на Раевского. «Муравьев был честный, благомыслящий человек, — писал он в своих заметках, — но не имел <так у Щеголева, может быть, не знал?> практического жизни. <...> К тому же он был мистик» («Современник», 1912, № 12, стр. 295—296).

⁷⁸ Некоторые подробности о своей жизни в Олонках Раевский сообщил в письме к сестре, В. Ф. Половой («Русская старина», 1902, № 3, стр. 603—605). Раевский очень много сделал для поднятия экономического благосостояния олонских крестьян, создал первую постоянную сельскую школу, знакомил крестьян с усовершенствованными методами сельского хозяйства, снабжал их различными семенами, которые ему присылали из Европейской России, и пр. Большое значение для Олонки и окрестного населения имели опыты Раевского в области огородничества. По свидетельству С. В. Максимова, арбузы на иркутском рынке появились впервые из огорода Раевского. Особенно был знаменит сад, возвращенный Раевским, частично сохранившийся и до настоящего времени (см. Ф. А. Кудрявцев. Первый декабрист В. Ф. Раевский в Олонках. — «Сибирь и декабристы». Иркутск, 1925, стр. 70). Наконец, Раевский являлся постоянным и неизменным защитником крестьянских интересов. Еще в 1925 г. в Олонках были крестьяне, помнившие Раевского. Несколько рассказов крестьян о Раевском записано в 1925 г. Ф. А. Кудрявцевым (указ. соч., стр. 69—70) и автором настоящих примечаний. Дом Раевского сохранился до настоящего времени, — ныне в нем помещается сельская школа его имени. Сохранилась и могила Раевского на Олонском кладбище. На могильной плите надпись: «Под сим камнем погребено тело Владимира Федосеевича Раевского. Родился 28 мая 1795 г., умер 1872 года». Рядом с могилой Раевского — могилы его жены и сына Михаила.

⁷⁹ Раевский имеет в виду труды военных историков: А. И. Михайловского-Данилевского. Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1839 и М. И. Богдановича. История Отечественной войны 1812 г., тт. I—III. СПб., 1859. Высокая оценка этих сочинений не оправдывается ни их фактической, ни идейной стороной.

⁸⁰ Конскрипция — система всеобщей воинской повинности, установленная Французской революцией 1789 г. В «Записке о государственном управлении» Пестель писал: «Лучший способ для набора ратников состоял бы, по моему мнению, в соединении правил французского набора (конскрипции) с правилами русского набора» («Русская правда». Ред. П. Е. Щеголева. СПб., 1906, стр. 143).

⁸¹ Вопрос о несправедливых войнах и способах добиться их прекращения занимал Раевского еще до ареста. Эта тема усиленно дебатировалась на обедах у М. Ф. Орлова. Отголоски этих споров сохранились в известных заметках Пушкина о вечном мире (Пушкин, т. XII, стр. 189), в которых принято видеть запись различных суждений, высказывавшихся во время споров на эту тему у Орлова (см. Б. В. Томашевский. Пушкин и вечный мир. — «Звезда», 1930, № 7, стр. 227—231). Споры касались главным образом проекта аббата Сен-Пьера («Projet de traité conclu pour rendre la paix perpetuelle entre les souverains chrétiens», 1713, в трех томах) и критических замечаний о нем Руссо («Jugement sur le projet de paix universelle», 1761). Как видно из записей Пушкина, основной темой дебатов был вопрос о мирном и революционном путях разрешения проблемы прекращения войн и установления вечного мира.

Мысли о войне как великом зле для народов, видимо, не раз служили предметом обсуждения братьев Раевских: аналогичное высказывание находится и в «Воспоминаниях о походе 1813 и 1814 годов» Андрея Раевского. Рассказав о виденном им в Лейпциге случае гибели грудного младенца на руках матери от пролетевшего мимо ядра, он восклицает: «Мне рассказывали много подобных случаев; сердце терзается, взирая на ужасные страдания человечества! И есть люди, которые говорят с благоговением о жестоких завоевателях! Злодей, виновный в умщлении на жизнь одного человека, подвергается поносной казни; тира, проливающий кровь миллионов, почитается великим!» (назв. соч., ч. I, стр. 136).

⁸² Записи в «Моем формуляре» особенно ясно свидетельствуют о том, что память на года у Раевского была очень слаба — отсюда многочисленные противоречия во всех его датировках. В «Моем формуляре» произвольно объединены два проезда Раевского через Тульчин (1818 и 1820 гг.) — в один; 32-й егерский полк «стоял в

Аккермане» не в 1818, а в 1820—1821 гг.; в майоры Раевский был произведен не в 1820, а в 1821 г.; тогда же он «принял в управление» школы; в Россию он ездил не в 1863, а в 1858 г.

⁸³ В «Приложение» мы включаем:

1) Цитаты из рукописи «Записки» Раевского, которые находились в распоряжении П. Е. Щеголева. Перепечатываются из книги: Щеголев. Декабристы: 1 (стр. 10), 2 (стр. 12), 3 (стр. 12), 4 (стр. 13), 5 (стр. 17), 6 (стр. 31). Кроме этих цитат, в статье П. Е. Щеголева приведен еще отрывок (стр. 30), полностью соответствующий тексту первого примечания Раевского к первой главе «Воспоминаний».

2) Отрывок из письма Раевского к сестре В. Ф. Поповой от 21 мая 1868 г. О значении этого письма см. вступительную статью (стр. 52).

3) Отрывки из бумаг Раевского. Извлечены из «Дела Комиссии военного суда при Литовском военном корпусе» (ИРЛИ. Печатается впервые — по писарской копии — назв. дело, лл. 24 об.—25). В военно-судном деле эти отрывки именуются «письмом к неизвестной». Так же объяснил происхождение этого документа и сам Раевский.

По поводу этого письма Раевскому был задан Комиссией вопрос: к кому и когда это письмо писано; зачем он находился тогда в Одессе; какой смысл имели слова: «я забывал вас, братия! Я забывал долг мой»? Каких братьев и какой долг имел он в виду? Что означали слова о «радости видеть себя спасителем» отечества? «Для чего же вы, писавши мне письмо в мирное и счастливое состояние России, изъяснились здесь таким образом, как бы отечество наше было в опасности?». И, наконец, приводя «слова несравненной»: «ты можешь быть полезнее...» и т. д., Военно-судная комиссия спрашивала: «Кто сказал вам означенные слова? Какой в них смысл подразумевается? Какие тайные порывы великого крылись тогда в вашем сердце и чего великого?» (там же, л. 25—25 об.). Раевский отвечал, что письмо писано им к женщине, к какой — «определять точно не может, ибо «я не помню». На вопрос о времени ответить явно уклонился, заметив лишь, что в Одессе бывал очень часто «для своих и казенных надобностей». Спрошенный вновь по тому же вопросу, должен был уже назвать более точно дату, сказав, что это письмо было писано в 1820 или 1821 г. На остальные пункты отвечал так: «я забывал вас, братия, я забывал долг мой — значит, что я для любви забывал все на свете: и друзей и обязанности мои в отношении к семейству, службе и проч.». По поводу слов «об опасности отечества» заявил, что он не говорил ни о какой конкретной опасности: «я не определяю ни настоящего, ни прошедшего, ни будущего — я говорю о подвиге, который мне кажется выше других подвигов — и потому-то слова мои значат: славно видеть себя спасителем отечества, но счастья быть с тобою не променял бы я на сию славу». На последний же вопрос («о словах несравненной») отвечал так: «я никакого тут особого смысла не разумею, слова сии могли быть сказаны при разлуке: ты можешь быть полезнее там, то есть, — где требует долг, честь и твое звание присутствия твоего. Разве порывы темного, т. е. необнаруженного, скрытого стремления к всему славному, высокому, благородному воспримешь? Сии чувства, несмотря на шестой год моей неволи, не угасли еще в душе моей...» (там же, л. 25 об.). Сбитая с толку ответами Раевского, Комиссия пыталась еще раз вернуться к этому вопросу, особенно требуя разъяснения, почему, поскольку письмо было писано к женщине, в нем имеется обращение к братьям. Раевский отвечал на это: «сие относилось к товарищам, к тем, которые милы сердцу моему; я забывал обязанности мои для женщины, дабы сильнее выразить как сильна была страсть сия, для которой забывал я все на свете» (там же, л. 26).

Последний вопрос был задан Раевскому, почему на это письмо не было обращено внимания в предшествующих судебных инстанциях. Раевский отвечал: «Любовное мое письмо, конечно, ни в ком не могло возродить подозрения, тем более, что оно нигде не заключает двусмыслия» (л. 28).

Военно-судная комиссия удовлетворилась этими объяснениями и более не возвращалась к данному «письму».

⁸⁴ В упомянутом выше «письме» в «Под суд», сохранившемся в «Софийской коллекции» бумаг Герцена и Огарева (см. выше, стр. 74), Раевский сообщал: «Главною причиною ареста Раевского было желание Сабанеева узнать что-нибудь о тайном обществе, к которому он принадлежал, потому что правительство уже знало, хотя и смутно, о его существовании. Император Александр I поручил начальнику штаба 2-й армии г. Киселеву (теперь послом в Париже) спросить Раевского, какой тайный союз существует в России, и если он, Раевский, откроет его, то возвратить ему шпагу. На это Раевский отвечал: „По какому праву вы считаете меня таким низким человеком, чтобы я продал за шпагу мою честь и совесть? Ваше предложение, если бы я действительно принадлежал к какому-нибудь обществу, поставило уже меня в необходимость молчать“. Киселев потребовал письменного ответа — Раевский отвечал, что он ничего не знает».

⁸⁵ Об этом отрывке см. ниже, в публикации Ю. Г. Оксмана, стр. 129—130.